

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Общественные науки»

ИСТОРИКИ РАЗМЫШЛЯЮТ

**ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО:
РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

**ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

**КОМПЕТЕНТНОЕ МНЕНИЕ:
СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Общественные науки»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

научного журнала «ВЕСТНИК БИСТ»

(Башкирского института
социальных технологий)

Главный редактор –
Нигматуллина Танзилия Алтафовна

Заместитель главного редактора –
Сулейманова Альмира Камиловна

Ответственный редактор –
Черкесова Наталья Николаевна

**Редакционная коллегия серии
«Общественные науки»:**

Научный редактор –
Верещагин Александр Сергеевич,
д.и.н., профессор

Члены редакционной коллегии:

Гибадуллин Рафаиль Вагитович –
д.соц.н., профессор

Матвеева Любовь Дмитриевна –
д.и.н., профессор

Черкесова Наталья Николаевна –
к.и.н., доцент

Токарева Гузель Фарисовна –
к.соц.н., доцент

Учредитель:

Академия труда
и социальных
отношений

Научный журнал
Издаётся с 2009г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653
от 2 декабря 2008г.

Адрес редакции: 450054, г. Уфа,
Проспект Октября 74/2
E-mail: vestnikBIST@mail.ru

СЛОВО РЕДАКТОРА

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА	4
ОГЛАВЛЕНИЕ	5
ИСТОРИКИ РАЗМЫШЛЯЮТ.....	7
<i>Сахаров Валентин Александрович.</i> Царь Иван Васильевич Грозный: дискуссионные вопросы истории становления личности царя.....	8
<i>Лившин Александр Яковлевич.</i> Социальный идеал в послереволюционной России: народные представления о свободе и справедливости	23
<i>Маренков Алексей Сергеевич.</i> Освещение русско-японской войны в официальной печати	36
ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	48
<i>Халуторных Ольга Николаевна.</i> Формирование правового государства в России: традиции и перспективы	48
<i>Боярских Артем Викторович.</i> Элементы гражданского общества в социально-политических теориях	59
<i>Нигматуллина Танзилия Алтафовна.</i> национальная политика как компонент развития гражданского общества: опыт Республики Башкортостан.....	69
<i>Резниченко Вера Анатольевна.</i> Профилактика девиантного поведения личности в период трансформации социальных норм.....	76
ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	83
<i>Зайцева Татьяна Вячеславовна.</i> Создание и поддержание кадрового потенциала государственных организаций.....	83
<i>Клименко Антон Владимирович.</i> Развитие и управление территориями с уникальной научной средой в Российской Федерации (Наукоград Кольцово).....	94
<i>Меркулова Анастасия Михайловна.</i> Управление Московским университетом в 1941-1947 годы	102
<i>Барбасова Светлана Сергеевна.</i> Обзор государственной политики СССР в области пенсионного обеспечения граждан	108
<i>Ермаков Вадим Андреевич.</i> Пересмотр чрезвычайных институтов управления в Российской Империи в 1904-1905 годах.....	114
КОМПЕТЕНТНОЕ МНЕНИЕ: СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	120
<i>Бондаренко Марина Анатольевна.</i> Анализ современной речевой ситуации как средство формирования языковой личности	120

<i>Шутелева Ия Александровна.</i> Инновационный потенциал правовых дисциплин в формировании компетенций этнокультурной толерантности и правового сознания студентов учебных заведений.....	126
<i>Соловьев Николай Николаевич.</i> Социально-культурная деятельность как эффективное средство формирования правовой культуры молодежи	131
<i>Абдуллина Зишана Меметовна.</i> Использование инновационных технологий в гуманитарном образовании (на примере экспериментального занятия по курсу «Культурология»).....	138
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.....	148
CONTENTS & SUMMARIES	154
АВТОРАМ	161

CONTENTS

THE EDITOR'S OPENING SPEECH.....	4
CONTENTS.....	6
HISTORIANS ARE MUSING.....	8
<i>Sakharov Valentin Alexandrovich.</i> Tsar Ivan the Terrible: debatable questions of history of tsar's personality formation.....	8
<i>Livshin Alexander Yakovlevich.</i> Social ideal in post-revolutionary Russia: national notion of freedom and justice.....	23
<i>Marenkov Alexei Sergeevich.</i> Coverage of the russian-japanese war in official press.....	36
LEGAL STATE AND CIVIL SOCIETY: RUSSIAN DIMENTION.....	48
<i>Kholutornyh Olga Nikolaevna.</i> Legal State formation in Russia: traditions and prospects.....	48
<i>Boyarskikh Artyom Viktorovich.</i> Elements of civil society in social politics theories.....	59
<i>Nigmatullina Tanzilya Altafovna</i> National policy as component of civil society development: Bashkortostan Republic experience.....	69
<i>Reznichenko Vera Anatolyevna</i> Preventive measures of deviant behavior	

<i>of the person in the period of transformation of social norms.....</i>	76
MANAGEMENT QUESTIONS:	
HISTORICAL TRADITIONS AND MODERN TENDENCIES.....	83
<i>Zaytseva Tatiana Vyacheslavna On creating Work Force for Public Organizations.....</i>	83
<i>Klimenko Anton Vladimirovich. Development and management of territories with the unique scientific environment in the Russian Federation (Naukograd Koltovo).....</i>	94
<i>Merkulova Anastasia Mikhailovna Management of Moscow University in 1941-1947.....</i>	102
<i>Barbasova Svetlana Sergeevna The review of the state policy of the USSR in the field of the citizens' provision of pensions.....</i>	108
<i>Yermakov Vadim Andreevich. Revision of extreme institutes of management in the Russian Empire in 1904-1905.....</i>	114
COMPETENT OPINION: CONTEMPORARY EDUCATION.....	120
<i>Bondarenko Marina Anatolyevna. The analysis of the contemporary speech situation as means of formation of the linguistic personality.....</i>	120
<i>Shutelyova Ilya Alexandrovna. The innovative capacity of legal disciplines in the formation of ethno-cultural tolerance and of the legal consciousness competences of students of educational institutions.....</i>	126
<i>Solovyov Nikolai Nikolayevich. Sociocultural activity as an effective means of formation of legal culture of the youth.....</i>	131
<i>Abdullina Zishana Memetovna. The use of innovative technologies in liberal edu- cation (on the example of the experimental lesson at the course of "culturology")...138</i>	138
SCIENTIFIC LIFE.....	148
CONTENTS & SUMMARIES.....	154
FOR AUTHORS.....	161

ИСТОРИКИ РАЗМЫШЛЯЮТ

Сахаров Валентин Александрович

доктор исторических наук, доцент кафедры

«Политическая история» факультета государственного управления
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ЦАРЯ

В статье показывается легендарный характер информации о детстве и отрочестве Ивана Грозного. Доказывается невозможность и неправомерность её использования для обоснования тезиса об интеллектуальной и морально-психологической дефектности царя. Устанавливается, что создание Избранной рады явилось результатом навязанной царю Ивану смены его окружения и служило целям ограничения царского самодержавия. Выясняется, что это ограничение находилось в глубоком противоречии с представлениями о сущности, характере и пределах царской власти, как власти живого бога. Делается вывод, что причины конфликта царя Ивана Грозного с руководством Избранной рады коренятся не в личности и характере царя, а в политической борьбе по принципиальным вопросам развития российского государства.

Ключевые слова: самодержавие, Избранная Рада, царское самодержавие, Иван Грозный, Андрей Курбский.

В последние годы все более отчетливо проявляется очередное повышение интереса к истории царствования Ивана Грозного. И вновь сталкиваются два совершенно разных подхода к оценке его личности, политики и роли в истории. С одной стороны, стремление не жевать-пережевывать, смаковать скабрёзные и скандальные рассказы о нем, а попытаться дать более взвешенную оценку его личности и его царствования. Наиболее определенно эта тенденция проявилась в высоком рейтинге, который царь Иван Васильевич получил по результатам голосования

в национальном телепроекте «Имя Россия». С другой стороны, активизация своего рода «контрпропаганды» (телефильм «Царь» и пр.), вновь и вновь воспроизводящей «старые-старые» сказки о нем, представляя их в качестве достоверных свидетельств очевидцев, сдобренных собственной безальтернативной интерпретацией, справедливость которой отнюдь не очевидна.

Считается, что на всю историю царствования Ивана Васильевича решающий отпечаток наложили его личные качества и черты характера. Истоки их ищут в его детстве, отро-

честве, юности. Соответственно, дурное воспитание или отсутствие оного обеспечили России череду страшных десятилетий и ужасные последствия в будущем. Что нам известно об этом периоде жизни царя Ивана Грозного? Насколько эта информация достоверна? Всегда ли достаточно обоснованные выводы из неё делаются? Насколько оправданы картины становления царя-монстра, которые без устали навязывают людям? Попробуем ответить на эти вопросы. Напомним основные факторы формирования личности Ивана Грозного, принятые в традиционной версии.

Во-первых, наследственность – отвратительные личные качества, доставшиеся от предков, раннее сиротство и как, следствие его, отсутствие надлежащего воспитания, плохие советники и друзья, вседозволенность [1, с.89, 221, 223, 227]. Так формировалась личность до 17 лет, когда он стал приобщаться к делам правления.

Во-вторых, женитьба в 17-летнем возрасте и появление хороших наставников, «выправивших» вместе с женой приобретенные царем Иваном Васильевичем недостатки. Результат – проведение наставниками, руководившими Избранной Радой, серии полезных для государства реформ, знаменовавших лучшее время его царствования. В заслугу царю ставится то, что он не мешал подготовке и проведению этих реформ. Похвала для государя более чем сомнительная, подготавливающая вывод о том,

что разрыв с вождями Избранной Рады предопределил все неудачи его правления в последующие годы и все несчастья, обрушившиеся на страну и народ.

В-третьих, нежелание царя Ивана Васильевича, неспособного к самостоятельному правлению, мириться с положением пассивного наблюдателя и регистратора проводимых Избранной Радой реформ, формирование собственных представлений по вопросам управления и политики государства. Попытка их противопоставления политике Избранной Рады объявляется ошибкой и ставится в упрек и вину царю. Причины усматриваются в дефектах характера царя: властная натура, нетерпимость к чужому мнению, маниакальная подозрительность и т. д. В дальнейшем именно эти качества определили основные события его царствования и привели к трагическим для страны событиям.

В этой схеме нет ничего невозможного, поэтому она выглядит убедительной. Однако её слабые места обнаруживаются при применении хотя бы элементарного критического подхода к информации об обстоятельствах жизни Ивана Грозного в детстве, отрочестве, юности и преодолевается пренебрежительное отношение к информации, противоречащей традиционной историографической схеме.

Прежде всего необходимо обратиться к информации о детстве и отрочестве царя Ивана Грозного – «колыбели» его личности. Инфор-

мация о детстве царя черпается в основном из его воспоминаний, содержащихся в первом послании князю А. Курбскому. Нарисованные им картины принимаются историками на веру. Но насколько это обоснованно? Проверить эту информацию нечем. Но есть возможность учесть обстоятельства, под действием которых царь обратился к воспоминаниям о далеком детстве. Их цель – расширить арсенал обвинений в адрес своих врагов. Поэтому мы не вправе исключить, что он сгущает краски, придумывает факты, которые никто проверить не сможет, или дает такую интерпретацию им, которая серьезно искажает суть дела. Насколько обоснованы такие предположения? Для них есть основания. Вот пример.

Царь Иван Грозный вспоминал одну сцену: во время детских игр князь Иван Шуйский сидел на лавке, опершись локтем о постель покойного отца и положив ноги на стул, а на него и его брата Юрия не смотрел. Эта картина при желании может быть оценена как не очень симпатичная. Сидел! Облокотился на постель покойного родственника!! Ужас!!! Но вместе с тем в ней нет ничего, что свидетельствовало бы о проявлении небрежения к великому князю со стороны боярина. Не смотрел на детей? Может быть, ему нездоровилось? Или он был чем-то озабочен? Например, государственными делами. Детское восприятие фиксирует картинки, но не физическое или психологиче-

ское состояние человека. Р.Г. Скрынников комментирует: «Среди словесной шелухи мелькнуло, наконец, живое воспоминание детства. Но как превратно оно истолковано! Воскресив в памяти фигуру немощного старика, сошедшего вскоре в могилу, Иван начинает бранить опекуна...». И замечает, что даже А. Курбский высмеял эту попытку скомпрометировать бывших опекунов [2, 123]. Почему же историки, как правило, принимают этот рассказ за реалистическую картинку с натуры? Царь Иван жаловался также и на «неволю» своего детства, не поясняя, однако, в чем именно она проявлялась. Была ли в этом вина или, тем более, злой умысел опекунов, мы уже не узнаем. Нелишне, однако, будет заметить, что нормы отношения к детям, устанавливавшиеся «Домостроем» и обязательные для всех православных, настраивали не на ласки, а на суровое обращение с ними: «Воспитай детей в запретах... Не улыбайся ему, редко играя с ним» и т. д. [3, с.159].

Известны также жалобы царя Ивана Васильевича на то, что их с братом Юрием плохо содержали, одевали и кормили. Однако, по оценкам Р.Г. Скрынникова, данный упрек царя относится к тому времени, когда он уже «избавился от всякой опеки и стал жить в «самовольстве». «Ласкающие пестуны», стараясь завоевать расположение мальчика, не слишком принуждали его к учению. Наказать его за без-

образия или заставить вовремя постыдиться никто не мог» [2, с.123-124]. Иногда указывается на травмирующее воздействие на детскую психику факта ареста на глазах ребенка митрополита Иосафа. Изучив все известные обстоятельства этой истории, Р.Г. Скрынников пришел к выводу, что будучи ребенком князь Иван, «как видно, даже и не подозревал о том, что на его глазах произошел переворот». Во всяком случае в письме к Курбскому он, «мимоходом и вполне равнодушно» упомянув об этой истории, неставил эту сцену в упрек своим опекунам, т. е. получается, что он «попросту забыл сцену, будто бы напугавшую его на всю жизнь» [2, с.123].

Таким образом, Р.Г. Скрынников – один из крупнейших знатоков и исследователей той эпохи весьма критически относится к этим жалобам царя Ивана Грозного. Более того, он обращает внимание на необоснованность существующей в историографии традиции представлять царя Ивана на основе этих рассказов как человека с раннего детства ущербного в морально-психологическом отношении. «Описания царя столь впечатляющи, что их обаянию поддались историки. На основании царских писем В.О. Ключевский создал знаменитый психологический портрет Ивана-ребенка. В душу сироты, писал он, рано и глубоко врезалось чувство брошенности и одиночества. Безобразные сцены боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, превратили его робость в нервную пуг-

ливость... С годами в Иване развилась подозрительность и глубокое недоверие к людям» [2, с.122].

Р.Г.Скрынников ставит под сомнение и созданный В.О. Ключевским образ царя Ивана, и его выводы: «Поздние сетования Грозного производят странное впечатление. Кажется, что Иван пишет с чужих слов, а не на основании ярких детских воспоминаний», его многочисленные упреки касаются таких бытовых мелочей, о которых десятилетний мальчик вряд ли мог быть осведомлен в то время. Но он мог узнать о них позднее и в нужный момент представить как свои воспоминания». Поэтому обоснованным представляется его вывод: «можно думать, что непосредственные ребяческие впечатления, по крайней мере, лет до двенадцати, не давали Ивану никаких серьезных оснований для обвинения бояр в непочтительном к нему отношении» [2, с.122-123].

О царе Иване Грозном в период отрочества известно очень мало. Нет оснований сомневаться, пожалуй, только в том, что в 13 лет он был уже физически здоров. Основанием для этого вывода служит официальное объявление Посольского приказа за рубежом о том, что Великий Государь «в мужской возраст входит, а ростом совершенного человека ужь есть, а з божью волею помышляет уже брачный закон принятии» [2, с.124]. Основная, широко используемая информация о «забавах» великого князя Ивана «идет» от «Истории о

великом князе Московском» А. Курбского, авторство которого, впрочем, не без основания подвергается сомнению. Принимая версию его авторства, придется признать и его политическую заинтересованность в дискредитации своего главного врага, а следовательно, необходимость проявлять большую осторожность при использовании содержащейся в ней информации о поступках князя Ивана и их мотивах.

Говоря о негативных проявлениях в поведении молодого великого князя Ивана, Курбский связывает их со сменой его кружения, произошедшей в результате естественного хода событий – со смертью последних строгих опекунов. Их сменили люди, по словам Курбского, «хвалившие» молодого князя и попустительствовавшие ему, что нанесло его воспитанию большой ущерб. Курбский всего на два года старше князя Ивана, поэтому есть достаточно оснований усомниться в том, что он передает свои наблюдения, впечатления. Очевидно, своим авторитетом он лишь прикрывает неизвестный нам источник информации. Вопрос о преднамеренном искажении информации и оценок, мы по необходимости, оставляем без ответа.

По утверждению Курбского, великий князь Иван в это время начал предаваться диким потехам, поражавшим окружающих. Если принять на веру рассказ Курбского, то с большим основанием можно

предположить, что причина их крылась не в развращающих ребенка действиях «воспитателей», а была банальнее и естественнее. Она заключалась в переходе в другой возраст, для которого свойственны подобного рода грубые, «дикие» игры, доходящие иногда до неаргументированной жестокости. Так бывает и в наше время, так было и сотни лет назад... Но при этом остается открытым вопрос о степени «диких» забав Ивана. Что нам сообщается о них?

Курбский уверяет, что забавы ради 12-летний князь Иван «промышлял кровь животных», «швыряя их» «с крылец или теремов» (высота второго–третьего этажа современного дома), а в 15 лет «начал он и людей бросать» (очевидно, оттуда же) [1, с.223]. Прежде чем приступить к каким бы то ни было «построениям» на основе этой информации, её следовало бы проверить. Однако проверить и подтвердить нечем. Значит, и опираться на неё в рассуждениях нельзя. Но и для исключения возможности подобных поступков нет оснований. Поэтому допустим, что подросток Иван повинен в подобных деяниях, не забывая, однако, что это всего-навсего допущение, а не факт. Можно ли в этом случае говорить о наличии определенной, недвусмысленной и достаточно аргументированной связи проявлений этой подростковой жестокости с политикой и методами правления царя

Ивана Грозного? Отрицательный ответ, думается, очевиден.

А вот еще одна «картинка» того же автора – А. Курбского: с 15-ти лет великий князь Иван начал разъезжать с ватагой сверстников – детей знатнейших бояр по улицам и площадям Москвы и при этом топтать конями людей, бить и грабить простой люд. В принципе, в этой картине тоже нет ничего невероятного. Как говорится, «сценка из жизни» средневековья. Не исключено, конечно, что она имеет какое-либо отношение к Ивану. Но «не исключено» еще не факт. Может - было, может - не было. Аргументированного ответа на этот вопрос быть не может. Поэтому допустим худший для Ивана вариант – такие случаи были. Что это дает нам для понимания деяний Грозного царя в зрелом возрасте? Абсолютно ничего, поскольку подобное пренебрежение человеческими жизнями со стороны представителей «социальных верхов» – обыденное явление.

Подведем итог. Есть ли основания для того, чтобы характеризовать указанные проявления забав молодого царя как намного превосходящие по дикости забавы его сверстников и современников? Нет. Есть ли основания без надлежащей проверки (к сожалению, она невозможна!) принимать эту информацию, содержащуюся в политическом памфлете – «Истории о великом князе Московском», преследовавшем цель дискредитации в глазах польско-литовской феодальной аристократии и шляхты царя Ивана

Васильевича Грозного, претендовавшего на польский престол Речи Посполитой. Конечно, приведенные в ней факты поведения великого князя следует учесть, но у нас нет достаточных оснований превращать их в «краеугольные камни» для разного рода построений относительно личности и политики царя Ивана Грозного.

Со временем бояре все чаще стали использовать юного великого князя Ивана в междоусобной борьбе для обеспечения собственных интересов. Основание для таких заключений дает прежде всего сам царь Иван, вспоминавший, например, картину избиения в думе Андреем Шуйским и его приверженцами боярина Воронцова. С другой стороны, летопись содержит информацию о том, что по наущению одного из «ласкателей» великий князь Иван велел своим псарям убить Андрея Шуйского [2, с.124]. Однако из этой информации ясно, что данное проявление жестокости было обусловлено не наследственностью или воспитанием, а политическими интригами представителей борющихся боярско-княжеских кланов.

Все эти сцены жестокости великого князя Ивана Васильевича, вне зависимости от того, имели они место в реальности или нет, конечно, производили и производят сильное негативное впечатление на людей XIX – XXI вв. Но они не могут быть расценены как нечто необычное, экстраординарное для людей средневековья. Во всяком случае,

на основе этой информации невозможно построить концепцию какой-то особенной жестокости царя Ивана Грозного как по сравнению со своими предками, так и со современниками. Следовательно, использовать тезис о прирожденной или рано возникшей необычной жестокости царя Ивана в качестве причины, объясняющей поведение царя в течение всего его царствования, невозможно.

Своего рода «годом великого перелома» в жизни Ивана Грозного считается 1547г. Этот год действительно был наполнен невиданными прежде в его жизни событиями. В январе он венчался на царство, т. е. приобрел почти неограниченные права отца по отношению ко всем своим подданным. А в феврале он женился на Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой. Следовательно, по представлениям того времени он стал взрослым человеком. Добавим к этому сильнейшую морально-психологическую «встряскую», полученную им во время московского пожара и восстания в июне 1547г. Всего этого достаточно, чтобы предположить определенные перемены в чувствах, взглядах и поведении молодого государя-царя без которого бы то ни было «руководящего и направляющего» влияния со стороны.

Между тем царю Ивану в этом отказано. То, что естественно и нормально для других, почему-то считается невозможным по отношению к нему. Фиксируя позитив-

ные перемены в его поведении, историки причины их усматривают во внешних факторах: в благотворном влиянии его молодой жены Анастасии, а также А. Адашева и попа Сильвестра. Хотя нам неизвестно ничего достоверного ни об их наследственности, ни о воспитании, ни о характере, ни об интеллекте. Тем не менее, историки охотно верят, что в основном их усилиями «исправлялся» «непутевый» царь Иван. В результате он оказывается каким-то изначально и безнадежно ущербным. Есть ли достаточные основания, чтобы превращать его в некий «страдательный залог» в мужских штанах (семья) и шапке Мономаха (государство)?

Тезис о благотворном влиянии молодой жены на характер и поведение царя Ивана, пожалуй, самый сложный как для критики, так и для аргументации. Такое влияние вполне возможно, поэтому допустить его несложно. Однако оно совсем не обязательно. Поэтому доказать сам факт такого влияния при данной источниковой базе совершенно невозможно. Тем более ничего определенного нельзя сказать о характере, направленности такого влияния. А оно могло быть разным. Чтобы сознательно и целенаправленно влиять на другого человека, надо иметь к тому основания, возможности и, наконец, способности. Были ли они у Анастасии? Мы об этом ничего не знаем. К тому же надо учесть и то, что для позитивного влияния на другого человека,

нужно, чтобы человек сам обладал соответствующими качествами. Обладала ли ими царица Анастасия? И об этом мы ничего не знаем. Однако почему-то предполагается, что она являла образцом добродетели и обладала выдающимися педагогическими способностями. И это в 17 лет? При жизненном опыте, ограниченном стенами девичьего терема скромной боярской семьи?! Более чем сомнительно.

Если также учесть, что отношения между мужем и женой строились на основании установок Домостроя, что теремной образ жизни царицы сильно ограничивал возможности ее влияния на мужа, то поймем, что возможности для влияния в вопросах, выходящих за пределы семейной жизни и быта, были, в лучшем случае, очень невелики. Если не невозможны. Её влияние на царя, исправляющее не только приобретенные, но и наследственные чудовищные недостатки его характера, постулируется, но не доказывается. С другой стороны, игнорируется возможность обратного влияния царя на царицу? Поэтому факт женитьбы как фактор, обеспечивавший «исправление» царственного юноши, не может быть принят всерьез. Конечно, историк должен учитывать и такую вероятность, но он не может использовать её для каких-либо серьезных заключений относительно эволюции личности и характера царя Ивана Грозного.

В делах государственных в качестве «укротителей», воспитате-

лей и наставников «непутевого» царя выступают прежде всего А. Адашев и поп Сильвестр. Им также принято отдавать лавры авторов и проводников реформ 1550-х гг. Вопрос о том, насколько обосновано такое выпячивание их фигур, превращение их, не имевших никакого опыта государственной работы, в крупнейших реформаторов середины XVI в., далеко выходит за рамки темы данной статьи и поэтому здесь не может быть рассмотрен. А вопрос о характере человеческих и политических отношений царя Ивана во время установления контактов между ними, а также в период возникновения и оформления Избранной Рады может и должен быть рассмотрен здесь. Как правило, возникновение Избранной Рады относят ко времени между 1547г. и 1549г. Такая датировка восходит к первому посланию царя Ивана Грозного Курбскому и подтверждается последним в «Истории о великом князе Московском». Р.Г. Скрынников считает, что она возникла не ранее середины 1554г. [2, с.108-109, 117-118] Версия царя Ивана и Курбского нам представляется более обоснованной.

После московского восстания 1547г. самыми близкими к царю Ивану Васильевичу людьми оказались два человека. Первый – поп Благовещенского собора Сильвестр, «усмирявший» его, по словам Курбского, «божественным священным писанием», «заклинная... грозным именем бога», открывая ему «чудеса и как бы знаменья от бога». «Не

знаю, – писал Курбский, – истинные ли» это были чудеса и знаменья, «или так, чтобы запугать» царя, «он сам все это придумал». И продолжал: «Блаженный, я полагаю, прибавил немного благих козней, которыми задумал исцелить большое зло». Каков политический смысл такой морально-психологической «обработки» молодого и неопытного, сильно напуганного восстанием царя? Последующие события позволяют предположить, что политическая цель, которую преследовал Сильвестр, состояла в том, чтобы представить в качестве виновников всего произшедшего ближайшее окружение царя (Глинские и др.), недостойное его доверия, и подтолкнуть его к мысли о необходимости перемен в его составе. Второй – А. Адашев. О причинах и обстоятельствах его появления в окружении царя А. Курбский пишет предельно неопределенno: «благородный юноша» был «очень полезен всему государству и даже некоторыми чертами характера подобен ангелу». Царь, в свою очередь, его «в то время очень любил... и находился с ним в согласии» [1, с.225, 227].

Царь Иван Грозный излагает эту историю, в целом, согласно с Курбским, но при этом дает Адашеву и Сильвестру совершенно иные оценки: «Был в это время при нашем дворе *собака* (курсив – Авт. «Собака» - едва ли не самое уничижительное ругательство того времени. – В.С.) Алексей Адашев...

не пойму, каким образом возвысившийся из телохранителей; мы же, видя все эти изменения вельмож, взяли его из навоза и сравняли его с вельможами, надеясь на верную его службу... Потом для совета в духовных делах и спасения своей души взял я попа Сильвестра, надеясь, что человек, стоящий у престола господня, побережет свою душу». Свои отношения с Сильвестром царь также строил по-деловому: «Я знал из божественного Писания, что подобает без раздумий повиноваться добрым наставникам, и ему, ради совета его духовного, повиновался своей волей, а не по неведению; он же, желая власти, как Илья-жрец, начал также окружать себя мирскими друзьями» [1, с.51].

Как видно, царь Иван Васильевич в данном случае руководствовался исключительно «голым» расчетом, а не очарованием «ангелоподобного» характера Адашева и «блаженности» попа из Новгорода. Никаких эмоций. Царь Иван нуждался в помощниках и советчиках, а не в воспитателях и наставниках. Именно поэтому и в таком качестве, исключительно по его воле Адашев и Сильвестр оказались в его ближайшем окружении. И это понятно: сколь бы мало ни понимал молодой и неопытный царь в государственных делах, эти двое не имели даже подобия его опыта и знаний. Если у них и был до времени скрытый талант государственных деятелей, то царь Иван о нем

явно не подозревал и не думал, да и потом, судя по его отзывам, не обнаружил!

Мы не знаем, какие именно проблемы царь надеялся решать с помощью Адашева. От попа Сильвестра он ждал лишь совета в вопросах веры. Но вскоре царь понял, что сильно ошибся в своих расчетах, что сам оказался в роли «используемого» в чужих для него интересах. «Поп Сильвестр, – писал царь, – сдружился с Алексеем, и начали они советоваться тайком от нас, считая нас неразумными: и так вместо духовных стали обсуждать мирские дела, мало-помалу стали подчинять вас, бояр, своей воле, из-под нашей же власти вас выводя, приучали вас прекословить нам». Так начал формироваться опасный для царя союз с боярско-княжеской аристократией, представители которой «не отказались от своих коварных привычек, снова вернулись к прежнему и начали служить нам не честно, попросту, а с хитростью» [1]. Не исключено, конечно, что царь Иван Васильевич что-то преувеличивает, что-то переоценивает, сгущает краски, но в главном он, безусловно, прав. Свидетелем тому является сам А. Курбский! О том, во что вылилось воспитание и наставление царя Ивана, «воспитанного без отца в скверных страстиах и самоволии, крайне жестокого, напившегося уже всякой крови – не только животных, но и людей!», он писал достаточно откровенно.

Во-первых, поп Сильвестр и А. Адашев устроили «кадровую чистку» в окружении царя: «бывших уже с ним в согласии одних они отстраняют от него», как «нечисть и скверну, насланную прежде сатаной». «Других обуздывают и удерживают страхом бога живого». Во-вторых, ставят царя под свой морально-психологический контроль, используя веру. С одной стороны, его «наставляют в благочестии – в прилежных молитвах к богу, в прилежном соблюдении постов и воздержании», а с другой – внушают мысль о собственной неполноценности: «преподобный... язвительными словами осыпал тебя и порицал и суровыми наставлениями, словно бритвой, вырезал твои дурные обычаи» [1, с.89]. Более того, как Курбский не без удовольствия писал царю, Сильвестр «тебя... устрашал не истинными, но придуманными знамениями. О, по правде и я скажу: хитрец он был, коварен и хитроумен, ибо обманом овладел тобой» [1, с.87].

По версии Курбского, все это делалось во благо самого царя [1, с.87]. Поняв, что с ним сотворили, царь Иван Васильевич оценил эту работу иначе. Он был удивлен и возмущен действиями Адашева и Сильвестра, которые, по его словам, «нагло утверждали», «что я слабоумен или неразумный младенец», запугивали «меня, как пугают детей», преуспев в этом [1, с.69]. В контексте всех рассуждений Курбского позиция его самого, а также Сильвестра (и Адашева), в истории

их отношений с царем Иваном Грозным очень точно передаётся известными словами: конечно же, он (Курбский, Сильвестр или Адашев) «сукин сын», «но он наш сукин сын», значит, хороший человек.

После этой предварительной морально-психологической «обработки» царя Сильвестр «пускает в дело» «тяжелую артиллерию»: «призывает на помощь себе» митрополита Макария и, конечно же, «всех добрых и праведных людей, почтенных священством» [1, с.227]. Поп Благовещенского собора организует работу митрополита с царем! Оцените эти возможности и влияние! Сильвестр, как считается, склонялся к «нестяжателям», Макарий же был последовательным иосифлянином. Они были врагами, но без участия митрополита невозможно было производить над царем некоторые манипуляции, как, например, публичное покаяние царя, т. е. признание им своих прегрешений перед своими подданными. По свидетельству Курбского, поп Сильвестр преуспел в этом. И вот уже он с митрополитом «настраивают (выделено нами. Фактически понуждают! – В.С.) царя на покаяние и, очистив его внутренний сосуд, приводят, как положено, к Богу, и сподобляют принять святых непорочных тайн Христа нашего» [1, с.227]. Наконец, пишет Курбский, Сильвестр и Адашев «собирают к нему (царю – В.С.) советников, умных и совершенных людей» как весьма престарелых, так и

«среднего возраста», вполне опытных «в военных и гражданских вопросах». И наконец, следует главный акт – они «связывают советников» с царем, но так, чтобы он не мог «без их совета ничего не предпринимать и не решать». «Назывались же тогда эти его советники избранной радой» [1, с.227-228]. Свершилось! Молодого и неопытного царя-самодержца политически «спеленали»!!!

Насколько такое утверждение соответствует действительности? Основания для утвердительного ответа на этот вопрос дают главные «свидетели» по этому «делу»: царь Иван Грозный и Курбский. Их «показания» вполнеозвучны в главном – в вопросах истории, обстоятельств и времени возникновения Избранной рады, а также ее реального характера. Они определенно указывают, с одной стороны, на то, кем и как эта «Рада» была избрана, а, с другой – кому и как она была навязана! «Избрана» она была противниками формирования царского самодержавия, которых достаточно было как среди светских феодалов, так и среди иерархов русской православной церкви. Возникла она до покаяния Ивана, на которое ему пришлось пойти на так называемом соборе «примирения» (1549г.). Царю Ивану эта «избранная рада» была навязана вместо прежнего его окружения, которое поддерживало вполне объективную, закономерную и прогрессивную для России того времени тен-

денцию становления царского самодержавия. Именно это окружение обеспечило официальное венчание великого князя Всея Руси Ивана Васильевича царем. Этот акт интронизации стал важным шагом в легитимизации складывающегося режима царского самодержавия и осложнил положение противников такой эволюции велиkokняжеской власти. Он положил конец тому несколько двусмысленному положению, когда признание царского достоинства за великим князем Всея Руси опиралось не на обязательные для всех подданных и законные в их глазах установления, а на добровольное, но условное признание его иерархами русской православной церкви, добровольное признание близкой к великим князьям части боярско-княжеской аристократии, а также вынужденное признание оппозиционно настроенной частью её.

Характер взаимоотношений, установленных Избранной рады с царем, Иван Васильевич описывает, конечно, иначе, чем Курбский. Но картина в целом вполнеозвучна с тем подходом Сильвестра к царю, о котором пишет Курбский. «Вошло в обычай: если я попробую возразить хоть самому последнему из его советников, меня обвиняют в нечести... а если и последний из его советников обращается ко мне с надменной и грубой речью, не как к владыке и даже не как к брату, а как к низшему, – то это хорошим считается у них; кто нас хоть в малом послушается, сделает по-

нашему, – тому гонение и великая мука, а если кто раздражит нас или принесет какое-либо огорчение, – тому богатство, слава и честь, а если не соглашусь – пагуба душе и разорение царству». «И во внешних делах, и во внутренних, и даже в мельчайших и самых незначительных... на нас же смотрели как на младенцев» [1, с.53]. Итак, метод откровенного диктата, а при необходимости и запугивания. Далее он пишет о тех личных интересах, которые члены Избранной рады пытались обеспечить: возвратить себе «вотчины и города, и села, которые были отобраны от вас по уложению нашего деда, великого государя, и которым не надлежит быть у вас» [1, с.51]. Эти «шкурные» личные и сословные интересы объективно грозили стране страшными политическими последствиями в результате разрушения централизованного русского государства.

Понимал ли царь Иван Васильевич, к чему вели «педагогические опыты» его «ангелоподобных» воспитателей, внушавших ему, что он не только на удивление глуп, но и еще является собой сосуд всевозможных грехов и мерзостей? Судя его собственному признанию, в какой-то момент он оказался в руках этих политических жуликов и тех сил, которые стояли за ними и стремились превратить его в послушную марионетку [1, с.69]. Но, видимо, это состояние морально-психологического «шока» у молодого царя продолжалось не очень продолжительное время. Во-

первых, как можно понять из его первого послания Курбскому, они действовали очень прямолинейно и грубо, а во-вторых, развивающие ими взгляды находились в вопиющем противоречии с тем, чему учили высшие (на то время) авторитеты русской православной церкви, и тому, что утверждалось этой церковью от имени самого бога-отца во время венчания его царем православным. Во всяком случае, он понимал, что политика, которую навязывают ему новые советники (так называемая «Избранная рада»), грозит московскому царству, за судьбу которого он несет личную ответственность перед богом-отцом, большими бедами. Он писал: «Вы (Курбский и согласная с ним часть княжеско-боярской аристократии. – В.С.) с попом Сильвестром и Алексеем Адашевым и со всеми своими родичами хотели видеть под ногами своими всю Русскую землю, но бог дает власть тому, кому захочет» [1, с.81]. Отвечать за их богопротивные дела перед богом своей душой царь Иван не желал.

Очевидно, что не только страх, естественный для верующего, «двигал» им, но и определенные представления о своем предназначении в этом мире. Царь Иван Васильевич – человек своего времени – впитывал мысли авторитетнейших церковных мыслителей, в том числе, Иосифа Волоцкого, который учил, что сам бог «посадил его (царя. – В.С.) в себе место» и «суд и

милость предаст ему и церковное и монастырское и всего православного государства и всяя русская земли власть и попечение вручил ему». Что «царь естеством подобен есть всем человеком, властию же подобен вышнему богу». Что «когда царь на гнев совратится на кого, и они с кротостью и смиренiem и со слезами моляху царя», что «суд царя никем уже не посуждается» [4, с.134-138. 5, с.103]. А во время интронизации митрополит в молитве просил бога о царе: «да наследует затем царствие небесное» [6, с.81]. Пока упреки попа Сильвестра не выходили за понятное для любого верующего требование каяться в своих грехах, они могли представляться царю уместными и оправданными, он смиленно принимал их и подчинялся своему духовнику. Но если тот переходил эти рамки, унижая Ивана Васильевича как царя и противореча ему как царю, то такие действия царь Иван Васильевич мог и должен был расценить как покушение на его божественное предназначение. Более того, как проявление сомнения в воле бога и в противоречии ей.

Полагаю, здесь надо искать ту грань, перейдя которую Сильвестр, Адашев (со всеми их словами и делами) должны были предстать в глазах царя Ивана Васильевича в ином свете. В этом случае неизбежна переоценка их в качестве советников, которая сначала, возможно, носила характер разочарования, нарастания критичности по

отношению к ним, а не противопоставления себе, и поэтому принимала «мягкие формы». Реакция царя Ивана на их попытки подчинить себя указывают на то, что ненависть, которой он проникся к ним, была плодом их собственной работы, а не морально-психологической ущербности царя. В человеческом отношении она была естественной и обоснованной, а в политическом – оправданной, поскольку объективно защищала исторически прогрессивную тенденцию развития народа, страны, российского государства.

Использованные выше фрагменты послания царя Ивана Курбскому относятся к 1564г. Но есть основания считать, что эти мысли стали формироваться у него вскоре после образования Избранной рады. Они «носились в воздухе», на что указывают челобитные Пересветова (конец 1540-х гг.), пропагандировавшего самодержавие царя как условие обеспечения нормального развития страны. Сам царь Иван, рассказывая о «династическом кризисе» 1553г., писал, что в это время произошло усиление (а не начало) конфликта с Адашевым и Сильвестром [1, с.81, 83]. В предыдущем 1552г. наличие напряженных отношений между царем и деятелями «Избранной Рады» отмечают как сам царь, так и Курбский [1, с.61, 261]. В 1551г., выступая с важной политической речью на Стоглавом соборе, Иван Васильевич как царь предрешает его решения. Возможно, что в процессе подготовки этого

выступления и в ходе работы данного собора, а также во время работы над царским судебником и собора 1550г., принявшего его, происходил у царя Ивана Васильевича тот интеллектуальный и морально-психологический перелом, который сделал неизбежным его освобождение из-под влияния своих «наставников». В этом случае причины краха Избранной рады и репрессии против ее деятелей следует искать не в особенностях личности и характера царя, а во взглядах и действиях ее членов и тех кругов феодальной аристократии, интересы которых они представляли и защищали.

Сказанное, конечно, не означает, что автор пытается отрицать какой-либо позитив в деятельности Избранной рады. Вопрос о том, какие советники царя Ивана, старые или новые, обладали большими способностями, знанием дела, практической хваткой и пр., я не ставлю, да и вряд ли он может быть решен историками.

В данном случае мне важно констатировать, что, во-первых, Избранная рада появилась на свет не в результате «взаимопрощения» примирившихся противников, а стала продуктом определенной фазы борьбы между, с одной стороны, царем Иваном, стремившимся (при поддержке своих единомышленников и сторонников) превратить формально существующее царское самодержавие в реально функционирующий политический механизм, а с другой – противниками этих планов.

Во-вторых, эта фаза борьбы характеризовалась успешной атакой оппозиционно настроенной части княжеско-боярской аристократии, воспользовавшейся московским пожаром в июне 1547г. (возможно, ею же организованным). В результате произошло фактическое ограничение царского самодержавия и «отвоёвывание» у государства многое из того, что прежде было утрачено их предками.

В-третьих, причины того, что через всю историю Избранной рады красной нитью проходит острая борьба между ее деятелями и царем, завершившаяся его победой, лежат не в специфических негативных особенностях личности царя Ивана Грозного и его характера, якобы сформировавшихся в период его детства и отрочества, а в соци-

альных, политических и интеллектуальных процессах, протекавших в обществе, а также в его церковной и государственной организациях.

Литература

- [1] Памятники литературы древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.
- [2] Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.
- [3] Домострой. 3-е издание. СПб., 2007.
- [4] Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
- [5] Никольский М.Н. История русской церкви. 3-е изд. М., 1983.
- [6] Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Лившин Александр Яковлевич

доктор исторических наук, профессор кафедры «История Российского государства» факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВОБОДЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

В статье на материалах писем во власть периода 1917 – 1932 гг. показано, что в послереволюционную эпоху социальный идеал базировался на двух основополагающих понятиях: свобода и справедливость. В статье анализируется распространенные в то время взгляды на социальную справедливость в контексте социокультурного конфликта между городом и деревней. В период сталинской «революции сверху» многие крестьяне трактовали происходившие события как очередное роковое наступление привилегированного города на дискриминируемую деревню.

Ключевые слова: свобода, справедливость, социальный идеал, революция, нэп, коллективизация, письма во власть, настроения, политические эмоции, массовое сознание, пайковое снабжение, «великий перелом».

Массовое сознание нуждается в социальном идеале – представлении о желаемом, совершенном состоянии общества, вытекающем из присущей народу картины мира, системы базовых ценностей данной культуры. В послереволюционную эпоху социальный идеал базировался на двух основополагающих понятиях: свобода и справедливость. В 1917г. Россия вступила в новую эпоху, а пришедшие к власти лидеры большевиков, опираясь на господствующие общественные настроения, приступили к радикальному слому старых государственности и экономической системы. Быстрые социальные сдвиги порождали чрезвычайно высокую степень мозаичности реакций массового сознания, хотя при этом можно выделять более и менее распространенные мнения, включая

крупные «клusterы» общественных настроений. Причем внутри этих кластеров существовали, в свою очередь, многообразные текущие проявления разнородных политических эмоций, имевших склонность к влиянию на психологический климат общества, иногда в неожиданных направлениях. Однако на протяжении первых двух десятилетий пребывания большевиков у власти представления о социальном идеале, основанном на свободе и справедливости, неизменно являлись важным компонентом общественного сознания.

Современные дискуссии о свободе развиваются под влиянием концепции И. Берлина, писавшего о негативной и позитивной свободе, различие между которыми проистекает из разных сущностных вопросов [1]. Негативная сво-

бода определяется вопросом: «Велико ли пространство, в рамках которого человек или группа людей могут делать что угодно или быть такими, какими хотят быть?». Негативная свобода – это отсутствие принуждения. Позитивная свобода влечет другой вопрос: «Где источник давления или вмешательства, которое заставляет кого-то делать то, а не это, или быть таким, а не другим» [2, с.24-25]?

Свобода в обществе после 1917г. всегда зависела от воли «начальника»; известно, что безопасность раба сомнительна, а свобода – произвольна и неустойчива. Однако не все так просто. Помимо свободы отдельного индивида существует и свобода социального целого. Уместно предположить, что в менталитете они не всегда совпадают и даже, более того, часто предстают противоположностями. Причем в менталитете и возникающих на его почве общественных настроениях можно легко обнаружить, используя выражение Э. Фромма, феномен «бегства от свободы». Многие люди страшатся свободы и связанной с нею ответственности, для них свобода вовсе не является универсальной ценностью. Фромм анализировал феномен распространенного стремления отказаться от независимости своей личности и слить своё уникальное «я» с кем-то или с массой, чтобы обрести силу, недостающую индивиду. Подобный тип поведения, по Фромму, характерен для людей с авторитар-

ным характером; им присуще понятие «судьбы» как внешней силы, а также неосознанное стремление примкнуть к более высокоорганизованному существу или силе. Идеи об авторитарном человеке развел А. Маслоу в работе «Структура авторитарной личности». По его мнению, становлению авторитарной ментальности способствуют не столько внутренние психологические особенности личности, сколько особенности социума. Согласно Маслоу, авторитарный человек психологически неавтономен и незащищен, он воспринимает мир как среду, несущую смертельную опасность. Нетрудно заметить, что присущее России ощущение бессилия человека в социальном пространстве толкало многих к «бегству от свободы».

Крушение самодержавия и последовавшие события трактовались многими в своеобразной сакральной перспективе, как «мифическое, даже мистическое время»: освобождение от рабства, купленное кровью, искупление за предыдущие страдания, обещание «счастья» и «великолепного будущего», «сакральный акт Воскресения» и источник «Великой Радости» [3, р.8-9]. Революция виделась как акт коллективного, соборного спасения «Святой Руси». Позже, отмечает М. Стайнберг, на смену первоначальной эйфории часто приходило разочарование, однако эмоциональный тон рассуждений о свободе всегда оставался высоким.

Вместе с тем революционное «безвластие», эрозия, а затем и крушение традиционных политических институтов, в первую очередь – романовского самодержавия, вызывали определенный психологический дискомфорт у полупатриархальных слоев населения, прежде всего крестьянства. Таким образом, можно говорить о неоднозначности оценок событий 1917г., о том, что, несмотря на радостное приветствие наступившей «воли», многие жители России испытывали страх и растерянность перед неизвестностью, ощущали беззащитность и «покинутость». О.А. Сухова связывает это с тем, что представления о старом государстве были тесно сплетены с фундаментальными основаниями патерналистского сознания, формировавшимися в поземельной общине [4, с.441]. Выпадение важных элементов крестьянской картины мира, грозившее возникновением дискретности в сфере социальной памяти, противоречило сущностным началам ментальности традиционного общества. Однако уникальная историческая возможность реализации «черного передела», своеобразный прорыв к «воле», связанный с практической осуществимостью радикального слома дореволюционного мироустройства, в основном успешно противостояли этим представлениям о стабильности и синcretичности русского мира, по крайней мере, являлись им действенным противовесом.

Итак, старое общество воспринималось как несвободное, вернее, построенное на «неволе». Это было связано, в первую очередь, с отчетливо понимавшейся социальной несправедливостью дореволюционного строя. В русском менталите-те понятия «свобода» и «социальная справедливость» неразрывны, они представляют две стороны единого целого. В 1917г. ощущения самоценности свободы без социальной компоненты в массовом сознании практически нет. Причем «справедливость» имела воплощение как скорее моральная, нежели прагматическая категория, хотя и рациональный, прагматический компонент взглядов на справедливость также присутствовал в массовом сознании. Важно, однако, отметить, что бедность, нищета и эксплуатация, заставлявшие массы отбросить общепринятые «устаревшие» понятия о морали старого общества и прибегнуть к революционным действиям, являлись оправданием любых действий, включая прямое насилие. Таким образом, речь шла о морали «более высокого» образца, при которой «воля» означала способность и неограниченную возможность свободных действий, а не их последствия. Отсюда и завоевание свободы видится как важнейшая для простого народа России моральная победа, как торжество моральной справедливости.

Как показывает анализ большого количества типичных писем во власть революционной эпохи, справедливость мыслилась недос-

тижимой без известной доли насилия по отношению к имущим классам и защитникам их интересов. Общеизвестны радикализм и агрессивность уравнительного сознания, рождавшие ненависть к «угнетателям-богатеям» и стремление «всё отнять и поделить» при помощи силы. Интересную интерпретацию причин массового проявления социальной агрессии в деревне в революционную эпоху дает специалист по менталитету крестьянства О.А. Сухова. По мнению исследовательницы, сельские жители осуществляли отчасти формализованный и утративший сакральное значение ритуал наказания «сил зла» за причиненные в прошлом страдания. Крестьяне отстаивали свое право реализации традиционных норм поведенческой практики. Формы социального возмездия, по мнению указанного автора, отчасти выступали как проявление языческого ритуала, необходимого для закрепления в коллективной памяти факта достижения победы над «враждебными силами» [4, с.579, 611]. Так или иначе, но очевидно, что взаимоувязанность в народном сознании Справедливости и Воли обусловливалась оправдание коллективных самосудов, в целом насилия как способа построения свободного, лишенного всех форм угнетения общества. Здесь, впрочем, у большинства людей, высказывавших настроения поддержки социальной агрессии, проскальзывала одна весьма pragматическая

нотка. Требования проведения жесткой, репрессивной политики по отношению к тем, кто стоял на пути к свободе, или оправдание методов прямого «народного» насилия по отношению к группам или людям, олицетворявшим «несправедливость», причудливо сочетались с осуждением насилия и принуждения там, где дело касалось социально, родственно или землячески близких людей и групп. Так, выходец из крестьян Орловской губернии курсант курсов «Выстрел» Ф. Бобриков в письме, написанном под влиянием впечатлений от поездки в родную деревню в январе 1920г., настаивал на том, чтобы большевистские вожди не допустили «...посягательства на наши завоевания и на Республику. Надо послать больше работников честных в деревню и во все концы, для чистки бюрократов и внутренних врагов Советской власти. Да здравствует борьба самая решительная и репрессивная с врагами трудового народа». Одновременно, в том же письме, имеются следующие строчки: «Крестьянин лишен всякой свободы. Что ни скажет, считают саботажником, ни за что арестовывают. Применяют плетки, оружие и т.д., а кого следует, того не наказывают» [5, д.9, л.33-38]. Здесь Бобриков пишет о жителях своей деревни, людях, которых он сам лично хорошо знает. Эти люди, с его точки зрения, никак не заслуживают насилия, в данном случае оно оценивается как несправедливое. Таким обра-

зом, в сознании этого курсанта, выходца из деревни, насилие подразделяется на справедливое и несправедливое, причем «внутренними врагами советской власти», заслуживавшими насилия, вполне могли быть крестьяне другой волости или даже другой деревни, «злостно» утаивающие хлеб от государства. К «своим» же отношение, как правило, было лояльное, «свои» не могли нести несправедливость, они были социально близкими, подлинно народными.

Становление новой несвободы (неволи), жестокий гнет нового большевистского государства, как показывают документы, являлось источником формирования фрустрированных политических эмоций, что вело к ухудшению психологической атмосферы общества. Развитие фрустрации и невротизации массового сознания выливалось не в его поляризацию (возможность формирования двух доминантных кластеров – сторонников и противников большевизма), а приводило к атомарной структуре политических эмоций, при которой существует множество разнородных кластеров. Фрустрация массового сознания обычно приводит как к агрессивным, так и неагressивным ответам. Обманутые надежды, чувство «пребывания у разбитого корыта» заставляли людей браться за перо и апеллировать в органы власти, особенно в центральные. Проявлялось желание реагировать на жестокость окружающей действительности привычным, укоренен-

ным в традиции способом. Для этого надо было привести в действие при помощи специфического «жалобного», «ритуального» дискурса, неких «особых слов» «естественный механизм» высшей власти (по выражению В.П. Булдакова) [6, с.22-23]. «Магия слияния с властью» через непосредственное общение с ней посредством письма, обращения и т. д. была призвана стабилизировать картину мира, вернуть ей привычные очертания, устраниить фрустрацию из-за нереализованных надежд на установление свободного и счастливого общества. Архаичным сознанием миллионов людей стабилизация картины мира мыслилась, или, скорее, ощущалась возможной через восстановление прерванной незримой связи народа и государства, через заключение нового «властного контракта» с использованием механизма непосредственного ритуализированного общения с Властным Лицом при помощи писем и иных форм апелляции «наверх».

Однако если говорить о периоде двадцатых годов, настроения зависели от пропаганды далеко не в столь большой и отнюдь не в определяющей степени. Гораздо большее влияние на нараставшую у части общества тягу к «бегству от свободы» и к новому витку репрессий имел социально-психологический кризис нэпа, распространявшийся с каждым годом чувство разочарования и недовольства. Дефицит социального оптимизма в двадцатые годы был связан не

только с ожиданиями новой «чрезвычайщины» и страхом перед ней, но и с неудовлетворенностью результатами нэпа, широко разлитой в советском обществе. Антинэповские настроения ярко отражают кризис послереволюционной массовой психологии, проявившийся в «синдроме обманутых надежд».

На всем протяжении новой экономической политики водораздел между городом и деревней, пролегавший в массовом сознании, был чрезвычайно глубок и носил, по сути, антагонистический характер. Он ощущался как один из основных факторов, разрушавших социальную справедливость. В конце двадцатых годов, в условиях фактического отказа от нэпа и перехода к принципиально иной политике, взаимное недоверие еще больше обостряется. В условиях резко усилившегося давления власти на крестьянство в деревне углубляется чувство зависти по отношению к пролетариату. В июне 1928г. агроном-стажер В.А. Медведев в письме М.И. Калинину попытался суммировать настроения крестьянства Тульской губернии: «Крестьяне очень завидуют жизни рабочих, их восьмичасовому дню. И впечатление в результате работы среди них получается такое, что дай им работу всем на фабрике, заводе, не задумываясь, бросят землю и уйдут. Но вместо этого им предлагают идти в совхозы или объединяться в колхозы. Для крестьянина это все равно, что поме-

нять кукушку на ястреба» [7, д. 308, л. 127-128об.]. В.А. Медведев еще до начала массовой коллективизации предвосхитил причины нежелания крестьян объединяться в колхозы и видеть в них жизнеспособную альтернативу своей безрадостной жизни: «Идут в них больше, кому совершенно деваться некуда: попадаются и пьяницы, лодыри, которым где ни жить. Есть и лучший элемент: идеалисты. Сознали, что жизнь можно улучшить только в колхозах и взялись. Но таких не так уж много, и они теряются в массе. Жизнь в колхозах чаще не лучше, а хуже крестьянской: работа от зари до зари, а все без толку – хлеб да вода. Отношение к делу скверное – как-нибудь сойдет» [7, д. 308, л. 127-128об.].

В январе 1929г. крестьянин той же Тульской губернии Василий Лаврушин написал письмо на имя председателя Тульского губернского исполнительного комитета С.И. Степанова. Председатель губисполкома, сочтя высказанные в письме крестьянские настроения типичными, переправил документ Молотову со следующей сопроводительной пометой: «В.М. Молотову. Это письмо одно из тех, которые я получаю от крестьян. [Это] практикуемая мною переписка. Может, Вы его используете. Фамилию желательно неглашать. С. Степанов». В своем письме Василий Лаврушин среди многих актуальных для крестьянства сюжетов, ярко и образно пишет о причинах и сути

глубокого недоверия сельских жителей к городскому пролетариату: «Мужику, конечно, безразлично, что не поп – то батька, и что не черт – то дьявол, а все-таки вкрадываются какие-то махинации. Нам все пишут, чтобы крепить смычку с рабочими, а можем ли мы это сделать? Рабочий нам господин, а мы его рабы (Курсив – Авт.). Некоторый рабочий один в месяц вырабатывает больше, чем мужик с семьей в год. Значит, гусь свинье не товарищ. Я был в Германии. Там, правда, смычка: рабочий пользуется производством сельского хозяйства, а крестьянин с ног до головы во всем фабричном, и на все у обоих хватает средств. А у нас лапти или валенки своего изделия, рубаха, портки, штаны, шапка, соха, борона, телега, мебель – все своего труда, кроме чугуна, соли, керосина, дегтя, да для молодежи мануфактуры и другого кое-чего, и техто не хватает» [8, д.1451, л.5-10].

У В.Лаврушина рассуждения о «конфликте» города и деревни исходят, главным образом, из приоритета экономического фактора. Вероятно, так думали многие крестьяне: «Можно ли по нынешнему неурожаю ценить рожь в 96 к[опеек], когда рабочий деньги лопатой гребет, а мужику иногда табаку купить не на что. Мужика считают самым глупым человеком – подобным существом, не дороже: он и живет как та скотина и вместе с тем скотом в одной хате» [8, д.1451, л.5-10]. Однако Лаврушин с экономических причин «разрыва

смычки» переходит и на уровень политических обобщений, затрагивая также сюжеты выборов и политические вопросы в целом: «Нам не только пришлют рабочего выбирать наши Советы, а хоть кухарку, как говорил Ленин, мы все будем молчать. Почему мы не суем своего носа в дела рабочих? Значит, рабочие больше заинтересованы в выборах наших Советов, чем мы. Рабочий провел революцию, добился хорошей жизни, работает 7 часов, получает сотню рублей в месяц, чисто ходит, сладко ест, отдыхает, гуляет. Теперь ему только не хватает целиком взять в руки мужика: в мирное время управлять нашей сырьевой промышленностью, как ему захочется, а в военное – сделать мужика своим укреплением» [8, д.1451, л.5-10].

Василий Лаврушин не скрывает своей симпатии к позициям «правых уклонистов». Во взаимоотношениях села с городом он даже выдвигает своеобразную политическую программу. Она основана скорее не на сотрудничестве, а на понижении социального статуса и экономического положения рабочих до уровня крестьянства: «А почему мы не можем сказать рабочему классу: «Давай, мол, друг, укрепим государство? Ты обожди работать 7-8 часов, а поработай 10-12, пока окрепнет страна. Да не получай сотни рублей, а довольствуйся пока 20-30 и т[ому] п[одобное]». Что тогда он скажет?» [8, д.1451, л.5-10].

Как мы знаем, письмо Лаврушина было признано типичным и

переправлено в самые высокие политические сферы. Написанное в январе 1929г., оно отражает не только своеобразный крестьянский взгляд на социальную справедливость в контексте социокультурного конфликта между городом и деревней. В приведенном тексте явственно проступают опасения в связи с политикой государства, которое однозначно стоит на стороне рабочих. Накануне коллективизации многие крестьяне видели происходивший поворот и трактовали его как очевидное роковое наступление привилегированного города на дискриминируемую деревню. Вместе с тем, ряд думающих корреспондентов власти, в том числе из простого народа, увязывал нарастание конфликта между городом и деревней не с какими-либо негативными социальными качествами крестьян либо пролетариата, отнюдь не склонен был винить в «разрыве смычки» одну из сторон. По их мнению, скорее повинна была общая ситуация в государстве и обществе в эпоху слома нэпа, а конкретнее – политика власти. На подобные размышления эту группу авторов писем, в частности, натолкнули продовольственные трудности, начавшиеся в стране весной 1927г. и резко усугубившиеся в промышленных районах с конца октября. Переходи с хлебом, иными видами продовольствия и начавшаяся цепная реакция роста цен вызвали хронические очереди в городах и даже в столице. С декабря 1927г. очереди

стали привычным явлением, а к лету 1928г. хлебные «хвосты», местные и ведомственные карточки или их сурrogаты существовали уже во многих регионах страны (решение о введении всесоюзной карточной системы было принято только 14 февраля 1929г.). Рабочий Люберецкого завода А.М. Сорокин писал осенью 1928г.: «В городе в магазинах создаются очереди, что волнует рабочих, потому что усталому стоять в очереди не так легко. Придешь в деревню – там нет промышленных товаров, крестьяне ругают всех и вся и тут же нас – рабочих. Говорят, что вам лучше живется за наш счет» [7, д.308, л.98-99об.].

Начавшаяся коллективизация обострила восприятие в массовом сознании проблемы свободы при советском строе, заставляла вновь и вновь сравнивать новые времена не только с дореволюционной эпохой, но и с первыми послереволюционными годами. «С землей как поступает Советская власть? Насильно заставляет идти в колхозы, а если не желает тот или иной хозяин, то лишают земли. А самый вернейший способ [справиться] с ним – сажают в ГПУ, а там маринуют целыми годами ни за что и ни про что. Разве в начале революции так говорилось?! Любой гражданин получай землю и работай на ней, а теперь хочешь не хочешь, а иди в колхоз. А сказать что-либо против колхоза посмей!؟ Так покажут, где раки зимуют или где Макар телят загоняет. Разве это такой свободы

мы хотели и ждали? А где же свобода слова и печати, про какую нам пели все социалисты. В том числе и Ленин? Нет, тов. Председатель, не то крестьянам нужно... Если же Советская власть не изменит своего направления, то будет очень плохо, ибо крестьяне уже начинают друг друга резать, а когда сойдемся в коллектив, тот гораздо хуже будет», – писала группа крестьян А.И. Рыкову в конце 1929г. [9, д.16, л.231-231об.]. «Власти дела не наладят до тех пор, пока само сельское население не пойдет добровольно, с охотой, с желанием в колхозы... Никакая агитация не заставит развивать хозяйства, а уменьшать – уменьшают, коров продают и режут, лошадей тоже так, а молодняк не допускают, а также и расширение посевной площади, расширяет больше местная власть на бумаге, чем есть на деле», – писала группа крестьян Гжатского района Западной области в редакцию газеты «Правда» в 1930г. [10, с.579]. Насильственная коллективизация, продовольственные трудности, недостаток самого необходимого вновь, как и в годы гражданской войны, ставили в массовых настроениях проблему существенного содержания социализма, его связи со свободой, соотношения целей и средств социальных преобразований. «... в чем заключается социализм, в благополучной ли жизни народа свободной страны или в рабстве, переносящем все лишения жизни, (т[о] е[сть] при полном недостатке всего жизненно-го, как существует сейчас)», – спра-

шивал В.М. Молотова в письме рабочий С. Пучков [17, д.17, л.54]. В этом же письме автор утверждает: «Еще о социалистическом строительстве и о пятилетке – пятилетка, возможно, будет выполнена, но только не благополучно, а доведете человечество до полной нищеты и рабства» [17, д.17, л.54].

Кроме того, в условиях разворачивавшегося «великого перелома» в общественных настроениях (главным образом среди представителей интеллигенции) имелся, судя по письмам, небольшой, но при этом важный кластер сторонников индивидуальной свободы (по выражению одного из корреспондентов власти, «свободы творящей индивидуальности в ее бессмертии»), которые полагали, что происходившие социальные сдвиги, вполне возможно, и приведут к свободе большинства, но при этом жестоко пострадает свобода критически мыслящего творческого меньшинства. «В настоящее время Россия представляет [собой], с одной стороны, самодовольное, бездумное большинство, эгоистически наслаждающееся собственным благополучием, и с другой стороны – несчастное страждущее гонимое меньшинство, жаждущее свободы, как хлеба и хлеба, как спасения от голода!», – писал в 1929г. в Наркомпрос один из выразителей подобных настроений некто Н. Симанский [11, д.645, л.51-52об.]. Вряд ли автор был настолько наивен, что верил в миф о «благополучии большинства», способного наслаждаться жизнью в по-

лугодных условиях начавшегося «великого перелома». Он обращается во власть, чтобы провозгласить «позор угнетателям личности, свободы, искусства, религии» [11, д.645, л.51-52об.]. Мы имеем дело с одним из случаев открыто заявленной политической позиции неприятия утверждавшегося сталинизма.

Впрочем, большая часть даже «сомневавшейся» интеллигенции принимала сталинскую «революцию сверху» за проявление естественного хода истории в ее движении к социальному прогрессу, при котором неизбежно ущемление свободы меньшинства:

«Грядущему человеку!
Приветствую я вас, грядущие века!
Пусть грудь мою сомнения сжимают,
Пусть диктатуры мощная рука
И мысль мою, и волю разрывает.

Я не могу поспеть во след
Могучей поступи всепобеждающего
класса,
Но, отдавая все, шлю пламенный привет
Тебе, грядущий человек всемирной новой
расы».

Это – стихотворная часть письма, присланного в мае 1930г. неизвестным представителем интеллигенции Ленинграда А.В. Луначарскому.

Начавшаяся коллективизация вновь обострила восприятие справедливости, выдвинула рассуждения о содержании этого понятия в центр общественных настроений. Общество в размышлениях о сути происходивших событий неминуе-

мо выходило на вопрос: «справедливо или несправедливо совершившееся насилие по отношению к крестьянству?». Как и по большинству других фундаментальных вопросов, массовые настроения представляются довольно мозаичными, возникает масса оттенков в политических эмоциях. Если говорить о собственно крестьянской среде, то, разумеется, коллективизация рождала у части деревни эмоции социальной мести, стремление свести исторические счеты с «эксплуататорами», эмоции сменившего зависть злорадства по отношению к раскулаченным. А иногда сопутствовавшие процессу насильственной коллективизации настроения порождались «шкурным» желанием поживиться чужим имуществом. Однако очень заметны были и эмоции поддержки раскулаченных, жалость и сочувствие по отношению к ним. Так, в марте 1930г. на пленуме Сибирского крайкома партии Р.И. Эйхе констатировал, что в деревнях проявлялась «жалость к кулаку». В его же выступлении на второй краевой конференции бедноты было отмечено, что насилие по отношению к раскулачиваемым вызывало со стороны односельчан сопереживание и жалость [12, с.55-62]. Бедняки и середняки в таких словах выражали сочувствие: «Мученики вы за свой труд»; «какие они кулаки»; «сегодня отправляют их, а завтра отправят нас» [12, с.55-62].

Как и в предыдущий период, в понимание справедливости и справедливого общественного устройства в период «великого перелома» входили как элементы прагматического свойства, вытекавшие из реалий повседневной жизни, так и комплекс идеологем и «мифологизированных» представлений. Кроме того, социокультурные особенности того или иного сообщества рождали свои особенности, свой ракурс взоров на социальную справедливость (несправедливость) эпохи сталинской «революции сверху» и конкретные формы их проявления и достижения. Принцип «своя рубашка ближе к телу» сосуществовал с глобальными представлениями о справедливости для всего трудового народа и о счастье всего человечества. В условиях колоссального общественного напряжения «большого скачка» возрастают ожидания скорого наступления времени, когда, как написал один из корреспондентов власти в 1930г., «наши Красные войска в пыль границы превратят» и когда «германский брат, руку подав, скажет мне: «эти фабрики – тебе» [13, д.458, л.1-4]. Этот период весьма важен с точки зрения формирования «оборонного сознания», распространявшегося в обществе в период максимальных испытаний и болезненных социальных разломов настроения готовности к революционной войне, причем, войне победоносной. В целом в общественных настроениях и в ту трагическую эпоху проблематика справедливости, как ни-

какая другая из архетипических конструкций массового сознания, была в целом связана с психологией традиционного общества, его ментальными устоями и их кризисом под воздействием социальных и политических реалий формировавшейся сталинской системы. Справедливость как миф, как нравственный идеал, пересекаясь с эмпирическим опытом людей, порождала, с одной стороны, фрустрационные процессы, психологическую растерянность больших масс людей, а с другой – новые, более прагматические взгляды на справедливость. Возможность достижения справедливости тесно связывалась людьми с деятельностью власти. Описывая в письме от сентября 1932г. В.М. Молотову насилие по отношению к крестьянам, некто М.В Чирков высказал весьма распространенные настроения: «Если по подобным вопросам отсюда нет жалоб в центр от самих колхозников, то только лишь потому, что они уже потеряли тут всякую надежду найти где-либо справедливость и на все махнули рукой (Курсив – Авт.). От колхозного хозяйства колхозники оттерты. В колхозах применяется больше метод совхозов или промышленности. Все решается треугольником» [14, д.1463, л.50]. В целом утопические представления о возможности построения общества, основанного на переплетении марксистского и одновременно традиционно-российского социальных идеалов, общества свободы и справедливости в

это время окончательно растворились под воздействием реалий советской жизни. В тот период, судя по высказывавшимся в массе писем во власть настроениям, в глазах рядовых граждан нашей страны конкретная действительность страны была столь же далека от желаемого социального идеала, как и в начале революционных преобразований, однако, ощущалось это уже по-иному, не в сакрально-мистическом смысле, а скорее, как вопрос: «Это ли социализм? Таким ли должно быть новое общество?». Острое ощущение несправедливости, разумеется, вызывала установленная государством иерархия пайкового снабжения и невозможность при этом заявить о своих правах в профсоюзные или партийные органы: «Я сейчас приведу пример, чем рабочий пользуется из лавки Ц.Р.К. на месячный паек: сахару 1400 гр[амм] и рыбы соленой 2000 гр[амм] и макарон 500 гр [амм] – вот все, что получит рабочий на месячный паек. Так как вы думаете – можно ли жить? Безусловно, нет. Горсовет знает, Укрснаб также знает, но никаких мер не принимает... Но на это я скажу просто, конкретно, что если какой-либо рабочий выскажет что-нибудь из этих дефектов, то ему пришьют здесь и правый, и левый уклон, и разгильдяйство. А еще лучше – контрреволюцию; из этого Вам понятно, почему молчат» [15, д.20, л.1-2об.]. Писем о несправедливости системы пайкового снабжения

приходило в органы власти множество, несомненно, они свидетельствуют, что этот вопрос серьезно отравлял психологическую атмосферу в обществе. «Значит. Я голодаю, постоянно недоедаю, а как может хорошо работать полуолодный человек? Я ударник, но никакого преимущественного снабжения ударников у нас нет, и единственная привилегия ударников – это аккуратно посещать все собрания и не опаздывать. У нас кто больше получает, тот лучше и снабжается», – писал уже в 1933г. некто Гусев [11, д.645, л.103]. Справедливость – это социальное свойство, определяющееся и формирующееся культурой, обычаями и традициями общества, его ценностями, смыслами и практикой. Однако в целом справедливость, согласно современным общественным теориям, являясь многозначным термином, в наибольшей степени отражает процесс согласования целей, направленных на раздел дефицитных материальных благ, ресурсов, услуг и товаров [2, с. 224]. В этом контексте признаемая большинством авторов писем несправедливость централизованного пайкового снабжения обостряла проблему взгляда на сталинское государство в целом, на справедливость его политических и экономических механизмов. Те, кто окончательно разочаровывался в советском строе, иногда решались высказывать в письмах во власть периода «великого перелома» по-

добные суждения: «Народ разоренный, вышибленный из колеи, голодящий на массовое восстание не способен. Но он не будет защищать страну, приведшую его к голоду. Пусть сам сатана придет – лишь бы хлеб да картошку иметь...» [16, д.21, л.103-104].

Литература

- [1] Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М., 1998.
- [2] Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повести дня. М., 2005.
- [3] Steinberg M. Voices of Revolution, 1917. New Haven and London, Yale University Press, 2001.
- [4] Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.
- [5] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.1235. Оп.119. Д.9.
- [6] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
- [7] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 78. Оп. 1. Д. 308.
- [8] РГАСПИ. Ф.82. Оп. 2. Д. 1451.
- [9] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 89. Д. 16.
- [10] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000.
- [11] РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 645.
- [12] Кузнецов И.С. Богатые и бедные: взгляды сибирского крестьянства 1920-х гг. на социальные различия // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. Гос. Ун-т. Новосибирск, 2002.
- [13] РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 27. Д. 458.
- [14] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1463.
- [15] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 89. Д. 20.
- [16] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 89. Д. 21. Из письма В.М. Молотову анонимных участников состоявшегося в конце 1932 г. в Москве V Всесоюзного съезда инженерно-технических работников.
- [17] ГА РФ. Ф. 54-46. Оп. 89. Д. 17.

Маренков Алексей Сергеевич
учитель истории и обществознания МОУ СОШ № 18
им. Н.В. Менчинского, г. Павловский Посад Московской обл.

ОСВЕЩЕНИЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ В ОФИЦИАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

Статья посвящена обзору русской официальной прессы о русско-японской войне. В обзоре раскрывается позиция российских печатных изданий относительно конфликта, рассматриваются проблемы формирования и аргументация причин и целей войны Российской империи и агрессии Японии. С самого начала боевых действий официальная периодическая печать последовательно проводила курс правительства по популяризации войны и внушения уверенности в скорой победе среди населения. Особое внимание в работе уделяется методам и средствам, использовавшимися газетами и журналами для достижения данных целей.

Ключевые слова: русско-японская война, периодическая печать, правительенная пропаганда, патриотический подъем, популяризация войны, героизм войск, объективность печати, консолидация общества.

Русско-японская война занимает особое место в истории России. Велась она в условиях системного кризиса в государстве и осознания необходимости реформ как правительством, так и практически всем населением империи. Средствам пропаганды выпала сложная задача по освещению войны, которая велась без значительных побед и была крайне непопулярной в обществе. В истории утвердился тезис о непопулярности этой войны, что связано с неопределенностью её мотивации, несоответствием её умонастроениям народных масс и т. д.

Однако, как показывает анализ ряда общественно-политических журналов («Летопись войны с Японией», «Война с Японией», «Русская мысль») и центральных газет («Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Дневник

войны», «Биржевые ведомости»), к конфликту на Дальнем Востоке было приковано значительное внимание. Второй номер «Русской мысли» начинается с политического обзора за 1903г., в котором указывается, что «в последние месяцы миру на Дальнем Востоке грозила большая опасность, и опасность эта осталась в наследство нынешнему [1904 – А.М.] году» [1, №1, с.222]. В аналогичном обзоре, но уже в газете «Новое время», давалась краткая история взаимоотношений России и Японии, при этом ненавязчиво подчеркивалась агрессивность Японии. «Русская мысль» помещает краткий очерк о Корее и Маньчжурии, в конце которого достаточно явно угадывается позиция автора о возможности столкновения Российской империи и Японии. Однако начало боевых действий

представляется аналитикам мало-вероятным: «мы не верим в войну..., мы сильнее и все же соседи» [1, №1, с.222]. Для подтверждения последнего высказывания рядом был помещен военный обзор русской армии, её численность в дальневосточном регионе, перемещения частей на Дальний Восток. При этом указывались недостатки, на которые могут рассчитывать японцы в военных действиях: отсутствие сухих доков для ремонта кораблей, незаконченность Транссибирской магистрали, враждебное отношение местного населения к русским, внутриполитические проблемы в империи, наличие внешнеполитических врагов, подталкивающих Японию к войне с Россией.

Вместе с этим в печати появляются первые предупреждения о вероятной недооценке противника. Автор обзора напоминает, что «одно из главнейших условий военного времени – никогда не пренебрегать своим противником», а также призывает «забыть анахроничный теперь афоризм: “Шапками засидеть”» [2, №9998, 10021]. Русские обозреватели подчеркивали необходимость занятия твердой и решительной позиции в дальневосточном вопросе: «принятие полностью японских требований [полный вывод русских войск из Маньчжурии, признание японского протектората над Кореей и др. – А.М.] равнялось бы жертвам тяжелого и решительного военного поражения» [1, №1, с.222].

Объявление войны официальные средства массовой информации встретили со спокойной уверенностью в победном исходе борьбы и призывом к единению народа. «С глубоким волнением следит вся Россия за тем, что происходит на Дальнем Востоке. Все остальное отступило на задний план» [1, № 2249]. «Велико было негодование всего российского общества, объединенного в одной мысли: враг должен быть наказан, и наказан примерно» [3, №1. с.1] – так отреагировал «Дневник войны» на начало военных действий на Дальнем Востоке. Интересный призыв был напечатан в «Новом времени», где произошло объединение русских национальных и либеральных представлений о справедливой войне: «С нами Бог! С нами правда и право международное! Все для народа! Все для нас как целого!» [2, №10022].

Русская печать отреагировала на начало русско-японской войны появлением новых журналов и приложений к ежедневным изданиям, таких как «Война с Японией», «Летопись войны с Японией», «Иллюстрированная летопись русско-японской войны», «Дневник войны», приложение газеты «Биржевые ведомости», «Иллюстрированная хроника войны “Нового мира” и “Живописной России”», «Вестник Маньчжурской армии» и др. Цель данных изданий была заявлена в выступлении Николая II по поводу начавшейся войны, в котором он выразил уверенность, что «и

впредь русская печать окажется достойной своего призвания служить выразительницей чувств» [4, №1, с.16].

Практически все издания в первых же номерах после объявления войны поспешили отразить патриотический подъем в империи, вылившийся в массовый сбор пожертвований на нужды войны (гр. Орлов-Давыдов пожертвовал 1 млн. р., Петербургская дума – 1,5 млн. р., Московская дума – 1 млн. р., неизвестный крестьянин – 500 р. и т. д.), проведение молебнов о даровании России победы над врагом. «Новое время» отмечало, что в Москве отменили балы и развлекательные вечера, а в театрах нельзя было начать представлений – «требовали исполнения гимна, который повторялся до 9 раз» [2, №10023]. Итог подводит «Русская мысль» – «ничего иного нельзя было и ожидать» [1, №3, с.181], однако тут же следует упоминание о некоторой неясности целей войны, а все манифестации и прочие проявления национального подъема – это проявление военного патриотизма, «причина и цель войны и ее возможные результаты отступают при этом вовсе на задний план» [1, №3, с.181].

Естественно, что с подобной формулировкой не все издатели были согласны. Войну попытались представить не просто как противостояние двух государств, борющихся за присоединение новых экономически выгодных земель, а

как «великую борьбу Европы и Азии, двух древних миров, противоположных по духу и цивилизации» [2, №9998]. «С напряжением весь мир следил за готовой разыграться кровавой эпопеей – столкновением двух рас» [4, №15, с.271]. «Борьба Японии и России есть борьба европейской цивилизации и неоазиатской» [5, №97]. Это обоснование войны, по нашему мнению, было сформулировано во многом с оглядкой на Европу и Соединенные Штаты. Недаром в российских газетах всячески подчеркивалась необоснованность негативного отношения к Российской империи со стороны Англии. Так, журнал «Война с Японией» говорил о захватническом характере войны со стороны Японии, предупреждая, что последняя не остановится на захвате только Кореи и, в случае ее победы, под угрозой окажутся все европейские колонии в Азии. Следующей целью после Китая, безусловно, станет Индия. В подтверждении данного мнения «Новое время» приводит точку зрения французских официальных кругов: «Россия ведет войну за всю Европу» [2, №10024]. Вместе с тем, газета «Новое время» выдвинула еще одно обоснование войны: на Дальнем Востоке происходит столкновение не двух рас, желтой и белой, а борьба двух миров – Старого и Нового Света [2, №10016]. В этом случае, делало вывод издание, плодами возможных японских побед воспользуются США.

Подобные мнения о возникшем конфликте были заявлены в основном для европейского сообщества. Для внутреннего пользования был выдвинут тезис о борьбе христианства и язычества, продолжение борьбы против монголов. В связи с этим подчеркивалось, что, как и во времена нашествия монголо-татар, Русь-Россия вновь вынуждена вести борьбу в одиночку. Наряду с этим отмечался агрессивный характер внешней политики Японии и миролюбие России. «...Наше искреннее нежелание воевать, наше глубокое сознание, что интересы России и Японии могут получить вполне удовлетворительное, для обеих сторон, безобидное разрешение, было причиной, косвенно поощрявшей коварного врага» [3, №1, с.1]. Развивая эту мысль, газета выразила мнение, что война началась не с нападения на Порт-Артур, а с «даты занятия Германией Кяо-Чау, с какового момента Япония и начала усиленно готовиться к войне» [3, №9, с.66].

В японской печати был выдвинут тезис о национальном характере войны. Журнал «Война с Японией» приводит мнение первого министра Катцуры: «Вся Япония, как один человек, решила вести войну до последней крайности» [6, №14, с.26], «...для японцев эта война национальная, вопрос их политической жизни и смерти и всего их будущего, что сознается у них всеми классами, вероятно, общества» [2, №10270]. Российская печать, к сожалению, не использовала подоб-

ных аргументов, в чем кроется несомненная ошибка, и осознание этого раскрывается в запоздалом вопросе: «...сознаем ли это мы?» [2, №10270].

С самого начала русско-японской войны практически во всех отечественных изданиях появились небольшие заметки, аналитические статьи, касающиеся потенциалов российской и японской экономики. «Мы будем испытывать меньшее экономическое расстройство. В Японии очень скоро будет голод, недовольство народных масс и борьба партий» [3, №3, с.24]. «Прочно боевая мощь России зиждется на финансовом ее благополучии» [5, №88]. Тут же шел анализ российского бюджета и прогноз относительно благополучного его состояния на ближайшие два года. Аргументами для подтверждения данных слов являлись не только публикации финансовых отчетов за 1903г. со стороны министерства финансов обеих стран, но и мнения авторитетных английских лордов, уверявших в невозможности длительного ведения войны со стороны Японии. Чуть позже появились сообщения о японских финансовых займах, «условия которых, бесспорно, тяжелы», «в стране замечается истощение жизненных припасов: сбор риса будет очень плох...» [4, №9, с.15]. Наряду с экономическими трудностями стали проскальзывать заметки о социальных выступлениях и недовольстве японцев внутри страны, делались намеки, что правительство не

исключало и взрыва народного негодования.

Что касается оценки военного потенциала Японии, то здесь мнения изданий разделились. Первая группа не подвергала сомнению положительный для России исход войны и явно недооценивала подготовку противника. Это выражено в ряде статей «Летописи войны с Японией» («Моральный элемент в борьбе с азиатом» и «Военные силы Японии»), охарактеризовавших японскую армию как «посредственную», а народ в целом как «физически слабый, без личной инициативы, хотя и с большой способностью к подражанию». «Все эти реформы [речь идет о революции Мейдзи] легли на армию лишь сверху, и при первой боевой встрече все наносное и привитое должно слететь с армии, и тогда выступят коренные свойства народа» [4, №4, с.68-69].

Вторая группа изданий придерживалась мнения, что «хотя мы и должны быть вполне уверены в окончательной нашей победе, но, тем не менее, нам не должно обольщать себя легкостью этой победы. Напротив того, она трудна» [3, № 17, с.130], «лучше преувеличивать [опасность], чтобы развивать свои силы во всех направлениях, нравственных и материальных, развивать со всем напряжением, на какое только мы способны» [2, №10024]. Известный русский журналист В. Немирович-Данченко предупреждал: «Презрение к про-

тивнику – плохое и глупое оружие» [3, №46, с.365]. Подобного же мнения придерживался и главнокомандующий русской армии в Маньчжурии А.Ню Куропаткин, который после назначения на должность, при отбытии на театр боевых действий отметил: «Не умаляя тех трудностей, которые предстоят нам, не уменьшая сил и достоинств врага, мы можем ... ожидать окончательного и победоносного исхода борьбы» [2, №10053]. Прямо противоположно оценивалась японская армия: «организация японских войск, по словам наших офицеров, образцовая». Свое мнение высказал на страницах «Дневника войны» профессор Академии Генерального штаба генерал-майор Гейсман: «качественная сторона японских сухопутных войск и личного состава японского флота должны быть оценены довольно высоко», «начальствующий персонал японской армии и флота находится, по-видимому, на высоте своего назначения», «карты японцев великолепны по точности и подробности, они помнят каждую складку земли и умеют ее пользоваться» [3, №18, с.137. №27, с.213].

Что касается самого начала войны, то русская печать в основном отметила только коварность нападения на Порт-Артурскую эскадру, что еще раз подчеркнуло «отсталость дикой» Японии от «цивилизованного» мира. А журнал «Летопись войны с Японией» отметил, что, оказывается, русская эс-

кадра была готова (!), но виновны японцы (!), которые напали, не объявив войну. В доказательство приводилось интервью коменданта Порт-Артурской крепости генерала Старка: «Мы были в полной готовности встретить врага, но не верили в возможность нападения до объявления войны» [4, №13, с.232].

Первые неудачи комментировались довольно оптимистично, слово «поражение» не встречается в печати вплоть до конца 1904г. Отвод войск объясняется малочисленностью русских сил на Дальнем Востоке, а наступление японцев трактуется исключительно как победа русских войск: «сокращение фронта путем отхода ставит нашу армию в чрезвычайно благоприятное и выгодное положение», «отойдя на север, мы только плотнее скжали свой кулак», «неудавшееся наступление японцев – наша крупная стратегическая победа» [4, №19, с.20]. Также отмечалось, что «никакого даровитого военного действия у японцев не было, хотя они одолевали нас многочисленностью войск и артиллерии» [2, №10177]. «Биржевые ведомости» отметили, что «временные успехи врага вытекают из его географического положения» [5, №144].

Как будто в подтверждение последнего высказывания журналист «Летописи войны с Японией» воскликнул: «Один из интереснейших вопросов для будущих исследователей нынешней войны будет выяснение причин, почему мы так обязаны за эту [медлительность

продвижения японских войск – А.М.] снисходительность к нам японцев» [4, №19, с.346]. «Дневник войны» пошел еще дальше в оценке медлительности японских военачальников: «[Они] стоят ниже самых заурядных полководцев конца 17 и всего 18 столетия» [3, №27, с.213]. Даже поражение под Ляояном русская официальная печать постаралась представить как спорную победу японцев, «тактическая победа, бесспорно, на нашей стороне, но угроза стратегического обхода... заставила [Куропаткина] наши отряды отвести назад» [4, №20, с.363]. Даже император Николай II прислал благодарственную телеграмму и назвал отступление «выдающимся по трудности делом» [4, №28, с.522]. А журнал «Война с Японией» даже сравнил Ляоян с Бородинским сражением, причем сравнение было в пользу первого.

Неудачные для русских действия на море объяснялись «роковыми случайностями и малочисленностью судов» на Тихом океане, однако, по мнению российских журналистов, все эти недостатки должны были «возмещаться высокими достоинствами личного состава» [4, №4, с.64]. Итог подвел «Дневник войны» с призывом «Престаньте нервничать, сидите себе спокойно, вы за надежной спиной» [3, №29, с.226].

Чтобы нейтрализовать печальное впечатление о начале войны, в прессе стали появляться заметки о проявлениях героизма русских

войск. Подчеркивалось, что официальная история – это остав, «его необходимо одеть плотью и влить кровь в его сосуды, чтобы он ожила» [4, №3, с.78]. Конечно, один из первых очерков был посвящен подвигу крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». Этот подвиг описывался со слов очевидцев. Особенно удачным, на наш взгляд, было опубликование в газете «Новое время» ряда частных писем одного из участников боя своему отцу. Подробно было описано прибытие на Родину и чествование матросов и офицеров «Варяга». Большую известность получили подвиг отца Стефана Щербаковского при Тюренчине, поднявшего свой полк в атаку, подвиг подполковника Спиридонова, самоотверженная работа в тылу рабочих путейцев и др. Газеты, в силу естественных причин, не могли поместить больших статей о подробностях войны, поэтому основную роль здесь играли журналы, которые помещали портреты русских и японских военачальников, пытались донести до простого читателя настроение и атмосферу войны, используя фотографии и зарисовки боев и будней русской армии.

Необходимо отметить достаточную объективность русской печати относительно достоинств японцев. В частности, отмечалась «прекрасно организованная разведывательная служба» японцев: «те сведения..., которые добывают наши казаки тяжелыми, самоотвер-

женными и опасными поисками и разведками, японцы узнают о нас без всяких хлопот, без потерь и лишений» [4, №15, с.274. №50, с.973]. «Дневник войны» добавляет, что «японцы обнаружили замечательное искусство в отношении сокрытия не только своих действительных намерений, но и действительного положения и передвижения своих войск» [3, №20, с.154].

Также отдавалась дань деятельности японской печати как внутри страны, так и за ее пределами. Японские журналисты и дипломаты делали все возможное, чтобы представить в выгодном свете Японию на европейской арене. В журнале «Летопись войны с Японией» этому была посвящена целая статья («Японская пропаганда в Европе»), в которой указывалось, что «в Европу не проникает никаких лишних сведений, в то время как наши официальные представители за границей безмолвствуют» [4, №54, с.1038]. Журнал «Война с Японией» отмечает необычайное единение в ходе войны японской печати: «ярые, шовинистические статьи, и на этом печальном пункте сошлись газеты всех направлений и оттенков, как столичные, так и провинциальные» [6, №32, с.8]. Газета «Новое время», публикующая очередную реляцию о боевых потерях русской армии за день, с прискорбием отмечает: «Очень жаль, что наш читатель не видит в одновременно напечатанном официальном извещении из Токио вражеских ис-

коверканных батарей, их потерю. Японцы последовательны в деле редактирования своих сообщений, старательно скрывая свои неудачи, потери, намерения, передвижения» [2, №10199].

Также изменился и тон высказываний о японцах. Если раньше в печати встречались такие эпитеты, как «коварный, лицемерный, подлый, лживый, гнусный враг», «дикие азиаты» [4, №15, с.269], то спустя некоторое время на страницах российских изданий появляются другие характеристики: «Японцы, которых мы еще так недавно совсем не знали и даже не представляли себе сильным врагом» [2, №10229], «враг, воспринявший все плоды долгого, упорного труда и творчества европейских народов» [4, №36, с.683]. «Фанатичная храбрость, немецкая муштровка, выносливость их войск напугали иностранных агентов» [4, №25, с.464].

После Ляояна все ждали скорейшего наступления русских войск под Мукденом. В связи с прибытием воинских резервов на театр военных действий в печати появились первые и весьма осторожные заметки о наметившемся переломе: «...он не имеет резко очерченных моментов..., но сознается или скорее чувствуется обеими сторонами» [4, №31, с.567]. Все внимание прессы было приковано к обороне Порт-Артура и предстоящему противостоянию на р. Шахэ и под Мукденом. Чтобы поднять боевой дух войск и представить несколько более оптимистичной картину на

Дальнем Востоке, при отсутствии действительных побед, пресса постоянно писала о больших потерях японской армии. Квинтэссенцией можно считать телеграмму Куропаткина на высочайшее имя: «Потери японцев цифрой выразить не могу, но смело докладываю, что они значительнее наших» [4, №12, с.226]. Это было необходимо, прежде всего даже не для армии, а для консолидации самого российского общества, в котором наметились первые признаки недовольства.

Журнал «Летопись войны с Японией» не мог обойти вниманием сообщение о волнениях среди запасных, призванных на войну. Однако причину видят в том, что «наше крестьянство весьма плохо ознакомлено с нынешней войной, с ее целями, с ее задачами, с неизбежной, неустранимой необходимостью борьбы с врагом» [4, №35, с.663]. Это мнение поддержали «Биржевые ведомости» и «Новое время»: «Правда и только правда необходима деревне и войне [так в тексте – А.М.]... Мало газет на глухой окраине» [5, №135], «в провинции нет интересных лекторов, деревня страшно нуждается в сведениях о войне» [2, №10275].

Также появились и статьи, посвященные нашей печати, в которой замечается, что «наша пресса разрознена, к чему подталкивает и наше общество. Вместо единения... стремятся расколоть российское образованное общество». Это заявление прозвучало в ответ наявление ряда заметок о необходимости

мости мира и изменении настроений в российском обществе: «панихидное настроение сделалось как бы выражением общественного сознания...» [1, №5, с.195], «...пора оценить друг друга по достоинству и подать друг другу руку примирения» [6, №24, с.14].

С начала 1905г. к борьбе с внешним врагом добавился и враг внутренний – первая русская революция. Если военно-политические журналы сдержанно отнеслись к событиям января, отметив лишь в феврале «возбуждение в обществе», то первыми страницами центральных газет прочно завладели революционные события. Вместе с тем события января 1905г. в прессе постарались трактовать с учетом ведущейся войны. В «Санкт-Петербургских ведомостях» в разделе «Наша печать» было приведено мнение «Русского инвалида» о причинах волнений в Петербурге, утверждавшего, что «беспорядки организованы англо-японскими провокаторами,... японское правительство роздало 18 млн. рублей с целью сделать невозможной отправку балтийской и черноморской эскадр... заключить мир, необходимый для Японии накануне ее банкротства» [7, №1]. Тем не менее интерес к войне стал ослабевать. Перед отечественной печатью всталась непростая задача – восстановить патриотический настрой народа.

Постарались изменить цели войны: от возвышенных и не всегда понятных для простого народа пе-

решили к национальным. Журнал «Летопись войны с Японией» выдвинул понятную для народа версию: быть или не быть России в Азии. В «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась репринтная заметка профессора японского университета Толицу, в которой говорилось, что «оккупация Маньчжурии... помогла бы овладеть всем северо-восточным Китаем до Урала и даже до Волги, чтобы нанести решительный удар по могуществу России!» [7, №1].

Однако после поражений и под Мукденом почти все издания возмутились в той или иной степени подобным исходом событий. «Санкт-Петербургские ведомости» видели основную причину русских поражений в том, «что не увидели перед собой грозно разинутой пасти дракона». «Расчет Японии заключался в том, что правая рука колосса, вооруженная грозным мечом, обращена к Западу и Балканам. Свободной оставалась левая рука, и эту плохо вооруженную, слабо развитую руку необходимо было протянуть на 10 тыс. верст» [7, №1].

Газета «Дневник войны» в феврале поместила статью под названием «Наши недочеты», в которой поражения объяснялись недостаточной просвещенностью и образованностью русских солдат и офицеров, при этом отмечались существенные недочеты в сфере народного образования. С этим утверждением согласились и «Биржевые

ведомости»: «Если японцы идут на верную смерть потому, что 40 лет учились жертвовать собой во имя народной идеи, то русские ... – только потому, что они русские» [5, №147, 1905г.].

«Летопись войны с Японией» подвергла осторожной критике действия главного командования: «Как японцы легко нас разгромили, как мы пропустили усиление их флота?», «...что побудило Главнокомандующего ограничить свои действия исключительно пассивной обороной двух линий укрепленных позиций?» [4, №50, 1905г., с.967]. Впервые в журнале прозвучало слово «серезная неудача».

Еще одной, едва ли не важнейшей, причиной русских неудач на Дальнем Востоке либеральная печать видела в засилье бюрократии. «Санкт-Петербургские ведомости» пошли еще дальше и возмущенно восклицали: «Почему сочетание государственного опыта отдельных лиц со всенародным может представляться менее целесообразным, чем устарелые законодательные канцелярские приемы?» [7, №10]. А «Летопись войны с Японией» с сожалением констатирует: «В японцах видят союзника против общего врага – все той же бюрократии» [4, №43, 1905г., с.818].

В годовщину начала войны в «Санкт-Петербургских ведомостях» вышла статья под названием «Черный год!». В ней отмечалось, что Россия никогда еще не переживала таких унижений: «Объектом войны теперь стало наше право на звание

великой державы... Позорный мир вызовет такой взрыв народного негодования, перед которым события 9 января – пустой звук» [7, №19].

Все надежды русской прессы были связаны с эскадрой адмирала Рожественского. «Дневник войны» говорил о предстоящем морском столкновении Японии и России о том, что «предстоящее сражение должно иметь решающее значение для хода всей остальной кампании» [3, №24, 1905г., с.187]. Хотя тут же, как будто готовя читателя к возможной неудаче, делается оговорка: «Даже поражение адмирала Рожественского не изменит существенно положение на суше» [4, №54, 1905г., с.1030].

После Цусимского поражения вся печать без исключения заговорила о мире. Наряду с темой переговоров обсуждалось и наболевшее: причины поражения на суше и море. Причины поражений русских виделись в засилье бюрократии и недооценке Японии. «Война,веденная так неудачно, обнаружила так вопиюще необходимость коренных реформ всех частей нашего государственного строя, дала, конечно, революционным партиям обильный материал и твердую фактическую почву для пропаганды» [4, №82, 1905г., с.1580]. «Санкт-Петербургские ведомости» в заметке «Кто виноват?» обвинили во всех бедах... российскую дипломатию, проводившую, по утверждению газеты, откровенно проанглийский политический курс. В «Летописи войны с Японией» отме-

чались психологические причины поражения: «не было того воодушевления, бодрящего и облегчающего всякий труд, который делает успех» [4, №84, 1905г., с.1613]. «Русские ведомости», проводя анализ Цусимского сражения, приходят к выводу о процветании воровства на кораблестроительных верфях.

Заключение Портсмутского мира было встречено как давно ожидаемое, но, несомненно, печальное для страны событие. «Новое время» назвало мирный договор «все-таки печальным, только необходимым и притом времененным». «Слово» констатирует «свершилось то, чего так страстно мы добивались последнее время! Но мы пишем эти строки чуть не сквозь слезы, с болью в сердце, с тяжким чувством незаслуженной обиды». «Русские ведомости» не считали условия мирного договора выгодными и почетными. «Московские ведомости» оценили мир намного шире: «Мы огорчены заключением мира, но утешаемся тем, что мир развязывает руки для достижения победы во внутренней войне с крамольниками, которыми является вся русская интеллигенция» [4, №74, 1905г., с.1451-1452].

Чтобы сгладить неприятные впечатления от проигранной войны, русская пресса опубликовала ряд сообщений о настроениях в японском обществе и реакции на заключение мира: «Необыкновенная усталость японцев, граничащая

даже с апатией и отчаянием», «японский народ уже давно вышел из стадии русофобства и жажды борьбы беспощадной..., японский народ устал от войны» [7, №143, с.182]. Приводились высказывания радикально настроенных представителей японского правительства, которые говорили о «задержке японского развития по меньшей мере на 50 лет» [4, №77, 1905г., с.1498]. В завершении журнал делает далеко идущее заключение – «трагедия первой (курсив мой – А.М.) русско-японской войны окончена» [4, №79, 1905г., с.1517].

Несмотря на трагичное поражение, не все представители печатного слова в России отнеслись к нему сугубо отрицательно. Журнал «Летопись войны с Японией» призвал увидеть положительные стороны: русские войска получили необходимый боевой опыт, возросла пропускная способность Сибирского пути, наконец-то изучили театр боевых действий, а самое главное – «узнали мы и японцев» [4, №80, 1905г., с.1545]. А либеральная пресса, проводя исторические аналогии с неудачной Крымской кампанией 1853-1856 гг., требовала проведения реформ и установления представительной монархии.

Подводя итог обзору прессы относительно русско-японской войны, следует сказать, что представители официальной отечественной печати сделали многое для поднятия народного духа во время войны и освещения боевых действий в вы-

годном для правительства свете. При возникновении конфликта между Россией и Японией средства массовой информации попытались выявить и осветить степень готовности государств к войне. Признавая возможность вооруженного конфликта, ряд изданий указывает на необходимость усиления позиций России на Дальнем Востоке и занятии в отношении японцев твердой позиции. В объяснении целей войны в печати неоднократно подчеркивалась агрессия Японии и готовность русских как представителей христианства и европейской нации противостоять «желтой опасности», в очередной раз в одиночку закрыть собой Запад. Ряд изданий объективно указывал на империалистический характер войны со стороны Японии, при этом умалчивая о подобных целях со стороны Российской империи.

Однако в результате ряда поражений русская печать проявила гибкость и постаралась сплотить общество призывом «остаться великой державой». Произошла смена алгоритмов, и вслед за японской печатью российские издания взяли на вооружении лозунги национальной, а не цивилизационной войны. Практически всю войну в печатных изданиях не появлялось слово «поражение», а многочисленные ссылки на исторические примеры должны были убедить читателя в неизбежности победы русских войск. Даже откровенные по-

ражения русских войск и флота, ошибки командования подавались как удача и прикрывались большими численными потерями японцев. Для поднятия патриотического духа регулярно публиковались примеры проявления героизма, мнения как отечественных, так и иностранных военно-политических аналитиков об исходе войны, сообщения о регулярных пожертвованиях представителей всех слоев населения. Вместе с тем российская пресса пыталась и объективно оценить возможности противника, выявить собственные недостатки и обратить на них внимание власти и общественности. В связи с этим можно отметить, что освещение русско-японской войны в печати было достаточно эффективным для её пропаганды в обществе, и если война и продолжала оставаться непопулярной, то основной причиной, на наш взгляд, является отсутствие каких-либо серьезных побед русской армии и флота на Дальнем Востоке.

Литература

- [1] Русская мысль. 1904.
- [2] Новое время. 1904.
- [3] Дневник войны. 1904. 1905.
- [4] Летопись войны с Японией. 1904. 1905.
- [5] Биржевые ведомости. 1904. 1905.
- [6] Война с Японией. 1904.
- [7] Санкт-Петербургские ведомости. 1905.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Халуторных Ольга Николаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия»
Московского государственного технического
университета имени Н.Э. Баумана

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Правовое государство основано на четком разделении субстанциональной и инструментальной основ государственного участия. Развитие правовой государственности реализовывалось в становлении систем конституционализма, парламентаризма, структурирования гражданского общества, выработке механизмов защиты прав человека. Идея правового государства есть идея взаимоуправления гражданского общества и государства, предполагающая разрушение монополии государства на власть с одновременным изменением соотношения свободы государства и общества в пользу последнего и отдельной личности. Формирование правовой государственности, либерализма в России в настоящее время напрямую определяется восстановлением государства, законности, правопорядка.

Ключевые слова: власть, закон, право, правовое государство, гражданское общество, личность, тоталитаризм, права и свободы человека.

Исторически различия Запада и Востока, обусловленные географическими, геополитическими, культурными особенностями систем жизневоспроизведения, предопределили два пути общественного развития, выработку специфических стандартов существования. На Востоке возникла властная корпоративность, закрепляющая порядок родового социума, на Западе – правовое собственничество, утверждающее личностное начало.

Запад развился из полисной организации социальных отношений, ориентированных на частно-

собственническую, правовую, гражданско-демократическую культуру. Социальным базисом западного общества стали универсальные гарантии личности, связанные с возможностью и способностью проводить, отстаивать собственные интересы. Отработка механизма подобных гарантий создала систему прав, свобод, обязанностей, долговестований, социокультурных статусов, инициативного, собственнического стиля общественного вовлечения граждан в политическую жизнь и их участия в ней.

При данном порядке и государство, и отдельный индивид находятся в одинаковом отношении к праву. Право, обеспечивая верховенство закона, регулирует деятельность участников общественных отношений (государства и личности) на основе равенства, справедливости, учитывает тенденции социального развития, защищает нравственные ценности, гарантирует соблюдение прав человека, реальные возможности его свободного развития. Реализация гарантий обеспечивается в процессе осуществления принципов невмешательства государства в дела гражданского общества, предполагает взаимную ответственность: государство и индивид в равной мере ответственны за свои действия перед законом. Подчиняясь праву, государство и граждане не могут нарушать его предписания, несут ответственность за нарушение взятых на себя обязанностей. Принцип реального разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную защищает человека от государственного произвола.

На Востоке необходимость налаживания затратного воспроизведения, связанная с особенностями климатических, географических условий, формировала ограниченную модель трудовой кооперации, предполагающую общинность, этатизм, деспотизм, централизацию власти. Со временем структурно они воплотили незападный путь развития, критикуемый Монтескье и идеализируемый Вольтером.

В противоположность Западу на Востоке существуют правовые и бесправные слои, а не экономические классы, благодаря причастности к властной, государственной иерархии правящие слои доминируют в экономике: владеют, распоряжаются, распределяют общественное богатство. Формой межсубъективной коммуникации является надзор, а не личный экономический интерес. Отсутствие субъекта гражданских прав, обязательных для государства и гражданина законов порождает административный произвол, общинно-государственная форма хозяйствования «обезличивает» владельца средств производства (владеет и пользуется собственностью коллектив производителей, распоряжающийся общим достоянием от имени коллектива административный глава), «...от старейшины до государя, от храма до государства; частная собственность, даже появившись, укрепившись, на Востоке второстепенна, не будучи защищена от произвола власти какими-нибудь привилегиями, гарантиями, свободами, правами» [1, с.82].

Механизмом защиты от управляемого беззакония выступает воля правителя (на Западе – гражданское общество, суд); законы создаются от имени и во имя государства (на Западе – во имя отдельной личности); укрепляются «вертикальные» общинные, клановые связи (на Западе – «горизонтальные» связи потенциальных социальных партнеров); статус, место

в иерархии власти функционирует в качестве гаранта свободы (на Западе свобода гарантируется правом); кризис государства вызывает кризис социальности: «страдают низы – от произвола верхов; страдают верхи – от маргинализации, криминализации низов; страдают производители – от подъема бюрократов; страдают бюрократы – от упадка производителей» [1, с.229-230]; собственность конвертируется на силу или престиж.

Россия, синтезируя многие черты как Запада, так и Востока, является «...переходной страной, посредницей между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии или в нее влекли Азию» [2, с.65]. Включаясь в Европу географически, Отечество имеет неевропейскую (восточную) модель государственного развития. Для западников – от Чадаева до современных либерал-демократов – Запад, выступая для России эталоном, стандартом существования, примером обеспечения гражданственности, правопорядка, материально-технической базы, привлекателен наложенностю хозяйственной, политической, частной жизни.

Славянофильство, возникшее как реакция против слепого подражания Западу, создает программу «собственно-личного» (Г. Шпет) развития страны, предполагает «...совершенно сорваться с евро-

пейских рельсов и, выбрав совсем новый путь, стать... во главе умственной и социальной жизни всечеловечества» (К. Леонтьев), «...творить, а не заимствовать... искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не входить в кусочки, собирая на мнимую бедность. Мы западу не ученики и не учителя... Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру – из русского сердца, в русской свободе, направляя русскую предметность» (И.А. Ильин) [3].

Развитие элементов правового государства в истории России проходило на протяжении тысячи лет, но не привело к созданию оформленной стройной системы. Исторически славяне в V веке, осваивая территории Приднепровья, Приильменья, уже находились на стадии разложения родовой общины. На новых местах расселения утверждалась соседская община («вервь», «мир») – основа самобытности зарождавшейся государственности, соборной духовности русского народа. Формировавшемуся правящему слою из родоплеменной знати, разбогатевшей на торговле, противостояла артельная солидарность численно превосходивших их землепашцев, охотников, скотоводов, ремесленников, воинов.

Начала государственности, воспринятые варварами, завоевавшими Римскую империю, оказались органически чужды обита-

телям восточноевропейских странств. Здесь наивысшего расцвета достигает предгосударственное устройство азиатских народов, обеспечивающее участие взрослых членов общины (традиционно мужчин) в решении важнейших вопросов ее жизни, контроль вольных общинников за деятельность племенной верхушки, всеобщее вооружение соплеменников, гласное назначение военачальников, других лиц, выполнявших общественно значимые функции. Высшим органом власти, опиравшимся на силу обычая и нравственных норм, стало народное собрание, созывавшееся как племенной верхушкой (старейшинами), так и рядовыми соплеменниками.

Вече утверждало обязательные для всех членов племени правила, которые впоследствии приобретали характер абсолютных императивов, установленных божественным промыслом. Предписания подлежали безоговорочному исполнению. Другие решения народного собрания, старейшин, племенного вождя не имели принудительного характера и могли опровергаться.

С укреплением древнерусского государства стало возрастать значение княжеской власти. Князь правил, опираясь на родовую аристократию и состоятельных граждан, считаясь с вечевыми традициями. Отечественная политическая мысль неизменно становилась на сторону высших правителей в их конфликтах с поборниками архаич-

ческого народовластия. Со временем правления Ивана III начинается история жесткого российского самовластия.

В эпоху самодержавного произвола принятые в Западной Европе право и закон в российской правовой мысли отождествлялись с понятиями «справедливость», «правда», «завет» – божественный или традиционный, берущий начало от предков, обязательный к исполнению всеми богобоязненными людьми.

Именно так трактует закон Илларион в «Слове о Законе и Благодати» (XI в.) [4], понимая под правовым актом высшее установление, регулирующее насильственными мерами поведение человека в обществе, исходящее от Бога или избранных им лиц. В систему правовых ценностей органично включалось понятие «указ». Закон – предел, обычай – опыт взаимодействия с таким пределом, указ – конкретная задача, выдвигаемая правителем и подлежащая выполнению в рамках закона с учетом накопленного опыта взаимодействия с ним. Под законом понималась фундаментальная основа любой правовой системы, обычай – способ его применения на разных этапах развития системы, указ – ограниченный законом и обычаем правовой акт, выражющий те или иные намерения и устремления субъекта права. Закон и обычай – объективный фундамент правовой системы, указ – ее субъективная, изменчивая часть. Русская тради-

ция: закон – от Бога; указ – от воли правителя. В подобных условиях простой народ лишен какой бы то ни было возможности осуществлять справедливое законотворчество.

Иван IV модернизировал систему государственного управления, используя лучшие европейские образцы. Созданная им разветвленная иерархия чиновничьей бюрократии сохранилась фактически до наших дней, при нем была осуществлена кодификация правовых актов, облегчившая их использование в практике судебной и государственно-управленческой деятельности. И он же положил начало страшной традиции подмены общегосударственных законов административными предписаниями, распоряжениями верховной власти, окончательно утверждая законодательную формулу: «Царь указал и бояре приговорили». Разновидностями законов стали жалованные грамоты, уставы, судебники и прочие административные документы, принимаемые царем с одобрения (или без него) Боярской думы – официального, но не закрепленного законом государстенного института.

В период царствования Ивана Грозного стали созываться Земские соборы из выборных сословных представителей, но несмотря на это, в правовой сфере царил указ, принимавшийся царем. Несомненно, выдающийся правовой акт допетровской эпохи – Соборное уложение Алексея Михайловича (1649г.), в котором собраны цар-

ские указы, боярские приговоры, соответствующие статьи судебников. Тексты Уложения составлялись большой группой образованных людей, работавших в приказах, окончательный вариант обсуждался Боярской думой, после чего его утверждал Земский собор. Характерно, что две главы Уложения посвящались защите престижа абсолютной власти монарха.

Петр I предпринял попытку соединить самодержавно-крепостническое государственное устройство с достижениями правовой системы Западной Европы. Особенность петровского законодательства – ориентация на активное усвоение западного опыта, установление четко определенного законом правового порядка, ограничивающего волю и произвол субъектов управления. Ведущим стал принцип законности, потеснивший господствовавшие до этого обычай и традиции.

Для повышения качества законотворческой деятельности Петром I создается Правительствующий Сенат. Но при этом сохраняется тождественность законов и указов: царь издавал указы, указами же утверждал акты, являвшиеся по своему значению законами.

Развивая идею созыва представителей различных сословий для выработки проекта оптимального политического устройства страны, Екатерина II первая обозначила проблему соотношения закона и воли государя. В 1767г. была

образована Уложенная комиссия – прообраз первого российского парламента. В нее вошли выборные представители всего населения страны (за исключением духовенства, частновладельческих крестьян, кочевников и солдат, не занимавшихся пахотой): дворянства, городов, правительственные учреждений, государственных крестьян, казачества, национальных групп, ведущих оседлый образ жизни. Однако в условиях полного отсутствия правовой культуры работа комиссии оказалась безрезультатной.

При Александре I М.М. Сперанский предлагает проект создания законодательного собрания – Государственной думы – из представителей, выбранных волостными, окружными и губернскими думами. Идея представительных учреждений парламентского типа вновь осталась неосуществленной.

После расширения законодательных функций Сената (1802г.) в области разработки царских указов был создан Государственный совет (1810г.), главная задача которого – рассмотрение законодательных актов. Четко определялись три вида актов: законы, уставы, учреждения. В статье III царского Манифеста указывалось, что никакие Законы, Уставы и Учреждения не исходят из Совета и не могут иметь своего совершения без утверждения Державной Власти. Впервые закон был выделен из всех правовых актов как важнейший в иерархии юридических документов. Реформы, проводимые Александром II, значи-

тельно повысили роль закона как основного источника права, но лишь в начале XX в. Россия впервые обрела собственный парламент – Государственную думу.

Но корни абсолютизма были крайне крепки: как только в обществе нарастала напряженность, самодержавная власть неизменно ущемляла права представительской власти (разгон I и II Дум, переворот Столыпина (1907г.), закон об изменении избирательной системы, принятый в обход Думы). Фактическое прекращение думской деятельности осуществлялось всякий раз, как только Дума обнаруживала стремление перейти от позиции одобрения царских указов к их конструктивной критике.

Любой закон вступал в силу только с санкции монарха, никто не имел права преодолеть царское вето. В итоге западноевропейская традиция верховенства закона в правовом поле России не утвердилась. При этом отечественные правоведы, следуя за европейскими традициями, отдавали приоритет закону, на который должны ориентироваться все без исключения правовые акты, в том числе указы абсолютной государственной власти. Передовая политическая мысль России стремилась преодолеть несоответствие российских представлений о законе западноевропейским идеям эпохи Просвещения.

Ряд конституционных проектов носили половинчатый характер: конституция, написанная Н.И. Паниным и Д.И. Фонвизиным, в кото-

рой предлагалось передать законодательную власть Верховному Сенату, состоящему из выборных представителей дворянства, лиц, назначаемых царем, конституционная хартия Н.Н. Новосильцева (1820г.), конституционные проекты П.А. Валуева (1863 г., 1866 г.), основанный на них проект М.Т. Лорис-Меликова – все они в итоге были отвергнуты правящей верхушкой.

Идеи представителей революционно-демократического направления искоренялись. А.Н. Радищев разделял положение Ж.-Ж. Руссо о том, что издавать законы должен народ. Причем если Руссо сравнивал законы с костылями, которые позволяют передвигаться старику, в молодости (т. е. в «золотой век» древности) прекрасно обходившемуся без них, то А.Н. Радищев считал стремление человека жить в обществе и быть связанным с ним законом естественным. Закон трактовался как средство достижения свободы человека, чей разумно понятый интерес неизменно совпадает с общественным.

Идеи Радищева получили развитие в программных документах декабристов. Конституция Н.М. Муравьева предусматривала ограничение царской власти созданием высшего законодательного органа – двухпалатного Народного вече. «Русская Правда» П.И. Пестеля утверждала идею республиканского устройства, при котором все правительственные акты принимаются с ведома народа и при совете с ним.

Царская власть жестоко расправлялась со сторонниками республики, отстаивая идею самодержавной монархии.

Серьезным прорывом на пути превращения России в демократическое государство стал Манифест от 17 октября 1905г., провозглашавший незыблемое правило, – никакой закон не может воспринять силу без одобрения Государственной думы. Но в феврале 1906г. царь наделил неизбиаемый Государственный совет законодательными функциями, превратив его в высшую законодательную палату с правом наложения вето на решения Думы.

Кроме того, согласно ст. 87 «Основных законов Российской Империи», царь имел право единолично издавать законы в перерывах между сессиями Думы, вносясь их потом на утверждение законодательного органа. Дума не могла изменить «Основные законы», которые разрешали императору распускать Думу своим указом. Таким образом, указное право и в этом случае оказалось поставленным над законом.

В начале XX в. указы продолжали издаваться, но уже закон, а не указ, становился основным регулятором поведения граждан, а не отдельных сословий. Закон и указ постепенно подменялись друг другом. Правовая регламентация жизни перемещалась от одного лица – царя, как это было на протяжении XVII-XIX вв., к трем – Госдуме, Гос-

совету, царю. Усложнялась структура института законодателя, становилась более гибкой, учитываяющей значительно более широкие интересы и представительство общественных слоев.

Начавшаяся в августе 1914г. Первая мировая война фактически прервала процесс делегирования закону основных полномочий законотворчества. Чрезвычайные обстоятельства, продиктованные военным временем, растущее недовольство депутатов Госдумы в результате реакции на неспособность самодержавия к адекватному в данной ситуации правовому поведению привели к фактическому распаду единой структуры института законодательства. Дума отстранялась царем от принятия правовых решений и в феврале 1917г. была распущена. Бездействовал Госсовет. Последствия – февральская революция 1917г., отказ царя от престола.

Однако с отстранением от власти творца указанного права его традиции нашли отражение в правовых актах Временного правительства, ставших с февраля по октябрь 1917г. главным источником «революционного права», а затем – в декретах Советского правительства. Октябрьская революция, победившая под флагом слома старой государственной машины, ликвидировала обязательный для правового государства принцип разделения властей. Соединяя законодательную, исполнительную, судебную ветви, большевики распустили вы-

борное Учредительное собрание. Закон сменился произволом, в качестве главного источника права выступил декрет, тождественный царскому указу, который повсеместно использовался в работе всех без исключения правительств, возникавших на территории страны во время гражданской войны и в первые годы советской власти.

На долгие 70 лет единственным высшим органом власти в России стал Всероссийский съезд Советов, под разными именами просуществовавший в СССР до декабря 1991г. В перерывах между сессиями Всероссийского съезда Советов высшим органом был Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). Съезд избирал правительство – Совет Народных Комиссаров (СНК). Вплоть до 1936г. о каком-либо праве не могло быть и речи: массовые репрессии, внесудебная расправа, повсеместное нарушение прав личности стали обычным явлением.

Концепция соединения законодательства и управления была представлена в Конституции СССР 1936г. и укрепилась в Конституции СССР 1977г.

Советское государство создавалось как полная противоположность буржуазно-правовому западному социуму. Были объединены все ветви власти, игнорировались реальное верховенство закона и контроль гражданского общества за властными органами. Руководство коммунистической партии принимало все важнейшие реше-

ния, которые в форме директив передавались Советам. Советы осуществляли директивы как собственные или совместные с партией решения. Авторитарная власть Генерального секретаря ЦК представляла одну из разновидностей диктатуры.

Государство при помощи идеологии создало мощный репрессивный аппарат управления массами, подавления отдельного индивида. Думающий, творческий, самодостаточный человек стал опасен для тоталитарного социума, в котором может быть только одна полноценная личность – личность вождя. Цель государства состоит в культивации коллектива одинаковых в физическом и моральном отношении человеческих существ (А. Гитлер). Уравнивая, усредняя, власть формирует однородную толпу – абсолют подчинения. Функции управления этатичным обществом выполняют специальные организации посредством идеологического насилия, физического террора, заставляя население жить в атмосфере постоянного страха. Преступником объявляется всякий инакомыслящий.

Тенденции «преодолеть» самодостаточность личности укореняются в области интеллектуальных занятий, науке, искусстве, призывают «...произвести соответствующий поворот, который позволит перейти к плановой социалистической работе на коллективистских началах» [5, с.136], предпола-

гает возникновение специфического типа духовности с партийно-классовой ригористичностью, демагогичностью, развертыванием варианта массовой культуры. Санкционированное свыше ограничение доступа масс к научным достижениям и завоеваниям человечества находит оправдание в том, что «в условиях самой ожесточенной, злейшей борьбы... излишне особенно напирать на необходимость для пролетариата «целостного» мировоззрения, «основ пролетарской философии» и т. д., ибо эти прекрасные вещи... способны... отвлечь от борьбы», из неисчерпаемых сокровищниц марксизма следует получать «ровно такой научный паек, какой необходим для... борьбы, не больше»[6, с.4].

Ликвидация институтов публичной власти, вождизм, жесткая тоталитарная идеология обернулись недифференцированностью функций властного аппарата и выборных народных органов, парторклизацией социальных связей, самовластностью, дезинформацией народа относительно подлинного состояния дел за счет насаждения иллюзий «нескончаемого успеха», бюрократизацией, произвольностью действий аппаратчиков и функционеров, вмешивающихся по своим прихотям в любые сферы общественной и личной жизни граждан.

Присущие советскому строю абсолютизм, гражданская незащищенность населения, разрыв поли-

тики и морали (пропаганда справедливости верховных властей с сокрытием их незаконных привилегий), военно-полицейские методы организации общественной деятельности, наказуемость инициативы, атрофия социального творчества граждан, преследование иного мыслия, ущемленность надстройки, полагающей индивида как средство достижения «всеобщего блага», «счастливого грядущего человечества», нагнетание атмосферы раболепия, пособничества – все это предопределило ситуацию, при которой государственные институты из служебных, подчиненных приобретали самодовлеющий статус, не оставляя почвы для автономии как гражданского общества, так и личности. Данная тактика делает ставку на кратократию – силу власти. Ценостные области человеческой жизни исключены из советской действительности. Выстраивая жизнь по абстрактным рациональным схемам, осуществляя волюнтарное вмешательство в жизнь народа, идеологи тоталитаризма разрушили экзистенциальную сферу, подавляя, дискредитируя личность.

Отмена руководящей роли КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК в начале 1990-х привела к развалу государства и полному параличу всех секторов жизни общества. Перестроечная программа возрождения новой России, построенной по принципам развитого демократического правового общества, во многом оказалась уто-

личной. Государство по-прежнему сохраняет многие традиционные черты, стремится контролировать различные стороны жизни, выступает в роли главного распределителя средств, сохраняет номенклатурный принцип подбора руководящих кадров. Уровень экономического, социального, политического развития, на котором находится РФ, не позволяет достаточно динамично воплощать многие из характеристик, которым должна отвечать правовая государственность.

Фундаментом правовой государственности являются гражданские права и свободы. В 48 статьях Конституции РФ закреплены личные, политические, социально-экономические права и свободы человека. Решение стоящих перед страной острых проблем в соответствующих сферах общественной жизни все больше будет продвигать общество по избранному пути. Правовое государство предполагает последовательное воплощение в жизнь взаимной ответственности государства и личности. Не только человек обязан соблюдать то, что предусмотрено нормами права, но и государство должно ограничивать себя в собственных решениях и действиях для обеспечения в законах меры свободы личности.

В странах с авторитарным политическим режимом господствует ответственность гражданина перед государством. В правовом – государственные органы и должностные лица ответственны перед гражданами. Правовое государство во

взаимодействии с человеком обеспечивает и защищает его жизнь, здоровье, честь и достоинство, свободы; является средством борьбы с таким отрицательными явлениями, как бюрократизм, мещничество, произвол.

Несмотря на то что в Российской Федерации существуют юридические средства защиты от волюнтаризма государства, своевременно реализовать соответствующие нормы, восстановить нарушенные права и интересы граждан удается не всегда, что объясняется во многом объективными сложностями современного этапа развития общества. Актуален в современных российских условиях принцип «разрешено все, что не запрещено законом», относящийся к государственным органам и должностным лицам. Однако пользоваться им следует разумно. Он предполагает наличие определенного уровня политической и правовой культуры, информированности, умения соотнести личный и общий интересы, соблюдения общепринятых моральных и поведенческих норм.

Эволюция государства предстает непрерывной модификацией его структуры, функций в зависимости от изменения общественных

отношений, рационализации способов властовования, степени развития человека, его потребностей в государстве как механизме организации политического порядка. Выявление перспектив институционализации гражданского общества в России связывается с утверждением соответствующей социальной рациональности, культивацией на уровне политической жизни, идеологии, функционирования различных сфер практической жизни таких ценностных составляющих социума, как правосознание, гражданское участие, демократизм, личность.

Литература:

- [1] Васильев Л.С. История Востока. Т.1. М., 1993.
- [2] Ключевский В.О. Собр. Соч. в 9-ти тт. Т.1. М., 1987.
- [3] Шишкина В.И., Пурынычева Г.М. История русской философии. Йошкар-Ола, 1997.
- [4] Лихачёв Д.С. «Слово о законе и благодати» Илариона / в кн. Лихачёв Д.С. Великое наследие. М., 1975.
- [5] За поворот на философском фронте. Вып.1. М., 1931.
- [6] Вестник пропаганды. 1919. № 3.

Боярских Артем Викторович
кандидат социологических наук, доцент,
заместитель директора Института дистанционного образования
Тюменского государственного университета

ЭЛЕМЕНТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

В статье рассматривается один из важных элементов современного общества – гражданское общество. Многие социологи, философы, обществоведы пытались представить свою формулу идеального общества: от Платона и Аристотеля до К. Маркса и П. Кропоткина. В статье представлен анализ субъектов гражданского общества, позволяющий определить современную модель его построения.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, социальные институты, институты гражданского общества.

Общество – это среда, в которой находится каждый человек, где он получает основные социальные стимулы к развитию и формированию основных личностных черт, установок и характеристик как социальное существо. Идеальным обществом, формулу которого стремились вывести многие ученые и мыслители, может и должно выступать *гражданское общество*.

Под гражданским обществом понимается «сфера самопроявления индивидов, сформированных гражданами ассоциаций и организаций, которые на основе социокультурных ценностей создают механизм негосударственного социального контроля, что способствует созданию в обществе консенсуса и стабильности» [12, с.14].

Становление гражданского общества есть результат развития культуры, цивилизации, страны, в которой за основу принято соблюдение прав и свобод гражданина.

По мере развития общественно-научной мысли понятие «гражданское общество» становилось все более объемным, поскольку ориентировалось на трансформацию общественных приоритетов и ценностей, на актуальные потребности общества.

В современном понимании гражданское общество – это общество с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями между его членами, способствующими образованию обратных связей между обществом и государством. Акторами, т. е. субъектами активного действия, гражданского общества с этой точки зрения выступают все негосударственные организации: политические партии, профсоюзы, общественные неправительственные организации, пресса и др. [13, с.28].

И.И. Кравченко рассматривает гражданское общество как систему самостоятельных и независимых от

государства общественных институтов и отношений, которые ориентированы на создание условий для реализации интересов и потребностей как индивидуальных, так и коллективных, а также на обеспечение жизнедеятельности, воспроизводства и трансляции социальной, социокультурной и духовной сфер общества [4, с.30].

Теоретические основы рассмотрения явления гражданского общества были заложены еще мыслителями Древнего мира, в частности, Платоном и Аристотелем. Они рассматривали общество как совокупность граждан, не разделяя понятий общества, государства и гражданского общества.

Платон (427-347 до н. э.) считал, что люди от рождения являются социальными существами, и описывал идеальное человеческое общество, построение которого свободно от государственной регуляции. Он не выделял конкретных социальных институтов в качестве системообразующих характеристик идеального общества, считая актором данной социальной трансформации гражданина как социальное существо.

Аристотель (384-322 до н. э.) высказывал идею о том, что гражданственность строится на членстве человека в государстве (полисе), что ставило поведение гражданина в рамки общественного закона для обеспечения соблюдения прав и интересов других граждан. Кроме того, человек, по мнению Аристо-

теля, изначально «по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств, живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [1, с.378].

В его философии человек есть актор развития и становления гражданского общества. И хотя Аристотель рассуждал и о роли государства, и о гражданском обществе, в основном он употреблял эти понятия как синонимы. Однако именно он делал первые попытки анализа некоторых институтов общества (экономического, брачно-семейного, духовного, нравственного, научного, религиозного) отдельно от государства, рассматривая их в качестве системообразующих в рамках общества.

Н. Макиавелли (1469-1527гг.) в своем труде «Государь» подробно изложил свое видение идеального общества и идеального правителя, который опирается в своем правлении не на государственные структуры, а на общество. Он разделяет понятия государства и общества, политических и гражданских институтов. При этом, рассуждая о формировании и развитии негосударственных (неполитических) институтов, он описывает, по сути, основные принципы гражданского общества. При этом в его рассуждениях именно эти негосударственные институты (семья, профессиональные союзы, социальные

группы и общности) можно интерпретировать как системообразующие факторы общества [6, с.47].

Таким образом, Платон, Аристотель и Н. Макиавелли осмысливали структуру общества и государства, указывая на наличие разных аспектов государственности, которые не могут существовать без поддержки общества и его политической воли, что можно расценить как попытку выделить в рамках государства определенную структуру, прообраз гражданского общества.

Теоретические посылы мыслителей древности оказывали решающее значение на формирование научной мысли и рассмотрение взаимозависимости общества и государства. Такие теоретические положения превалировали в научной мысли вплоть до XVII в., когда мыслители и ученые обратились к проблеме политической воли общества, совокупной потребности граждан в некой общественной структуре, которая бы отвечала интересам и правам членов общества. В этот период новое видение государственности и общества предложили несколько выдающихся ученых – Д. Локк, Ж.Ж. Руссо, Т. Гоббс, Ш.Л. Монтескье, которые разрабатывали идею общественного договора. По мнению А.Н. Гончаровой, для всех этих ученых государство как форма общественной организации выступает лишь как инструмент для актуализации общества [3].

Рассмотрим подробнее основные постулаты, отраженные в их трудах.

Д. Локк (1632-1704гг.) рассматривает процесс формирования государства как продукт существующих общественных отношений, обладающих естественными законами и главное – правами собственности. Д. Локк рассматривает государство как продукт волеизъявления народа, «гражданского общества», вступление которого в государство мотивировано желанием сохранить собственность и получить правовую защиту на основании договора. Актором в его теории выступает гражданское общество, субъектом – государство, которое можно расценить как инструмент общества. Институт частной собственности выступает основным системообразующим фактором в его теории. Так, Д. Локк в работе «Два трактата о государственном правлении» пишет: «... когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу, то тогда и только тогда существует политическое или гражданское общество...» [5, с.38].

Томас Гоббс (1588-1679гг.) в своей работе «О гражданине» отделяет понятия «гражданское общество» от «государство», считая, что государство стоит отдельно от общества и граждан, однако в своей деятельности стремится подчинить себе все существующие социальные структуры посредством ряда ложных учений и несовершенных государственных установле-

ний. Таким образом, в его теории государство можно расценить как актор общественных трансформаций, в то время как общество занимает позицию субъекта. Однако для выделения системообразующих институтов в его рассуждениях нет достаточных оснований.

Ш.Л. де Монтескье (1689-1755гг.) в своем труде «О духе законов» рассматривает государство как результат общественного договора, который направлен на купирование враждебности граждан в гражданском обществе. При этом он четко разделяет эти два понятия, а также высказывает мысль о том, что у каждого из этих явлений свои законы (гражданские и государственные) и своя сфера влияния. Так, гражданское общество регулирует взаимоотношения граждан (в том числе – правообладание собственностью), а государство – политические права и свободы человека. Он утверждает, что эти структуры взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, при этом гражданское общество выступает гарантией соблюдения стабильности в обществе и защиты установления диктатуры. Изменение баланса между государством и гражданским обществом неизбежно приведет к крупным общественным потрясениям.

Таким образом, по мнению *Ш.Л. де Монтескье*, и государство, и общество являются акторами и субъектами по отношению друг к другу. В качестве ведущих систе-

мообразующих факторов общества он выделяет институт частной собственности, а для государства – политические институты.

Ж.Ж. Руссо (1712-1778гг.) в работе «Об общественном договоре, или Принципы политического права» рассматривает гражданское общество как синоним понятий «государство» и «общественная организация» и считает, что формирование гражданского общества обусловлено фактом объединения или ассоциации людей, утративших естественную свободу и опасающихся потерять свои прирожденные права. Граждане, по его мнению, вступают в общественный договор, как в структуру, «... которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой, каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» [10, с.161-162].

Таким образом, системообразующими институтами для гражданского общества в теории *Ж.Ж. Руссо* выступают основные социальные институты государства, которые выступают в роли субъекта, в то время как актором выступают ассоциации граждан.

По мнению А.Н. Гончаровой, употребление понятия «гражданское общество» в работах этой эпохи не только фиксирует отличие светской стороны общественной жизни от религиозной, но и указы-

вает на появление таковой вообще в рамках государства [3, с.102].

Эммануил Кант (1724-1804гг.) рассматривает формирование гражданского общества как компромисс между свободой отдельного гражданина и свободой других. То есть права и свободы человека зависят не от государства, а от общества и референтных по отношению к нему институтов. Таким образом, в теории Канта акторами гражданского общества выступают социальные группы и социальные и общественные институты (семья, школа, церковь, соседские общины, ассоциации, сообщества и др.), которые обеспечивают возможность реализации неотъемлемых прав человека, а государство выступает в роли субъекта гражданского общества и предоставляет гражданам условия для согласования частных интересов в рамках политических прав. Кроме того, указанные социальные институты оказывают системообразующее влияние на гражданское общество.

Основами гражданского общества Кант считал свободу члена общества как человека, равенство его с другими как подданного, самостоятельность члена общества как гражданина. Как считает Кант, правовой уровень государственной организации обеспечивается морально-нравственным развитием общества и побудительными причинами деятельности граждан.

Впервые основополагающие постулаты концепции гражданского общества были сформулированы

Г.В.Ф. Гегелем (1770-1831гг.) в его труде «Философия права». Гражданское общество он понимал как дифференциацию, «которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства; ибо в качестве дифференциации оно предполагает государство, которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное» [2, с.228].

Системообразующей основой гражданского общества, по Гегелю, выступают человек и его деятельность по удовлетворению собственных потребностей и интересов. Таким образом, процесс формирования гражданского общества на прямую детерминирован уровнем личностного и социального развития граждан.

Гражданское общество, по Гегелю, есть стадия развития общества в рамках исторической трансформации, основанная на частной собственности, общности интересов и всеобщем законном равенстве граждан, а также – взаимодействующая социальная система, при которой трудящийся гражданин удовлетворяет собственные потребности и потребности других. При этом он рассматривает гражданское общество и государство как самостоятельные, взаимодействующие на базе развитой социальной структуры общества и взаимозависимые образования. По его мнению, государство есть проявление всеобщей воли граждан, а

гражданское общество представляет собой сферу реализации частных интересов людей. Системообразующими институтами гражданского общества, в его понимании, выступают политические институты и институт частной собственности.

Таким образом, ведущими акторами гражданского общества в теории Гегеля выступают объединения граждан, классов, групп и институтов, взаимодействие которых регулируется гражданским правом. Однако общество не может считаться «гражданским», пока его неустойчивые составляющие не будут стабилизированы при помощи механизмов государственной политической регуляции. Государство является объединяющей структурой общества, и только под контролем государства гражданское общество может быть свободным. Гегель считал, что государство является для гражданского общества и внешней необходимостью, и имманентной целью, в то время как гражданское общество обеспечивает условия для существования государства. В его теории государство также занимает позицию актора, поскольку власть называется механизмом справедливой регуляции интересов политического сообщества. [2, с. 228]

Акцентируя внимание на принципах рациональности и универсальности государства в рамках политической свободы, самостоятельности и самореализации граждан, Г.В.Ф. Гегель пытался теорети-

чески обосновать необходимость объединения гражданского общества и государства.

Американский ученый Т. Пейн радикально противопоставлял гражданское общество государству, которое он рассматривал как необходимое зло для общества. По его мнению, общество есть саморегулирующаяся система взаимодействий граждан, которым внутренне присуще пристрастие к обществу как структуре мирной конкуренции, взаимопомощи и взаимного интереса. Т. Пейн считал, что приоритетные позиции общества перед государством должны быть четко зафиксированы посредством законных механизмов конституционного строя и цивилизованной системы управления общественными процессами, где правительство занимает позицию инструмента общественных потребностей с активного согласия свободных и равных индивидов. Он утверждал, что развитое гражданское общество само достаточно в регуляции собственных дел, практически не нуждается в правительстве, требует минимума политических механизмов и действует в интересах «всеобщего мира, цивилизации и торговли» [10, с.152].

Т. Пейн рассматривал связку «общество – государство» как соотношение «актор – субъект» и в качестве системообразующих факторов гражданского общества расценивал экономические, культурные и политические институты общества.

Карл Маркс (1818-1883гг.) рассматривал в качестве системообразующих институтов гражданского общества материальные, экономические и производственные отношения, соответствующие производительным силам и образующие базис государства [7, с.4].

По Марксу, гражданское общество (актор) первично по отношению к государству (субъект), и их взаимоотношения выстраиваются в рамках компромисса между индивидуальной свободой гражданина и властью государства, которое выступает основополагающим элементом политической организации жизни общества [8, с.310].

К. Маркс считал, что гражданское общество не должно иметь представительства в государственных политических структурах, поскольку гражданское общество по своему определению аполитично. Гражданское общество, по его мнению, является основой для революционных изменений (вытеснение частной собственности на основные средства производства), при которых основные средства производства переходят в пользование неантагонистических классов, и таким образом снимается проблема классовых противоречий и отпадает необходимость в государстве как стабилизаторе социума.

Основой гражданского общества К. Маркс считал коллектив, поскольку он обеспечивает личную свободу и предоставляет человеку возможность всестороннего развития своих задатков посредством

трудовой деятельности, которая выступает способом самоутверждения личности, проявления способностей и талантов, насущной потребностью. Таким образом, гражданское общество должно вытеснить государство из сферы личной жизнедеятельности.

По К. Марксу, формирование гражданского общества детерминировано общественно-историческим развитием общества и базируется на особых формах и отношениях производства, а также на классовой дифференциации социума и классовой борьбе. По К. Марксу, актором гражданского общества выступает пролетариат.

К. Маркс соглашался с точкой зрения И. Канта о разделении понятий «государство» и «гражданское общество» и их функций, указывая, что гражданское общество защищает права человека и предоставляет возможность проявить его индивидуальные характеристики, тогда как государство обеспечивает личности права гражданина, но лишает ее возможности демонстрации действительной индивидуальности. Вместе с тем гражданское общество, по К. Марксу, в первую очередь относится к материальной сфере, в то время как государство составляет надстройку.

Личность у К. Маркса выступает основополагающей доминантой и условием существования как гражданского общества, так и правового государства. В качестве акторов гражданского общества в его теории выступают, помимо лично-

сти и прослойки пролетариата, такие институты, организации, группы, объединения, которые ориентированы на содействие всесторонней самореализации личности.

В концепции гражданского общества К. Маркса частная собственность представляет собой первоисточник социальных проблем, и решение этой проблемы лежит в уничтожении института частной собственности и создании коммунистического общества, которое не будет нуждаться в такой структуре, как государство (поскольку будет лишено противоречий и проблем), и в установлении правовых отношений (лишь в общественных). При этом гражданское общество не есть синоним коммунистического, поскольку оно базируется на частной собственности и, значит, несовершенно.

Таким образом, по Марксу, гражданское общество является необходимым этапом развития общества на пути построения коммунистического (бесклассового) общества [9, с.402].

Последователь марксизма А. Грамши (1891-1937гг.) считал, что государство как структура будет упразднена и его сменит гражданское общество, которое будет саморегулироваться гражданами. Он разделял сферы политического влияния государства и гражданского общества, считая приоритетными системообразующими элементами (институтами) гражданского общества политические партии и объединения, которые являются

основой этого общества и стремятся к гегемонии посредством создания объединений, плюралистической структуры общества для уравнивания общественно-политических интересов граждан.

Кроме того, Грамши разрабатывал понятие «активное гражданское общество» как общество политически активных граждан, которые сознательно берут на себя функции субъекта политики и потенциально являются революционной силой. Как мы видим, в его теории общество занимает позиции актора, в то время как государство – субъекта.

Среди отечественных мыслителей необходимо выделить работы М. Бакунина (1814-1876гг.) и П. Кропоткина (1842-1921гг.), которые рассматривали гражданское общество сквозь призму взаимодействия ассоциаций свободных производителей при ограничении государственного регулирования. П.А. Кропоткин высказывал мысль, что общество является константной, «постоянной» структурой (то есть актором формирования гражданского общества), а государство – «случайной» (субъектной) структурой, которая в идеале будет уничтожена для достижения блага равенства, солидарности и свободы. В их рассуждениях в качестве основных системообразующих институтов можно выделить экономические и производственные ассоциации.

Большую часть ХХ века тематика гражданского общества рассматривалась лишь с позиций искаженной идеологии марксизма-ленинизма, при этом коммунистическое общество понималось не как свободное взаимодействие граждан, а как власть народа, то есть власть отдельных его представителей над остальными.

Лишь в годы перестройки научный мир обратился к проблеме гражданского общества. А.Н. Гончарова выделяет в современной научной литературе две концепции: правового государства и гражданского общества – и говорит и том, что «в современной философской и политической мысли гражданское общество по-прежнему предстает как некий отличный от государства субъект, который ведет вполне самостоятельное существование и является условием существования правовой государственности» [3, с.56].

Кроме того, исследователь подчеркивает, что в современном обществе четко обозначилась тенденция подмены ценности государства новой ценностью – «гражданское общество». По ее мнению, идея гражданского общества представляет серьезную угрозу для существования самих основ общественного бытия и социальной природы человека, поскольку ориентирована на признание абсолютной ценности человека и независимой реализации им всего спектра своих интересов [3, с.72].

Гражданское общество создается без вмешательства государства и, ориентируясь на поддержание аполитичной структуры, все же стремится заменить собой государство и его функции в сфере частных интересов граждан (через институты семьи, образования, посредством разного рода объединений, ассоциаций и общественных организаций и т. д.).

Заметим, что в большинстве рассматриваемых нами социально-политических теорий гражданского общества государство выступает в качестве субъекта формирования гражданского общества, в то время как общественные структуры и личность выступают акторами. Однако авторы рассматриваемых теорий придерживаются позиций доминирующего положения государства, а гражданское общество в них расценивается как подконтрольная часть государства, для которой государство выступает защитной структурой.

Таким образом, гражданское общество есть форма негосударственного неполитического общественного взаимодействия, включающая экономические, социальные, национальные и частные аспекты жизни людей, их обычаи, традиции, нравы и развивающаяся по принципу саморегуляции на базе участия каждого гражданина в обладании собственностью и ее использовании. Основой долговременного существования гражданского общества является стремление граждан к всестороннему

личностному развитию, самообеспечению и внутренней свободе.

Литература

- [1] Аристотель Сочинения. В 4 т. М., 1983. Т.4.
- [2] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
- [3] Дихотомия оптимальной формы согласования общественных и личных интересов. Генезис идеи гражданского общества / Гончарова А.Н. Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества: монография / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2001.
- [4] Кравченко И.И. Концепция гражданского общества в философском развитии // Полис. 1990. №5.
- [5] Локк Д. Сочинения. В 3 тт. М., 1988. Т. 3.
- [6] Макиавелли Н. Государь. М., 1990.
- [7] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.3. М., 1955.
- [8] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М., 1955.
- [9] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.27. М., 1955.
- [10] Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959.
- [11] Руссо Ж.Ж. Трактаты. М., 1969. С.161-162.
- [12] Учебный социологический словарь с английскими и испанскими эквивалентами / Под ред. С.А. Кравченко. М., 2001.
- [13] Энциклопедия // wikipedia.org

Нигматуллина Танзилия Алтафовна
кандидат исторических наук, доцент,
директор Башкирского института социальных технологий
(филиала) Академии труда и социальных отношений

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК КОМПОНЕНТ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Статья посвящена анализу национальной политики Республики Башкортостан на современном этапе. По мнению автора, грамотная и взвешенная национальная политика в регионе является важным компонентом развития гражданского общества в республике и России в целом.

Ключевые слова: гражданское общество, национальная политика, толерантность, этническая группа, интолерантность.

Национальное сознание, культура межнационального взаимодействия – эти понятия более чем актуальны в жизни человека. Сегодня в мире около двухсот государств, а этносов – несколько тысяч, и конфликты ценностей и идентичностей стали самыми характерными для современного политического процесса и его определяющими.

Следует отметить, что отношение исследователей к национальному вопросу далеко не однозначно. Отдельные теоретики [1] утверждают, что глобальные процессы космополитичны, безразличны к уникальности национальных культур, и потому последние можно считать устаревшими. Но стремление возвести планетарное сознание в некий «повсеместно действующий и единственный принцип» присуще не всем. Так, Т. Стоуньеर [2] отмечает, что интенсивный напор на разнородные культуры может иметь непредвиденные по-

следствия и обернуться культурным отчуждением, которое уже сейчас находит выражение в возрождении идей и культов религиозной фундаменталистики.

Многочисленные социологические исследования указывают на общий рост этнического самосознания в постсоветской России практических у всех ее народов. Связано это в немалой мере с так называемым «кризисом социально-политической идентичности», характерным для периодов бурных исторических трансформаций, подобных тем, которые пережили народы бывшего Советского Союза, вынужденные в короткие сроки изменить одновременно и свой политический режим, и экономическую систему, и национально-государственное устройство. Такие периоды известный польский социолог Петр Штомпка [3] назвал «травматической трансформацией». Стремление к преодолению кризиса идентичности порождает ряд следствий, которые

могут выступать предпосылками обострения межэтнических отношений, а именно: возрождается интерес людей к консолидации в первичных, естественных, или как их еще называют «примордиальных», общностях (этнических и конфессиональных); усиливаются традиционализм, растут проявления ксенофобии. Уже сам процесс консолидации в «примордиальных» общностях способен порождать этническую напряженность, поскольку в его основе лежат механизмы противопоставления первичных общностей по принципу: «мы» – «они». К такому противопоставлению в переломные периоды обычно добавляется еще и негативная оценка чужаков («они» хуже «нас», «мы» – жертвы «их» происков), поскольку поиск внешнего врага, виновника «наших» бед почти неизбежен в условиях дискомфорта, сопровождающего исторические перемены.

За скрытыми и открытыми национальными конфликтами в России стоит существующий в стране разрыв между двумя различными статусами – гражданским (человек как гражданин) и этническим, национальным (человек как русский, башкир, чуваш, украинец, татарин и др.). Этот разрыв проявляется в «гиперэтничности» социальных взаимоотношений в стране, обусловленной неразвитостью гражданского общества и отсутствием реальной демократии.

Основная роль гражданского общества состоит в том, что при

всем огромном разнообразии этносов и свойственных им различных этнических черт жители многонациональных стран оказываются объединенными по одному, главному признаку – их равенству как граждан той или иной страны. Именно это их «равенство в гражданстве», признаваемое наиболее важным, как бы нивелирует все неравенства, которые существуют между людьми по таким их чертам, как цвет кожи, акцент, разрез глаз или язык.

Понятно, что гражданское общество нельзя ввести приказом сверху, постановлением того или иного органа власти. На его формирование в странах Европы и Америки уходили столетия. Что касается России, то, хотя в Конституции РФ записано, что «Россия – это совокупность граждан», реально гражданского общества в стране пока нет. И свидетельство тому – нестабильность национальных отношений.

Для этого есть объективные причины. Ни одно многонациональное государство в мире не распадалось с такой стремительностью, как Советский Союз; ни в одной стране не наблюдалось такого неблагоприятного сочетания одновременно трех кризисов: экономического, политического и национального. А в кризисные периоды, как отмечал Г. Блумер [4], люди в состоянии социального беспокойства особенно подвержены внушению, легко откликаются на различ-

ные новые стимулы и идеи, более податливы к пропаганде, что является питательной средой для националистических, ультрапатриотических и шовинистических настроений и проявлений, которые во все большей степени становятся реальностью современной жизни России.

Остановимся подробнее на том, как складываются межнациональные отношения в одном из крупнейших регионов Российской Федерации – Республике Башкортостан.

За многие столетия, предшествовавшие современному этапу реформирования общества, народы Башкортостана накопили ценный и одновременно противоречивый опыт межнациональных отношений.

С одной стороны, не могла не оказаться многовековая борьба нерусских народов против колонизаторской, великодержавной, шовинистической политики царского самодержавия, против национального гнета и национальной дискриминации. Эта тенденция проявляется и в настоящее время в стремлении к определенному дистанцированию от федеральных государственных органов.

С другой стороны, как русский, так и нерусские народы на протяжении многих столетий оказывали позитивное влияние друг на друга в различных сферах жизнедеятельности. При всех противоречиях, обострениях в те или иные исторические периоды превалирующим в их отношениях всегда было пози-

тивное начало. Эта тенденция определяет стремление к плодотворному взаимодействию с федеральными государственными органами как в реальном наполнении самостоятельности национальных республик, так и в подлинном обновлении Российского федеративного государства, в укреплении его единства и целостности.

На сегодняшний день Башкортостан можно назвать одним из самых «спокойных» на постсоветском пространстве (по крайней мере, на уровне внешних проявлений) среди регионов, испытавших на себе самые разнообразные формы межэтнической напряженности: от требований придания русскому языку статуса второго государственного до гражданской войны.

На характер и форму проявления межнациональных отношений влияет прежде всего тот факт, что Башкортостан – полигэтническая и поликонфессиональная республика¹. С учетом этого создана солид-

¹ В республике с 4-х миллионным населением – 111 национальностей, три крупных этноса: по переписи населения 2002г., 36% жителей составляют русские, 30% – башкиры, 24% – татары, на долю представителей всех остальных этнических групп приходится 10%. Относительно невысок в общей численности населения удельный вес титульной нации (30%). Компактно проживают 12 этноареальных групп – башкиры, русские, татары, чуваши, мары, украинцы, мордва, удмурты, белорусы, латыши, немцы, казахи, которые составляют 99,08% населения. Среди 99 этнодисперсных групп 95 составляет по численности меньше 1 тыс. человек. Основные этносы проживают на одной территории в течение нескольких столетий. Народы Башкортостана на протяжении многих веков входят в состав единого государства. Число межнациональных семей составляет 35,8% к общему числу семей в республике.

ная законодательная база, регламентирующая обязательства государства в области соблюдения прав гражданина в определении своей национальной принадлежности, использования родного языка, выбора языка общения и языка обучения, в области обеспечения свободы деятельности общественных и национально-культурных объединений, свободы совести и вероисповедания. В соответствии с Законом «О государственных языках Республики Башкортостан» русский язык, наряду с башкирским, объявлен государственным, но этот же закон гарантирует государственную поддержку языков всех народов, проживающих на территории республики.

Особенно значимые результаты, имеющие общероссийское значение, достигнуты в системе образования. В школах республики организовано изучение 15 родных языков с охватом до двух третей учащихся².

Высшие и средние профессиональные учебные заведения готовят учителей родных языков для наиболее многочисленных этносов. Действует 11 башкирских, русских и

татарских государственных театров, 30 филармонических коллективов, исполняющих произведения на башкирском, русском, татарском, чувашском и марийском языках, свыше 100 народных хоров, вокальных и фольклорных ансамблей, представляющих культуру десятков народов республики. На восьми языках издаются газеты и журналы, на семи – ведутся постоянные передачи телевидения и радио.

Только официальная часть средств, направляемых республиканскими органами власти на эти программы, составляет около 40 миллионов рублей в год.

В Башкортостане, в отличие от ряда регионов России и стран СНГ, межнациональные отношения не носят острого, конфликтного характера. Более 60% башкир и около 70% русских и татар считают, что «межнациональные отношения в республике не изменились», а 14% опрошенных – что они даже улучшились. Как ухудшающиеся их оценили 12% респондентов. Относительная благоприятность этнополитической ситуации в регионе подтверждается не только систематически проводимыми здесь социологическими опросами, но и другими данными, например, положительным сальдо миграции русского населения в республику на протяжении 1990-х и первое десятилетие 2000-х годов. Это более позитивные оценки, чем в среднем по стране [5].

² Для сравнения: из 12 украинских школ, открытых в России, 9 школ действуют на территории Башкортостана. В Татарстане проживают 20 тысяч башкир, а изучение родного языка началось немногим более трех лет назад в воскресной школе. В Свердловской области, в которой проживает более 180 тысяч татар и около 40 тысяч башкир, вообще не ведется обучение детей на родном языке. Закрылась последняя школа с изучением башкирского языка в городе Магнитогорске Челябинской области. Прекратили свою работу башкирские школы и в Саратовской области.

Как видим, на первый взгляд все обстоит достаточно благополучно. Однако в действительности это не совсем так. Межнациональные проблемы в республике есть, их много, они разнoplановы и глубоки, их надо изучать и целенаправленно решать.

Свообразие текущего момента заключается в том, что в условиях глубокого кризиса российского общества, коренных преобразований в нем обострились некоторые старые межнациональные противоречия и возникли новые. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что республика не отгорожена от других регионов России и стран СНГ и ухудшение межнациональных отношений в них, особенно межнациональные столкновения и войны, негативно сказываются на настроении и самочувствии населения Башкортостана.

Проведенные нами социологические исследования позволяют оценить ситуацию в республике в области межнациональных отношений.

Опросы общественного мнения показывают, что выраженную, осознанную неприязнь к представителям других народов испытывает весьма небольшая группа респондентов. На вопрос: «Приходилось ли Вам в жизни сталкиваться с проявлениями несправедливости, оскорблением национальных чувств, национального достоинства?» – ответы респондентов распределились следующим образом: часто – 7,0%, изредка – 37,4%.

С неуважительными высказываниями о людях своей национальности, о традициях, обычаях, языке своего народа часто встречались лишь 7,2% респондентов, редко – 27,8%. Однако настороживает, что среди молодежи эти цифры несколько иные: почти третья (29%) опрошенных признают, что представители некоторых национальностей их «раздражают».

Оценивая свое отношение к подобным фактам, 36,7% опрошенных ответили со всей определенностью: «Осуждаю в любых случаях, стараюсь с ними бороться» 52,6% респондентов в ряде случаев готовы «оправдать» факты неуважительного отношения к национальному достоинству других граждан в своем коллективе. А 10,7% вообще никогда не осуждают такие проявления.

Значительная доля респондентов (70%, в том числе 44% – безоговорочно) отрицательно относится к приезду в свой город (район) беженцев из других регионов и выступает за «ужесточение законов, с целью пресечь по возможности миграцию в Россию выходцев из республик СНГ, стран Юга и Востока».

По данным правозащитных организаций, в России за последние годы произошло более ста преступлений на национальной почве. Чаще всего это происходит в Москве и Санкт-Петербурге, но подобные инциденты имеют место и в нашей республике. Причем объясняются они, как правило, бытовыми причинами: социологиче-

ские исследования, проведенные ВЦИОМ, четко зафиксировали, что в структуре неприязни к представителям некоторых народов собственно экономические причины занимают небольшое место. Так, лишь у 7% респондентов этнические мигранты вызывают беспокойство, поскольку отнимают рабочие места у местного населения, и всего у 2% – потому что они контролируют определенные сферы бизнеса. Тогда как 7% основного населения раздражает внешность и черты характера приезжих; 10% – их нежелание считаться с обычаями и нормами большинства и учить русский язык; 6% – специфика их культуры и поведения. 11% опрошенных связывают этническую миграцию с угрозой распространения терроризма; наконец, 56% – просто испытывают к мигрантам трудно объясняемую неприязнь. Как не вспомнить Гете, утверждавшего, что «превыше народов – человечество», или Н. Бердяева, который замечал: «Качество национальности зависит от раскрывающейся в ней человечности».

Таким образом, в целом благополучные формы межнационального взаимодействия в республике скрывают под собой латентную напряженность. Уровень ее невысок, проявления пока единичны, однако опыт куда более стабильных и демократичных обществ в западноевропейских странах учит: такая «вязлотекущая нетерпимость», если не оказывать ей

противодействие, материализуется в виде вызова самим основам цивилизованного порядка отношений сначала старожилов и мигрантов, затем большинства и этнических меньшинств. И хотя сегодня, по данным «Левада-центра», плохо относятся к национализму 72% респондентов (хорошо – 17%), в неприязни к людям той или иной национальности признаются Фонду общественного мнения более чем в два раза меньше – 29%, возмущены действиями националистов 48% (одобряют их всего 6%) и даже 50% респондентов из тех, кто не любит мигрантов, осуждают граждан, которые не отказались бы прогнать приезжих из собственного города, следует активизировать работу по формированию культуры межнациональных отношений, причем не только в одной конкретной республике, но и в России в целом. Особенно актуально это для молодых людей, в числе которых немало носителей интолерантной культуры. Эту проблему можно решить, развивая многообразные формы межкультурного взаимодействия, повышая общую культуру молодежи. Мы полагаем, что создание системы воспитания толерантности – в первую очередь этнической [6], под которой понимается позитивное или нейтральное отношение к иной этнической группе, т. е. готовность контактировать с представителями этой группы при сохранении позитивного отношения

к своей группе – явится важнейшим шагом на пути строительства гражданского общества.

Литература

- [1] Грант Дж., Пучипарелли Е. XVII Всемирный философский конгресс. Канада, 1983 // <http://www.edu-zone.net/show/41244.html>
- [2] Стоунье Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе / Сборник статей: переводы. Сост. и вступ. ст. П.С. Гуревича М., 1986.
- [3] Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. М., 1996.
- [4] Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. М., 1994.
- [5] Результаты опроса проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в июле 2008г. // <http://www.newsru.com/russia/23jun2008/stompig.html>
- [6] Юраков А.В. Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане // <http://etnograf.ru/node/39>

Резниченко Вера Анатольевна

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры «Валеология» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

Строительство постсоветской жизни в России проходит в непростом социально-политическом контексте, что обусловлено издержками переходного времени. Ситуация усугубляется ростом невовлеченности масс в продуктивную деятельность, развитием социальной апатии. Деградация нации – реальная опасность, вызывающая тревогу всего общества. Базовой социальной проблемой выступает аномия ценностей, вынуждающая индивида прибегать к девиантным формам самоорганизации и адаптации, идущим вразрез с ценностной формацией. По мнению автора, перспективной и прогрессивной в сравнении с наказанием является идея превенции девиантного поведения, опирающаяся не только на необходимость глобальных мероприятий по повышению поведенческой, общегражданской, правовой культуры населения, но и понимание того, что за каждым асоциальным проявлением стоит неповторимая человеческая жизнь.

Ключевые слова: общество, девиантное поведение, социальные нормы, аномия, профилактика девиантного поведения, право, мораль.

Строительство постсоветской жизни в современной России проходит в непростом социально-политическом контексте, обусловливается издержками, изъянами переходного времени. Трансформации «старого» в «новое», «прощего» в «будущее» осложнены нерешенными политическими проблемами, экономическим кризисом, растущей социальной дифференциацией. Ситуация усугубляется характерной тенденцией – ростом невовлеченности масс в продуктивную деятельность, развитием социальной апатии.

Анализируя негативные стороны отечественного общественного развития, следует указать на такую тревожную симптоматику, как:

- кризис населения (деградация «среднего класса», маргинализация граждан);
- кризис гражданского общества, перестающего влиять на разработку, принятие ответственных макроправленческих решений;
- упрочение социальных общин (меньшинств), интересы которых плохо согласуются с интересами большинства граждан;
- упадок нравов;

- развитие в обществе аномии, рост девиаций.

Деградация нации – реальная опасность, вызывающая тревогу всего общества. Статистика однозначно свидетельствует о кризисном состоянии населения России.

1. Психическое здоровье нации. Общая численность больных, находящихся на диспансерном учете, составляет 6,5 млн. человек. Около 80% всех больных – это алкоголики, наркоманы, токсикоманы, олигофrenы. Страна занимает печальное 2 место в мире (после Литвы) по суициду. Огромную тревогу вызывает тот факт, что психическими заболеваниями страдают около двух миллионов детей. Из каждой тысячи несовершеннолетних 250 нуждаются в помощи невропатолога и психотерапевта, 90 – в амбулаторном лечении, 30 – в стационарном [1, с.29].

2. Физическое здоровье населения. В настоящий момент в стране более 2 млн. больных туберкулезом, 300 тыс. ежегодно умирает от онкологических заболеваний, до 350 тыс. – от болезней, инспирированных плохой экологией, 2,5 млн. больных алкоголизмом (диспансерный учет), 1,5 млн. наркоманов. С начала 90-х началась катастрофическая убыль населения. С 1995 по 2005гг. число жителей РФ уменьшилось на 9,5 млн. Ежегодно осуществляется до 30 тыс. заказных убийств, в автокатастрофах гибнет до 35 тыс., от суррогатного алкоголя погибает до 50 тыс., от травм умирает до 15 тыс. человек [2, с.122].

3. Падение нравственности. Число сирот в 2007г. составило 720 тыс., беспризорных – 4 млн.; 700 тыс. детей не посещает школу. Детская смертность достигает 70 тыс. в год; ежегодно регистрируется более тысячи новорожденных «отказников»; за год вывозится за рубеж 15 тыс. несовершеннолетних, на алименты подается до 4 млн. заявлений. Насчитывается 3 млн. бездомных. Уровень убийств и самоубийств, расцениваемый как национальный показатель социальной патологии, увеличился в РФ с 1989 года в два раза [2, с.122].

Кризисные явления продуцируют в обществе крайние формы девиаций – наркоманию, алкоголизм, преступность, экстремизм. Базовой социальной проблемой выступает аномия ценностей, изменение привычных поведенческих стереотипов, различные виды антиобщественных проявлений. Обращение к данной теме продиктовано необходимостью осмысливания инструментов купирования аномии, профилактики девиантного поведения.

Существование всякой системы (в том числе общества) есть динамическое состояние. Чем выше уровень организации системы, тем более динамично ее существование и тем большее значение приобретают изменения как необходимые условия сохранения. Адаптация общества (и каждого отдельного индивида) заключается в обеспечении сохранности в условиях изменчивости среды [3, с.10].

На естественном уровне достаточно хорошо исследовано, что норма, как и отклонение от нее, являются формами адаптации. Применительно же к социальным феноменам, в частности, к человеческому поведению, как правило, «каждый новый шаг вперед является оскорблением какой-нибудь святыни, бунтом против старого, отживающего, но освященного привычкой порядка» [4, с.296].

Научная литература насчитывает множество томов, посвященных теориям отклоняющегося поведения. На сложность поставленной проблемы указывает также наличие различных подходов к определению поведения как такового, анализу механизмов формирования, реализации и восприятия поведенческих моделей. Общественные науки не располагают единой парадигмой относительно критериев оценки человеческого поведения. Причиной столь дискуссионного характера вопроса об отклоняющемся поведении является, на наш взгляд, то, что человек, прежде всего – живое, природное существо. Он обладает пластичностью, несет на себе следы биогенетической, культурной эволюции. Невозможно не брать во внимание способность человека изменять самого себя. Возникает вопрос относительно девиации как о некой потребности, заложенной в самой природе человека.

Особое значение для понимания доминирующего влияния на

возникновение девиантного поведения, с одной стороны, сложившейся ситуации, в которой действует индивид, а с другой стороны, психологических особенностей действующего индивида приобретают так называемые проблемные ситуации. Чем более сложной и трудной для решения оказывается проблемная ситуация, тем более реально она может стать фактором, побуждающим индивид совершить девиантный поступок.

Культура опирается на гуманистическую формуцию через устои, регламенты регуляризации. Право, мораль, традиция задают рамки социальных взаимодействий. Природа «Я» оказывается в социальном участии, взаимодействии. Утрачивая биологическое, человек становится «существом политическим» (Аристотель), участником и создателем личностно-морального – мира духовного, аксиологического, управляемого законами не природного, а ценностного существования. Если личность игнорирует общепринятые нормы, происходит деградация «Я», возврат в «естественное состояние». В итоге проявляется девиантное поведение как искажение ценностного регламента социального взаимодействия.

Функционирующая в обществе норма – правовая, моральная, религиозная, эстетическая – это правило общего характера. Она рассчитана ни на какой-либо конкретный случай или обстоятельство, а на типовые, наиболее распространённые

ситуации и, тем самым, на определённую категорию общественных отношений. В ней содержатся в концентрированном виде общие, типичные варианты поведения людей, которые наиболее полно и последовательно отвечают интересам общества или социальных слоев, занимающих в нём господствующее положение. Наиболее важные функции, выполняемые нормами, – регуляция, управление человеческим поведением, взаимоотношениями между людьми. Они создают нормативно-одобряемое поле действий, желательных для данного общества в данное время, тем самым ориентируя личность в ее поведении. Выполняют функцию контроля со стороны общества, служат образцом, информируют, позволяют оценивать поведение, прогнозировать его.

В реальности общество не делает личность совершенной, но заставляет ее быть нормообразной. Человек становится человеком только в результате реализации четких правил. Но поведение индивида далеко не всегда соответствует стандартам, а социальные нормы – не обязательно часто встречающийся способ поведения. Норма предполагает ожидание правильного поведения, следовательно, не может существовать без согласия или принуждения.

Отклонение от норм наказывается санкциями. Различаются позитивные и негативные санкции. Позитивные представляют награду, поощрение за соответствие пове-

дения общественно одобряемым стандартам, стимулируют следование нормам. Негативные – наказания, направленные на то, чтобы исключить или снизить вероятность девиантного поведения. Ценности – то ядро, которое определяет правосознание в целом, служит мотивообразующим фактором, участвующим в определении целей и форм поведения, является основой принятия решений и критерием оценки поведения. Ценностно-нормативный компонент вносит устойчивость в поведение личности, служит фундаментом в решении различного рода конфликтов, в том числе и внутренних.

Развитие общества за последние полтора столетия можно отнести к истории аномийных общественных состояний: следовали частые политические, экономические и культурные изменения, социальное развитие шло крайне неравномерно. Общественная дезинтеграция приняла почти постоянный характер, что проявилось, с одной стороны, в макрообщественных отношениях (структура, мобильность, система ценностей и т. д.), с другой стороны – в микросоциальных сферах (система образования, семья, вера и т. д.), что явилось фундаментальной основой общей нестабильности и аномийные ситуации глубоко пронизали структуру общества. Ценностные и в результате нормативные кризисы, отсутствие средств, необходимых для претворения культурных ценностей, общественные легитимации, как пра-

вило, не оставались на уровне общественного сознания, наоборот, способствовали созданию культурных кризисных ситуаций и объективировались в структуре учреждений общества, его построении и механизме действия, органически врастая в макроструктуру общества. Данную ситуацию обуславливает тот факт, что современное общество сталкивается не только с актуальными ситуациями аномии, но и последствиями, принесёнными из прошлого и сказывающимися на настоящем.

Ответственность общества перед человеком непосредственно связана с укреплением гарантий прав личности – экономических, социальных, правовых. Как указывалось выше, аномия ценностей вынуждает индивида прибегать к девиантным формам самоорганизации и адаптации, идущим вразрез с ценностной формацией. На уровне соматики отмечается увеличение числа психически больных, возрастание суицидальности; на уровне психики – самоутрата, распад «я – концепции», отчуждение; на социальном уровне – рост преступности, асоциального поведения. Модель купирования, превенции девиаций должна включать в себя: а) адресную поддержку входящих в группу риска слоев населения (патронажные, реабилитационные, профилактические программы); б) оформленные государственными решениями мероприятия по повышению поведенческой,

общегражданской, правовой культуры населения.

Под купированием преступности и иных форм девиантности мы будем понимать такое воздействие общества, институтов социального контроля, отдельных граждан на девиантогенные факторы, которое приводит к сокращению и/или желательному изменению структуры девиантности и к несовершению потенциальных девиантных деяний [5, с.464]. По сравнению с наказанием идея превенции представляется нам более перспективной и прогрессивной. Различают три уровня превенции: первичная – воздействие на социальные, экономические, политические условия жизни населения, улучшение их и гармонизация, повышение уровня жизни населения, формирование цивилизованного правосознания, создание в обществе атмосферы терпимости, доброжелательности. Вторичная – специальная профилактика, рассчитанная на обеспечение безопасности, устранение обстоятельств, способствующих проявлению девиантных форм поведения, специальная прифилактика включает в себя психологическую и социальную помощь группам «риска», повышение эффективности социальной политики, совершенствование законодательства, обеспечивающего адекватное взаимодействие населения и милиции. Третичная – индивидуальная профилактика, предполагающая работу с конкретными людьми, например, под-

ростками, состоящими на милиционерском учете, лицами, страдающими алкогольной, наркотической зависимостью, суицидентами, лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Анализ мирового опыта показывает, что профилактическая деятельность должна строиться на комплексной основе и обеспечиваться совместными усилиями педагогов, медиков, психологов, социальных работников, сотрудников правоохранительных органов [6].

Особый интерес представляет индивидуальная профилактика и реабилитация лиц, обладающих маргинальным статусом. Остановимся на этом подробнее. На наш взгляд, за основу первенции девиантного поведения (наркотической и алкогольной зависимости) следует взять утверждение о том, что наркотики и алкоголь сами по себе не составляют сущности проблемы. Их употребление – это симптом глубоких противоречий, с которыми сталкивается личность, преодолевая сложные жизненные ситуации, пытаясь найти понимание, одобрение, эмоциональную и социальную поддержку в семье и обществе. При отсутствии вышеперечисленного, наркотики и алкоголь выполняют роль своеобразных «костылей». Профилактика наркомании и алкоголизма требует осмысления и учета субкультурных, биологических, психологических, социологических факторов; формирования новой системы ценностей, оное внимание при этом

уделяется таким базовым ценностям, как семья, Отечество, патриотизм, свобода, справедливость, ответственность, совесть, честь.

Употребление наркотиков и алкоголя – результат прежде всего социальной неустроенности, исключенности, неблагополучия, «заброшенности» в этом мире, утраты или отсутствия смысла жизни. Вслед за В. Франклом следует отметить: «...если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности, с помощью наркотиков» [7, с.30].

Нам думается, что при создании программ купирования, профилактики девиантного поведения следует учитывать не только необходимость глобальных мероприятий по повышению поведенческой, общегражданской, правовой культуры населения, но и помнить, что за каждым асоциальным проявлением стоит неповторимая человеческая жизнь. Важно осознавать, что человек – элемент общества, государства. Оказавшись в «изолированном состоянии», он «не является существом самодовлеющим, и его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства. «Человек – существо легкомысленное и неблаговидное, –

иронизирует Достоевский, – и, может быть, подобно шахматному игроку, любит только один процесс достижения цели, а не саму цель. И кто знает... может быть, что вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной... беспрерывности процесса достижения, иначе сказать – в самой жизни..» [8, с.118-119].

Литература

- [1] Морозова Г.Ф. Деградация нации – миф или реальность? // Социс. 1994. №1.
- [2] Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.). Тенденции и социологическое осмысление / Отв. редактор Я.И Гилинский. СПб., 2008.
- [3] Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. СПб., 2004.
- [4] Маркс К., Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 21.
- [5] Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2007.
- [6] Семикин Г.И. Организация антинаркотической профилактической работы со студенческой молодежью в ВУЗах. М., 2003.
- [7] Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М., 1990.
- [8] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 тт. Т.5.

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Зайцева Татьяна Вячеславовна

кандидат психологических наук,

доцент кафедры «Управление персоналом»

факультет государственного управления Московского государствен-

го университета имени М.В. Ломоносова

СОЗДАНИЕ И ПОДДЕРЖАНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье рассматриваются возможности системного подхода к разработке комплекса мероприятий по управлению кадровым потенциалом государственной организации. Особое внимание уделяется выделению системных и иерархических взаимосвязей между мероприятиями по найму новых сотрудников, наличию эффекта взаимного усиления и дополнения между ними при одновременном внедрении и осуществлении.

Ключевые слова: государственная кадровая политика, поиск и отбор персонала, кадровый потенциал.

Реформа государственной службы является одной из наиболее насущных проблем современного Российского общества. Начиная с 1992 года, предпринято уже 3 попытки по разработке и реализации концепции, и федеральной программы реформ, в которой разработчики вносят предложения по усовершенствованию разных аспектов государственной службы. Но есть области, где традиционно продолжают господствовать устаревшие представления и шаблоны.

К таким наиболее закостенелым областям относится, прежде всего, деятельность по привлечению новых сотрудников в государственную организацию. Найм и расстановка персонала являются одними из самых важных и эффективных инструментов формирова-

ния организации. Они имеют ключевое, если не определяющее значение для обеспечения жизнеспособности как самой государственной организации, так и для эффективного выполнения ею своих функций в обществе. Только благодаря целенаправленным профессиональным действиям в организации могут и должны оказаться хорошо подготовленные, мотивированные и «приятные во всех отношениях» государственные служащие, способные работать в жесткой провокационной среде рыночной экономики.

Кадровый потенциал компании государственной организации – это совокупность доступных организации человеческих ресурсов, чьи опыт, знания, компетенции и индивидуальные особенности мо-

гут быть использованы для реализации общественного предназначения государственного органа и достижения ее краткосрочных и долгосрочных целей.

Проектирование структуры государственной организации, отделов и рабочих мест становится предтечей деятельности по управлению кадровым потенциалом, а разработка должностных регламентов – переходным звеном от создания рабочего места «на бумаге» к найму на основании изложенных в нем требований конкретного исполнителя. Эффективность деятельности государственной организации закладывается постепенно на разных этапах ее функционирования. Первым пунктом на этом пути становятся преимущества в способах организации работ и конфигурации системы распределения труда. Например, по данным доклада Всемирного банка Франции, на душу населения приходится в 3,5 раза меньше государственных служащих, чем в России. Между тем, согласно исследованиям того же банка, эффективность государственной службы Франции существенно выше, чем в России. Из этого факта со всей очевидностью вытекает вывод, что наполнение рабочих мест обязанностями, требования к квалификации и личностным характеристикам будущих государственных служащих при найме во Франции и в России разные. В данном случае нет смысла говорить о различиях в ментальности, тради-

циях, «советском наследии» и т. п. Опыт наших бывших соседей по Советскому Союзу, в частности – Эстонии и Литвы, показывает, что как только государственные организации от слов переходят к делу, задача формирования необходимого кадрового потенциала становится вполне решаемой.

Первым этапом формирования кадрового потенциала государственной организации является создание эталона требований к соискателям – профиль идеального кандидата через грамотное проектирование системы распределения труда и рабочих мест. Затем следует разработка программы мер по переходу от состояния «как есть» к состоянию «как надо».

Если ошибок на этапе проектирования удалось избежать, следующий этап – привлечение и найм в компанию вменяемых подготовленных сотрудников, и формирование из них сплоченного коллектива единомышленников. Таким образом, *управление кадровым потенциалом государственной организации – это деятельность по привлечению, отбору и найму лучших претендентов с рынка труда, и комплектованию из них работоспособного, цельного и сплоченного трудового коллектива.*

Из данного определения следует несколько очень важных выводов. Во-первых, является заблуждением считать, что существуют некоторые среднестатистические лучшие сотрудники, которые под-

ходят любой компании вообще. Очевидно, что при вопросе о том, каких сотрудников хотела бы видеть компания в своих рядах, все руководители, не задумываясь, назвали бы приблизительно один и тот же набор определений: профессиональные, честные, исполнительные, инициативные, дружелюбные, работоспособные.

Но если разобраться в сути этих определений, то окажется, что для каждой компании под этими понятиями скрываются разные реальности. Например, профessionализм может интерпретироваться как владение достаточным багажом знаний или только навыков, как умение предлагать собственные новые решения и идеи или как наличие достаточного опыта для предвидения и предотвращения проблем. Таким образом, на рынке труда не существует эталонного «лучшего сотрудника», есть лишь потребности и предлагаемые обстоятельства самой государственной организации, с учетом которых необходимо подбирать наиболее подходящих людей. Искусство управления кадровым потенциалом как раз и состоит в том, чтобы непредвзято и полно понять особенности своей компании и затем привлекать в организацию тех, кто усилит ее преимущества и будет терпимо относиться к ее слабым сторонам, постепенно работая над их улучшением.

Формирование кадрового потенциала включает в себя несколько видов деятельности, каждая из

которых имеет свой набор приемов и инструментов и может рассматриваться как вполне законченный этап, а именно:

Привлечение к организации внимания наиболее подходящих и приемлемых для нее претендентов со стороны рынка труда и их побуждение стать соискателями.

Взвешенный, профессиональный и этичный отбор из претендентов тех, кто может стать основой кадрового потенциала организации.

Расстановка финалистов по профессиональным группам с учетом совместимости, взаимного усиления и дополнения, а также способности к командной работе.

Разумный выбор и компетентное установление долгосрочных трудовых взаимоотношений с соблюдением всех требований трудового законодательства.

И наконец, комплектование цельного, трудоспособного, неконфликтного рабочего коллектива необходимо рассматривать как отдельную задачу, решение которой требует особых усилий и своих решений. Если комплектование коллектива осуществляется в форме «замещения вакантной должности», то есть попросту – затыкания дыр без учета уже имеющихся сотрудников, то следует ждать возможных проблем по снижению эффективности труда группы в целом, возникновению конфликтов, увольнений, спровоцированных несовместимостью, а также борьбы за власть и процветанию микрополитик.

С чего же начать планирование деятельности по привлечению новых сотрудников на государственную службу? В первую очередь следует помнить, что найм и расстановка персонала – это *инструменты управления организацией*. Квалифицированно проведенный найм определяет уровень професионализма сотрудников, формирует ее настоящее и закладывает будущее на длительное время вперед. Правильный подбор и найм снимают многие управленческие проблемы в будущем. И наоборот, многие управленческие (особенно дисциплинарные) проблемы являются следствием непрофессионально проведенного подбора. Без квалифицированного и увлеченного персонала ни одна организация не сможет достичь своих целей и выжить.

Вопросы найма профессионально пригодных сотрудников для государственных организаций особенно важны. Имея ограниченный набор средств административного воздействия, высокую степень бюрократизации всех процедур, руководители государственных организаций должны нанимать новых сотрудников чрезвычайно осторожно.

Руководители, которым доверили сложнейшее дело по привлечению новых людей в свою организацию, должны четко понимать, что в ходе этих мероприятий они формируют лицо своей организации. Все, начиная от внешнего вида сотрудников и заканчивая их мо-

ральным обликом, а также отношением к своему труду, зависит от контингента, который оказался в её стенах. Поэтому прием на работу должен осуществляться с использованием «высоких технологий» в области управления персоналом.

Система замещения вакантных должностей делится на три важнейших этапа: поиск претендентов, отбор лучших и установление грамотных трудовых отношений. Все это вместе составляет *систему фильтров*, с помощью которых организация закрывает доступ для неподходящих претендентов и привлекает тех, кто будет производительно и качественно трудиться на ее благо и во благо государства, не нарушая сплоченности и работоспособности коллектива [12].

Функция «фильтрации» является важнейшей в системе мероприятий по отбору и найму персонала. К сожалению, руководители повсеместно забывают об этом и концентрируются на второй функции найма персонала – заполнении вакантного рабочего места. Между тем большинство из возможных проблем, связанных с «человеческим фактором», могут быть сняты при правильном формировании коллектива организации.

Подбор как установление фильтров на пути в организацию начинается с определения критериев отсея. «Фильтрация», опирающаяся на критерии отсея, позволяет проводить поэтапную работу с претендентами на вакантные

должности, постепенно сужая их список и освобождая время для других направлений. Наличие четких критериев существенно повышает эффективность отбора еще и потому, что решение принимается на основе объективных показателей, а не субъективного мнения руководителя, проводящего отбор (или группы руководителей – в случае проведения конкурса).

Выделяют три основных блока критериев для отбора кандидатов, наиболее подходящих под потребности организации. *Критериями отсева на первом этапе отбора* кандидатов становятся общие правила, которые устанавливают, кто может, а кто не может стать сотрудником данной государственной организации. Эти правила являются обязательными при оценке претендентов на должности всех уровней и не зависят ни от ранга, ни от возраста или других индивидуальных характеристик кандидатов. В общем виде данные правила называются «политикой организации в области найма персонала» и присутствуют в организации в четко сформированном (желательно письменном) виде.

Согласно действующему законодательству соискатель не допускается к участию в конкурсе на замещение рабочего места в государственной организации в случае:

признания его недееспособным или ограниченно дееспособным решением суда, вступившим в законную силу;

лишения его права занимать государственные должности государственной службы в течение определенного срока решением суда, вступившим в законную силу;

наличия подтвержденного заключением медицинского учреждения заболевания, препятствующего исполнению им должностных обязанностей;

отказа от прохождения процедуры оформления допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну, если исполнение должностных обязанностей по государственной должности, на которую претендует гражданин, связано с использованием таких сведений;

близкого родства или свойства (родители, супруги, братья, сестры, сыновья, дочери, а также братья, сестры, родители и дети супругов) гражданина с государственным служащим, если его предстоящая федеральная государственная служба связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного другому;

утраты гражданства Российской Федерации, наличия гражданства иностранного государства, за исключением случаев, когда доступ к государственной службе урегулирован на взаимной основе межгосударственными соглашениями;

отказа от представления сведений о полученных им доходах и имуществе, принадлежащем ему на правах собственности, являющихся объектами налогообложения.

Таким образом, данные действующие нормы позволяют отчасти упорядочить вопросы комплектования кадровой государственных организаций на уровне государственной кадровой политики.

На уровне отдельной государственной организации распространенной ошибкой при выработке правил в области найма является отсутствие требований, которые относятся к культуре поведения кандидатов. Многие воспринимают формулировку «государственные служащие должны обладать высоким уровнем внутренней культуры» как ненужную формальность или отголосок времен социализма. Однако впоследствии неизбежно сталкиваются с нелицеприятным поведением сотрудников (вплоть до воровства на рабочем месте), коррупцией, нарушением дисциплины или конфликтами в коллективе. Учет этих правил оказывает существенное влияние на степень лояльности сотрудников к организации, сплоченность коллектива, психологическую атмосферу и отношение людей друг к другу.

На Западе, в государственных организациях как Европы, так и Северной Америки принято разрабатывать специальные рекомендации для проверки уровня внутренней культуры, воспитанности кандидатов, их морального облика. Эти рекомендации содержат информацию об особенностях внешнего вида и поведения кандидатов, специальные вопросы, которые необхо-

димо задавать на собеседовании, перечень мероприятий по сбору дополнительной информации о кандидатах. Например, подобные материалы, разработанные руководством мэрии г. Феникс, которые были признаны лучшими в общегосударственном конкурсе США, содержат подробный портрет возможного сотрудника, где детально оговариваются жесткие критерии, которые закрывают доступ в мэрию для нежелательных претендентов. К таким критериям относятся: наличие судимости, финансовая неблагонадежность (отсутствие кредитной истории), частая смена работы и др.

Следующим этапом отсева становится отбор по уровню профессиональной подготовки. Выработка профессиональных критериев отбора осуществляется отдельно для каждой вновь открывающейся позиции и жестко связана с должностным регламентом. Вместе с тем и в этой области должна существовать некоторая общая политика в области найма персонала. Например, многие страны испытывают одинаковые трудности по привлечению молодых специалистов к государственной службе. Поэтому специальные законодательные акты оговаривают «квоты» по найму выпускников высших учебных заведений на «выходные» должности в организации. Таким образом достигается преемственность кадров и баланс в наличии сотрудников всех возрастов. Совершенно очевидно,

что в профессиональном плане выпускники проигрывают сотрудникам с опытом работы, их текучесть намного превышает текучесть работников со стажем. В то же время они являются носителями самого передового «ноу-хау», которое разрабатывается в вузах. Немаловажную роль играет и тот факт, что выпускники своим напором и желанием выделяются и сделать карьеру повышают конкуренцию внутри организации и задают более высокий темп работы.

Привлечение выпускников на государственную службу Российской Федерации последнее время было объявлено одной из приоритетных задач. Демографическая статистика по разным категориям государственных служащих показывает, что через 5-7 лет около 30% государственных служащих будет увольняться в связи с уходом на пенсию. На сегодняшний день государство не готово возместить предполагаемый кадровый дефицит.

При установлении критериев профессионального отбора также важно соблюдать ряд обязательных принципов [13]. Наиболее распространенный путь выработки критериев для определения профессиональной подготовленности кандидатов является сравнение уровня квалификации претендентов с характеристиками предыдущего исполнителя на данном рабочем месте. Но этот путь в корне ошибочен. Если вновь нанятый сотрудник будет копировать предыдущего исполнителя, он будет так-

же копировать и причину, по которой его предшественник ушел. Например, если предыдущий исполнитель покинул место в связи с повышением в должности, то и новичок окажется «переквалифицированным» для данной работы. В первые дни эта «переквалификация» не заметна в связи с тем, что необходимо около 6 месяцев для адаптации на новом рабочем месте. Но как только новичок входит в курс дела, избыток его подготовки становится очевидным, мотивация падает и, как следствие, сотрудник ожидает повышения квалификационного разряда или приступает к поискам новой работы.

Правильный путь – это определение критериев профессионального отбора исходя из требований и особенностей рабочего места. Анализ начинается с определения предназначения данного рабочего места, ключевых задач, которые на нем решаются, затребованных знаний и навыков, условий труда. Также следует учитывать внутренних потребителей результатов труда исполнителя на данном рабочем месте. Например, при найме специалиста по программному обеспечению необходимо оценить количество и профессию сотрудников, которых он будет обслуживать. Если его внутренним клиентом станет коллектив бухгалтерии – это один уровень нагрузки. Если же в его задачи будет входить поддержание работоспособности программного обеспечения всех сотрудников организации – это

предполагает другую подготовку и другую нагрузку.

Помимо этого выделяются особенности опыта работы кандидатов, которые могли бы пригодиться в названной должности или отделе. Оговариваются необходимые моменты в образовании и обучении кандидата, определяется отношение к предполагаемой работе и самой организации. Чем точнее будут определены специфические требования к опыту и образованию кандидата, тем лучше будущий работник подойдет новому рабочему месту. Это предполагает существенное сокращение затрат на его дообучение, введение в курс дела и адаптацию.

На заключительном этапе отбора на первый план выходит «профиль идеального кандидата». Профиль идеального кандидата – это описание всех индивидуальных особенностей будущего кандидата, которые делают его оптимальным претендентом на данное рабочее место. Индивидуальные особенности включают в себя:

физические и физиологические особенности (например, наличие заболеваний, которые влияют на профессиональную пригодность, пол, возраст, внешний вид, оговоренные в законодательстве);

психологические особенности (характер, склонность к определенным видам деятельности);

личностные особенности (мировоззрение, вероисповедание, система ценностей и т. п.).

Затем характеристики идеального кандидата оцениваются исходя из анализа «сред» существования сотрудника на рабочем месте: рынок (если работник имеет прямой выход на конечного потребителя), организация, рабочая группа. Например, при найме нового сотрудника в преимущественно женский коллектив предпочтение, скорее всего, будет дано претенденту – мужчине.

Но особого внимания требует учет психологических особенностей и морального облика кандидатов. Во многих субъектах Российской Федерации уже действует «Этический кодекс государственного служащего». Этот документ призван выделить и закрепить базовые нормы этичного поведения государственного служащего на рабочем месте. Однако ни один административный инструмент не будет работать, если он не находит отклика во внутренней системе ценностей сотрудника, его мировоззрении. Проверка будущего государственного служащего на благонадежность проходит во всех развитых странах и является значимой частью политики в области найма.

Вторая функция отбора и найма персонала – это заполнение освободившегося рабочего места. Эту функцию также важно применять именно как инструмент управления организацией. Современная ситуация требует новых решений. Поэтому каждую вакансию следует рассматривать как возможность

повысить дееспособность организации за счет привлечения особо ценного сотрудника.

Однако прежде чем приступить к заполнению вакансии, необходимо провести предварительный анализ, который подтвердит целесообразность существования этого рабочего места. Необходимо ответить на следующие вопросы:

Можно ли сократить данное рабочее место? Такой вариант называют «безболезненным сокращением штата». Вместо того чтобы начинать специальные акции по сокращению численности персонала, которые, как показывает практика, проводят в среднем раз в три года и имеют существенные моральные и материальные издержки, этот процесс осуществляют естественным путем, через рассмотрение каждой вакансии как возможности освободиться от избыточного рабочего места. Это особенно важно в свете проводимой реформы государственной службы России и оптимизации численности госслужащих.

Можно ли сократить данное рабочее место, перераспределив обязанности? Многие сотрудники готовы взять на себя дополнительные обязанности или объемы работ при условии пропорционального повышения заработной платы. Такой путь выгоден и для организации (при условии, что уровень нагрузки не превышает порог, после которого начинается ухудшение качества).

Могут ли данные обязанности быть выполнены механизмами? Например, в госслужбе США, многих европейских стран в настоящее время существует тенденция к сокращению рабочих мест личных секретарей. Вместо этого руководителей снабжают всевозможными техническими приспособлениями: автоответчиками и телефонами с автоматическим дозвоном, персональными компьютерами с функцией ведения ежедневника и автоматами для приготовления кофе. Это позволяет существенно сократить затраты, направив выделенные средства на другие нужды.

В случае положительного решения вопроса о сохранении рабочего места осуществляется пересмотр должностных регламентов с учетом изменившихся условий. Пересмотр должностных регламентов необходим по ряду причин. Во-первых, организация не останавливается в своем развитии. Постепенное повышение квалификации сотрудников (даже если это происходит без специальных мероприятий, только в силу накопления опыта) приводит к расширению состава и повышению степени выполнимых обязанностей. В связи с этим существует общая тенденция со временем поднимать «точку минимального соответствия должности» для многих рабочих мест.

Во-вторых, меняются стратегические интересы и приоритеты в развитии организации. Открываются новые направления деятельно-

сти, появляются новые задачи, проходят реструктуризации. Это сказывается на изменении функциональных обязанностей сотрудников. Своевременный пересмотр должностных регламентов позволяет избежать пробелов в распределении ответственности и конфликта интересов.

В-третьих, в деловой среде происходят многие изменения, которые не поддаются контролю работодателя, но, тем не менее, влияют на особенности выполнения работы. Например, появление интернета облегчило труд многих, позволив осуществлять поиск информации оперативно, не покидая рабочего места, и также обеспечивая быструю связь. Поэтому руководители вправе пересмотреть список обязанностей и требований к подчиненным, принимая во внимание данное улучшение условий труда.

Только после построения «системы фильтров» и обновления должностных регламентов следует переходить собственно к самому процессу поиска и отбора кандидатов, замещению вакансии. Подготовительная работа гарантирует, что в организацию попадут именно те люди, которые ей нужны. Продуманная система найма персонала позволяет иметь на всех уровнях компетентных и мотивированных сотрудников, способных и готовых работать с высоким качеством и полной отдачей на благо как ведомства, так и государства.

Литература

- [1] Агибалов Ю.В. Состояние кадрового корпуса муниципальных служащих и проблемы подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников органов местного самоуправления // Качество профессиональной подготовки специалистов: опыт и проблемы вузовского образования: сборник статей / Под общ. ред. Мельниковой Р. И. Воронеж, 2003.
- [2] Банных Г.А. О реформировании государственной службы в РФ // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: Материалы VII Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора З.И. Файнбурга, сентябрь 2004. Том 1. Пермь, 2004.
- [3] Барышев В.Н. Государственная служба России: прошлое и настоящее / В. Н. Барышев // Гражданин и право. 2002. № 1.
- [4] Берендеева С.А. Профессиональное развитие персонала как основа совершенствования государственной службы: Материалы научно-практической конференции «Государственная и муниципальная служба в системе управления регионом» / С. А. Берендеева. Тверь, 2002.
- [5] Буравлёв Ю.М. Проблемы реформирования и управления

- системой государственной службы в России / Ю. М. Буравлёв // Государство и право. 2003. № 7.
- [6] Буравлёв Ю.М. Государственная служба России – реформы управления / Ю. М. Буравлёв // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. №5.
- [7] Бурганова Э.О. Внедрение ключевых показателей эффективности // Журнал «Персонал Микс». №6. 2005.
- [8] Гончаров В. Подготовка кадров как условие успешного проведения реформы местного самоуправления / В. Гончаров // Муниципальная служба. 2005. № 3.
- [9] Граждан В.Д. Какая модель управления государственной гражданской службы нам нужна? / В. Д. Граждан // Власть. 2005. №12.
- [10] Мейер М.В. Оценка эффективности бизнеса. Пер.с англ. М., 2004.
- [11] Широкова Г.В. Управление организационными изменениями. СПб., 2005.
- [12] Киселев В. Организация подбора персонала в компанию. Проверка набираемого персонала \\ Персонал. 2000. №3.
- [13] Моргунов Е., Ярушина М. Брак «по расчету», или подбор после приема \\ Управление персоналом. 2001. №11-12.

Клименко Антон Владимирович

аспирант кафедры «Теории и технологий управления»
факультета государственного управления Московского государствен-
ного университета имени М.В. Ломоносова

РАЗВИТИЕ И УПРАВЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИЯМИ С УНИКАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ СРЕДОЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НАУКОГРАД КОЛЬЦОВО)

Статья посвящена актуальной проблеме – развитию и управлению уникальной научной средой на примере наукоградов. По мнению автора, современная ситуация в России демонстрирует определенное запаздывание развития комплексной и научно обоснованной инновационной политики государства. Среди причин названы: недостаточная государственная поддержка инновационной деятельности, отсутствие действенных механизмов реализации заявленных приоритетных направлений инновационной политики, серьезные пробелы в законодательстве.

Ключевые слова: управление территориями, наукоград, инновационная политика, бизнес-инкубатор, инновации.

Сегодня много говорится о поиске и апробировании путей развития территорий с уникальной научной средой. Государство, хотя и недостаточно, но начало направлять свои ресурсы на сохранение и развитие науки, научных центров. Такое движение обоснованно: оно уводит государство от политики поддержки сырьевой экономики в сторону инновационной политики – к формированию национальной инновационной системы.

К сожалению, многие рациональные идеи в отношении развития наукоградов так и не нашли своего практического воплощения. Так, до сих пор инновационный блок программ развития муниципальных образований как наукоградов остается без финансирования из государственного бюджета. Предусматривается лишь финанси-

рование социальной инфраструктуры наукоградов. Бессспорно, вопрос о состоянии и перспективах развития научно-технических комплексов наукоградов как стратегического потенциала, обеспечивающего национальную безопасность страны, должен решаться на государственном уровне. Государственные структуры должны оказать помощь наукоемким поселениям прежде всего в организации инновационного процесса: определении приоритетов, менеджменте, создании инновационной инфраструктуры – а также продумать систему льготного налогообложения и потоки федерального целевого финансирования.

Здесь следует отметить одну особенность развития технопарковой структуры в нашей стране. В большинстве стран развитие инку-

баторов, технопарков и наукоградов шло именно в такой логической последовательности, т. е. от наиболее простых форм к более сложным, а в России имел место обратный порядок формирования. Это связано с наследием Советского времени, когда о бизнесе как таковом и речи быть не могло, тем более о бизнес-инкубаторах. В то время была распространена концепция создания больших наукоградов, сегодня же больше внимания уделяется стимулированию создания инкубаторов. Это весьма позитивный фактор, который позволит эффективнее реализовывать механизмы содействия инновационной деятельности [1].

Между тем законодательная база по наукоградам остается до сих пор весьма несовершенной. Так, основные правовые акты, определяющие статус наукограда в России (Федеральный закон «О статусе наукограда Российской Федерации», Постановление №1072 «Об утверждении критериев присвоения муниципальному образованию статуса наукограда и Порядка рассмотрения предложений о присвоении муниципальному образованию статуса наукограда и прекращения такого статуса») содержат целый ряд неотработанных положений, допускающих неоднозначные толкования. Многие спорные вопросы законодательной базы в настоящее время совсем не проработаны, методика получения статуса наукограда противоречит основным принципам рыночных

отношений, т. к. не предполагает использования эффективности производства и его конкурентоспособности в качестве основного критерия. Также неясно и расплывчато сформулированы цели создания наукоградов.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что наукограды – это не механическая система, состоящая из набора научно-исследовательских институтов и учреждений, а в первую очередь социум с высоким качеством населения (высокий уровень образования, квалификации, общей культуры), которому необходимы все социальные гарантии для поддержания стабильности социальной ситуации на данной территории. С этой точки зрения реализация инновационного пути развития наукоградов требует решения ряда самых различных проблем: научных, организационных, психологических, управлеченческих – что свидетельствует об актуальности междисциплинарного подхода.

Каждый наукоград по-своему специчен и поэтому претендует на разработку индивидуальной стратегии инновационного развития и построения социальных институтов, реализующих инновационный процесс во всей его полноте. Представляется, что качество разработки и эффективность реализации стратегии инновационного развития наукограда могут быть достигнуты только при условии социально ориентированного управления на местах.

Очень остро стоит вопрос о нехватке квалифицированного персонала для развития, управления и организации такой сложной научной деятельности (особенно в дальних регионах). Необходимо проводить специальные обучающие курсы и тренинги с приглашёнными специалистами высокого класса и с учётом мирового опыта в этой сфере.

В настоящее время разработано много программ развития наукоградов. Интересен, например, опыт Московской области (г. Дубна, г. Фрязино, г. Королев, г. Реутов), п. Кольцово в Новосибирской области. Программы упомянутых городов нацелены на решение задач федерального, регионального и муниципального уровней. Для реализации каждой из целей существует ряд подпрограмм, примерно одинаковых во всех городах. Подпрограммы охватывают следующие направления:

- развитие приоритетных направлений науки и техники;
- реформирование научно-производственного комплекса наукограда;
- формирование инфраструктуры инновационной деятельности;
- создание благоприятного инвестиционного климата;
- развитие международного сотрудничества;
- подготовка кадров;
- создание единой информационной среды наукограда;

- развитие социальной сферы наукограда.

Наиболее слабым местом подпрограмм, как и всей инновационной деятельности в наукоградах, являются вопросы финансирования. Связано это с тем, что Постановление №1072 нечетко определяет объемы финансовой поддержки из федерального и региональных бюджетов. Поэтому каждый из упомянутых претендентов на статус наукограда решает вопрос о содержании и источниках финансирования программ и подпрограмм самостоятельно и по-разному. Не разработан и механизм контроля за выполнением программ, не проводится мониторинг этой деятельности [2, с.87-89].

Таким образом, наукограды и технопарки в Российской Федерации являются ячейкой рождения и развития инноваций и, соответственно, инновационных проектов. Управление инновационными проектами является более удобным и эффективным в условиях специализированных муниципальных образований, нацеленных на научно-техническую деятельность. Однако работа по реализации этой формы инновационной деятельности в стране находится лишь в самой начальной стадии.

Наукоград Кольцово (Новосибирская область).

Сегодня в наукограде Кольцово проживает 11 тыс. человек. Основу экономики поселка составляет

мощный научно-технологический комплекс. В настоящее время на территории рабочего поселка Кольцово осуществляют деятельность крупные научно-производственные компании биотехнологического профиля, коммерциализовавшие научные разработки ГНЦ ВБ «Вектор», зарегистрировано более трехсот малых и средних предприятий.

Благодаря статусу наукограда в Кольцово появились совершенно новые условия для бизнеса. Создан эффективный механизм содействия коммерциализации научных разработок, а также поддержки инвестиционных и инновационных проектов. Программа развития Кольцово как наукограда реализуется уже шестой год. Высокий статус способствовал выходу на стабильные результаты градообразующего ГНЦ вирусологии и биотехнологии «Вектор». Практическая реализация мероприятий и программы социально-экономического развития наукограда Кольцово за 2003-2007 годы существенно укрепила экономику территории, позволила сформировать условия для устойчивого социально-экономического развития рабочего посёлка Кольцово. Введен в эксплуатацию современный корпус бизнес-инкубатора, осуществляется его заполнение фирмами, «стартующими» с коммерчески привлекательными научными проектами. Рядом с бизнес-инкубатором выделена технопарковая площадка для фирм, которые планируют строить собст-

венные здания, а также площадка для жилого микрорайона, застройка которого постепенно осуществляется. Принята вторая *Комплексная программа социально-экономического развития Кольцово Новосибирской области как наукограда РФ на период 2008-2012гг.*, рассчитанная на дальнейшее планомерное развитие инновационного потенциала поселка.

Бизнес-инкубатор.

Бизнес-инкубатор в Кольцово создан в рамках государственной программы поддержки малого предпринимательства. По гранту Минэкономразвития Новосибирская область получила 50% необходимого финансирования для строительства бизнес-инкубатора, остальные деньги были выделены из областного бюджета. Наукоград Кольцово обеспечил за счёт своих средств инженерную подготовку площадки и подводку всех коммуникаций. Бизнес-инкубатор открылся в 2006г., его строительство заняло 13 месяцев. Здание включает 2 модуля: офисный и производственный. В нем есть все необходимое для функционирования, включая зал для совещаний, комнату переговоров, столовые.

С помощью бизнес-инкубатора предполагается формировать благоприятные условия для возникновения и развития малого бизнеса. Резиденты бизнес-инкубатора отбираются управляющей компанией на конкурсной основе. Для участия в конкурсе компания-претендент

предоставляет бизнес-план, описывающий развитие компании в течение трёх лет пребывания в бизнес-инкубаторе. Помещения бизнес-инкубатора сдаются управляющей компанией резидентам в субаренду со ставкой арендной платы, не превышающей 40% от ставки для аренды госимущества в Новосибирской области в первый год, 60% – во второй год, 100% – в третий год. Клиентам бизнес-инкубатора предоставляются консультационные услуги по вопросам бизнес-планирования, трансфера технологий, обучения и повышения квалификации, кредитования, правовой защиты и развития предприятия [3, с.20].

На данный момент площадки бизнес-инкубатора заняты компаниями примерно на 90%, что показывает необходимость и востребованность такого сервиса для развития и становления в России малых наукоёмких компаний. Предполагается, что успешные компании, которые перерастут уровень бизнес-инкубатора, смогут разместить свои офисно-производственные корпуса в зоне технопарка Кольцово.

Технопарк Кольцово пока существует только на бумаге, администрация наукограда подписала договоры с тремя компаниями, намеренными начать освоение технопарка Кольцово (Центр Финансовых Технологий, компания ИмДи, которые намерены сами возводить здания непосредственно под себя, и компания «ФОРПРО», обеспечивающая строитель-

ство офисно-производственного комплекса для компаний малого и среднего бизнеса, не нуждающихся в отдельных зданиях). В неразрывной связи с созданием технопарка рассматривается строительство жилых микрорайонов с развитой инфраструктурой.

Строительные работы уже начались на территории наукограда, но, к сожалению, столкнулись с проблемой устаревших городских коммуникаций и пока немного застопорились. Администрация Кольцово надеется привлечь к устранению такого рода проблем средства из областного бюджета.

Часто компании, работающие в бизнес-инкубаторах, сталкиваются с проблемой нехватки времени, возможностей и ресурсов для занятий маркетинговой деятельностью своей продукции, решения юридических проблем, проблем, связанных с патентованием и т. д. Для решения комплекса возникающих вопросов в наукограде была создана в 2000г. автономная некоммерческая организация «**Инновационный центр Кольцово**» (ИЦК). Миссией этого центра является создание условий для интенсивного развития универсальной индустриальной территории, ориентированной на наукоёмкий бизнес. В состав учредителей центра входят: Администрация Кольцово, Новосибирский областной фонд поддержки науки и высшего образования, ФГУН ГНЦ ВБ «Вектор» и технопарк «Новосибирск». Инновационный центр ока-

зывает наукоемким компаниям комплексную поддержку в сфере трансфера и коммерциализации технологий, содействует налаживанию эффективной бизнес-кооперации с российскими и зарубежными партнерами.

Основные направления деятельности ИЦК [3, с.22]:

- агент развития территории;
- консалтинговое сопровождение компаний и проектов;
- образовательные услуги населению;
- трансфер и коммерциализация технологий.

Несмотря на положительную в целом динамику развития Кольцово, в настоящее время отмечается некоторое замедление процесса коммерциализации инноваций, связанное с ограниченностью возможностей бизнес-инкубатора, не дающего нового импульса к дальнейшему совершенствованию. Для решения этой проблемы необходимо расширение ресурсов и возможностей дальнейшего развития. Это может быть достигнуто путем создания в Кольцово инновационной кластерной системы, а также промышленных площадок. Однако на это требуются серьёзные денежные и временные затраты, направленные на модернизацию устаревших коммуникаций, на общий кластерный маркетинг, на обучение и привлечение новых квалифицированных кадров. В настоящее время Администрация наукограда Кольцова и компаний, дей-

вующие на его территории, не располагают возможностями реализовать эту стратегию. Кроме того, существуют также проблемы, связанные с несовершенством законодательной базы. В данной ситуации наукограду необходима поддержка государства как на федеральном, так и на региональном уровне. Совершенно очевидно, что в настоящий момент Кольцово переросло уровень развития, на котором сейчас находится. Однако наукоград имеет огромный потенциал развития и при правильной финансовой поддержке государства может через несколько лет превратиться в мощный комплекс компаний и предприятий, способных обеспечивать потребности не только России, но и многих других стран в сфере современной инновационной медицины.

Анализ современной ситуации в России показывает, что комплексная обоснованная инновационная политика в стране пока находится на стадии становления, что является следствием радикальных рыночных реформ, проводимых необдуманно, без учета исторических традиций и специфики российской государственности. Сравнительный анализ зарубежного и отечественного опыта инновационной политики показывает, что наиболее уязвимым здесь является недостаточная государственная поддержка инновационной деятельности в Российской Федерации и отсутствие действенных механизмов реализации заявленных приоритетных направлений инно-

вационной политики. Уже отчетливо обозначился ряд связанных с этим существенных проблем, с которыми столкнулись государство и частные компании на пути осуществления инновационной политики.

В силу исторически сложившейся специфики в России центром осуществления инновационной политики становится регион. В настоящее время во многих регионах Российской Федерации началась успешная работа по формированию инновационных систем: выработаны основные организационные формы осуществления, идет их реальное становление (технопарки, бизнес-инкубаторы, коучинг-центры, научнограды и т. д.). Однако существующие организационные, финансовые, административные и правовые проблемы сдерживают ее дальнейшее развитие.

Таким образом, государственный курс на развитие наукоёмкой индустрии представляется правильным, хотя и запоздалым. Учитывая наличие у России огромного научного потенциала, созданного как за счёт советского наследия, так и за счёт современных ресурсов, представляется возможным сделать вывод о реально существующей возможности реализовать основные направления выработанной инновационной политики при условии её корректировки в сторону устранения отмеченных недостатков. Очевидно, что мировой финансовый кризис неизбежно внесет свои коррективы в реализацию

этой политики в регионах Российской Федерации, однако в настоящее время отсутствуют данные, позволяющие конкретно оценить масштабы и последствия влияния кризисной ситуации в России на инновационную деятельность. В любом случае кризис заставит с еще большей настойчивостью развивать инновационную деятельность в качестве единственно возможной альтернативы существующей сырьевой ориентированности экономики.

Таким образом, мы видим, что Новосибирская область достигла определенных успехов за относительно небольшой период времени, но в дальнейшем региону предстоит сделать намного больше. Именно поэтому региональным властям на данном этапе следует активизировать и оптимизировать работу по формированию необходимых условий для развития и становления региональной инновационной системы области. Представляется очевидной необходимость значительного усиления государственной поддержки инновационной деятельности. Конечно, развитие одной области не сможет обеспечить процветание всей страны, но покажет успешный пример совместной работы государства и частного сектора, создаст определённые механизмы и инструменты, которые облегчат работу другим регионам и стране в целом. Что же касается формирования общенациональной инновационной системы,

то государству в первую очередь стоит сконцентрироваться на разработке на всех уровнях власти согласованной комплексной правовой базы, стимулирующей и поощряющей инновационную деятельность. Только в этом случае можно будет говорить об успешном строительстве единой инновационной системы страны, функционирование которой не будет постоянно давать сбои, вызванные несогласованностью законов и действий её участников.

Литература

- [1] Сурин А.В., Молчанова О.П. Механизмы реализации государственной инновационной стратегии: проблемы и пути совершенствования // Государственная власть и местное самоуправление. № 11. 2008.
- [2] Медведева Т.Ю. Недостатки развития программ наукоградов, обусловленные недоработкой законодательной и методической базы // В кн.: Национальная инновационная система России: проблемы становления и развития. Сб. научн. трудов. М., 2006.
- [3] Территория инноваций и надежд. Наукоград Кольцово. Кольцово, 2007.

- [1] Сурин А.В., Молчанова О.П. Механизмы реализации государственной инновационной стратегии: проблемы и пути совершенствования // Государственная власть и местное самоуправление. № 11. 2008.

*Меркулова Анастасия Михайловна
аспирантка кафедры «Политическая история»
факультета государственного управления
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова*

УПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКИМ УНИВЕРСИТЕТОМ В 1941-1947 ГОДЫ

В статье исследуется процесс формирования управленческого аппарата Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в период Великой отечественной войны. Особое внимание в работе уделено мерам, которые были направлены на восстановление и реорганизацию университета в период ректорства профессора И.С. Галкина.

Ключевые слова: управление учебным заведением, система высшего образования, научно-административная деятельность, управление в кризисной ситуации.

На протяжении последнего десятилетия проблема модернизации системы высшего образования остается достаточно актуальной для отечественной образовательной политики. Стремление государства улучшить качество преподавания в данной сфере заставляет учитывать образовательные стандарты развитых европейских держав. В то же время для успешного функционирования заимствованных современных мировых стандартов необходим учет отечественных традиций управления высшими учебными заведениями. В данном случае управленческий опыт Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова может служить эталоном. Университет за свою более чем 250-летнюю историю пережил несколько кризисных этапов, успешное преодоление которых позволило ему стать одним из ведущих

университетов России и мира. Наиболее тяжелым моментом в деятельности университета можно считать Великую отечественную войну и первые послевоенные годы. В этот период перед руководством Московского университета во главе с ректором И.С. Галкиным стояло множество проблем, решение которых позволило восстановить учебное заведение и вывести его на качественно новый уровень. Мероприятия, проведенные в этот исторический период при участии и под руководством профессора Московского университета И.С. Галкина, являются примером квалифицированного управления высшим учебным заведением в кризисной ситуации.

В то же время в современной историографии материалы по истории тыла Московского университета и деятельности И.С. Галкина представлены довольно кратко, в

контексте общего развития истории Великой отечественной войны и первых послевоенных лет. Исторически так сложилось, что основное внимание при изучении истории МГУ им. М.В. Ломоносова в данный период уделяется вкладу ученых университета в победу над фашистской Германией. История управления университетом в эти годы в должной степени не изучена, что формирует ряд дискуссионных вопросов и обнаруживает тривиальные «белые пятна», когда речь заходит о руководстве университета и об обеспечении его материально-бытовой и научной жизни.

Официальная версия управления учебным заведением практически во всех томах по истории Московского университета им. М.В. Ломоносова выглядит приблизительно таким образом: «с 1939 по 1943гг. Московский университет возглавлял профессор А.С. Бутягин... В декабре 1943г. ректором университета был назначен профессор И.С. Галкин» [5, 6, 7]. Однако при ближайшем рассмотрении вопроса о ректорстве в Московском университете с 1941 по 1943гг. становится не совсем понятно, каким образом была сформирована иерархия власти в учебном заведении. Первые вопросы возникают при ознакомлении с архивными материалами. Например, достаточно часто под нормативными актами и письмами МГУ встречаются подписи «Ректор (или исполняющий обязанности ректора) МГУ, профессор-доктор Б.П. Ор-

лов» [2, д.134, л.7. 4, с.442]. Б.П. Орлов до эвакуации Московского университета в Ашхабад занимал должность декана географического факультета. Должности «Проректор МГУ» [2, д.136, л.5], «Заместитель ректора университета» [2, д.134, л.7, 15] по отношению к профессору И.С. Галкину появляются только после декабря 1941 года. Однако если исполняющим обязанности ректора был Б.П. Орлов, то возникает закономерный вопрос: на основании чего пост А.С. Бутягина впоследствии был передан И.С. Галкину?

В данном случае только краткий экскурс научно-административной деятельности И.С. Галкина может прояснить возникшие противоречия. После реорганизации МГУ в 1932 году, когда были выведены из МГУ все гуманитарные факультеты, недавно защитившийся кандидат наук перешел на работу во вновь созданный Московский государственный институт философии, литературы и истории (МИФЛИ). Карьерный рост будущего ректора в МИФЛИ складывался следующим образом:

заместитель декана исторического факультета с 1932 по 1935гг.;

декан исторического факультета с 1935 по 1937гг.;

проректор с 1937 по октябрь 1941гг.;

ректор с октября 1941г. по декабрь 1941г., то есть до слияния МГУ с МИФЛИ.

Последнюю должность в МИФЛИ И.С. Галкин получил в свя-

зи с уходом ректора МИФЛИ А.И. Асеева на политработу в Военно-политическую академию Красной Армии. Приблизительно в тот же период «пропадает» ректор МГУ А.С. Бутягин, который в дальнейшем свое исчезновение будет объяснять необходимостью поиска места для эвакуации Московского университета. Приблизительно в такой «управленческой атмосфере» осенью 1941 года два московских университета были высланы в Ашхабад, то есть без единого руководства и плана действий. 8 декабря 1942г. произошло слияние двух университетов. Немного ранее (29.12.1941) вышли приказы Наркомата просвещения РСФСР о передаче дел и архива МИФЛИ И.С. Галкиным ректору МГУ Б.П. Орлову и о назначении И.С. Галкина на должность «заместителя ректора МГУ с возложением на него обязанностей ректора МГУ во время отсутствия последнего» [4, с.444]. Формулировки приказа с юридической точки зрения можно истолковать двояко. Кроме того, почти до осени 1942 года встречаются письма ВКВШ при СНК СССР на имя ректора МИФЛИ товарища И.С. Галкина [2, д.134, л.7, 15]. Подобная путаница происходила из-за дублированного подчинения МГУ, с одной стороны, НКП РСФСР как учебного заведения Российской Республики, с другой стороны – ВКВШ при СНК СССР как университета всесоюзного значения.

На практике же Б.П. Орлов и И.С. Галкин работают в tandemе. Б.П. Орлов фактически исполняет обязанности ректора Московского университета в Москве, И.С. Галкин – в Ашхабаде. В мае 1941г. Ученый Совет университета в Ашхабаде обратился с письмом на имя И.В. Сталина о перебазировании МГУ в один из промышленных центров СССР, мотивируя это отсутствием базы для естественных факультетов, которые работали над необходимыми в то время военными технологиями. Однако помимо научных приоритетов причиной письма являлись жуткие материально-бытовые и климатические условия, которые не в состоянии были выдержать многие преподаватели и студенты Московского университета.

Вскоре И.С. Галкин был вызван в Москву и после решения Правительства о перебазировании МГУ из Ашхабада в Свердловск назначен уполномоченным Министерства Просвещения РСФСР по отправке МГУ из Ашхабада в Свердловск. В Свердловск из Москвы был направлен профессор Б.П. Орлов для подготовки базы к приему и размещению Московского университета. В мае 1943г. решением правительства СССР МГУ был реэвакуирован из Свердловска в Москву. Таким образом, период 1941-1943 годов в истории университета одновременно можно охарактеризовать и как «кризис власти», и как «управленческое чудо», которое закончилось в конце 1943г. В де-

кабре 1943г. выходит Приказ ВКВШ при СНК СССР, согласно которому И.С. Галкин был назначен на должность ректора Московского университета.

Для того чтобы проследить динамику развития университета, целесообразно провести сравнительный анализ количественных и качественных показателей учебного заведения в последние годы ректорства И.С. Галкина (1943 и 1947гг.). Данные для анализа, на наш взгляд, представлены в двух документах: «Акт передачи дел Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова профессором Бутягиным А.С. товарищу Галкину И.С., вновь назначенному ректору, 28 декабря 1943г.» [2, д.144], «Отчет об учебной работе Московского ордена Ленина государственного университета им. М.В. Ломоносова за 1946-1947 учебный год» [1, д.24].

В период с 1943 по 1947гг. произошло значительное расширение Московского университета. Если в 1943 году профессорско-преподавательский состав насчитывал фактически 780 человек против 970, работавших в университете до войны, то к 1947 году численность преподавателей была увеличена почти в два раза и составляла 1330 человек. Однако на протяжении всего периода проблема преподавателей, работающих по совместительству, оставалась актуальной. Численность таких «совместителей» постепенно уменьшалась, но никогда не была менее

27% от общей численности профессорско-преподавательского состава. Соответственно, численность учебно-вспомогательного персонала увеличивалась в прямой зависимости от численности преподавателей. Возрастает и количество учащихся. Во-первых, с фронтаозвращаются недоучившиеся студенты, во-вторых, в университет в соответствии и образовательной политикой СССР стремятся как вчерашние школьники, так и демобилизованные из рядов Красной Армии. Число студентов возрастает с 4,3 тыс. до 7,9 тыс. человек. Подготовка квалифицированных специалистов как естественного, так и гуманитарного профиля по новым специальностям, востребованным в развивающемся СССР, стала одним из приоритетных направлений работы МГУ. В этот же период происходит расширение области научных изысканий и привлечение в научно-преподавательский коллектив университета ученых передовых областей науки. Восстанавливается научная работа в университете, расширяется штатное расписание научных сотрудников, активно идет набор в аспирантуру и докторантuru Московского университета.

Рассматривая структуру университета, следует отметить, что уже к концу 1943 года в университете было 12 факультетов, 131 кафедра, 167 лабораторий и 11 научно-исследовательских институтов против 7 факультетов, 75 кафедр и 66 лабораторий, эвакуировавшихся осенью 1941 в Ашхабад [2, д.121].

Численные данные по структуре университета с 1943 по 1947 гг. почти не изменился, однако реформированы кафедры и программы подготовки специалистов: появилось множество направлений специализации уже внутри самой кафедры (то есть дополнена сама структура). Создание новых факультетов и кафедр велось по принципу единства науки и образования. Руководство университета стремилось всесторонне поддержать инновационные научные тенденции того времени и создать базу для подготовки квалифицированных молодых специалистов, которые в будущем смогли бы восстановить и возвеличить разрушенную страну.

Одним из первых факультетов, отвечающих потребностям послевоенного советского государства, был факультет международных отношений. Однако основанный осенью 1943 года новый факультет, тогда именовавшийся факультетом истории международных отношений, уже в ноябре 1944 г. был преобразован в самостоятельный Институт международных отношений МИД СССР.

В этот период происходит модернизация структуры управления, которая позволила упорядочить и согласовать учебную и научную работу быстро развивающегося университета. Вместо должностей проректора по учебной части и проректора по научной части были введены должности проректоров по учебно-научным делам естественных и гуманитарных факультетов, а также должность проректора – консультанта ректора [3, с.7]. Таким образом, ректор изменил принцип управления «с территориального на отраслевой». Это позволило упростить контроль за учебно-научной деятельностью и сделать связь образовательного и научно-исследовательского процессов более прочной.

Несмотря на такую положительную динамику статистических показателей, в Московском университете сохранялись проблемы, которые управленческий коллектив И.С. Галкина решить так и не смог. Во-первых, это касается материально-технического обеспечения университета, во-вторых, научно-идеологических конфликтов на биологическом и физическом факультетах. В первом случае, несмотря на то, что И.С. Галкин в соавторстве с ведущими учеными направил письмо И.С. Сталину о необходимости строительства нового комплекса для Московского университета, ректором-строителем назовут академика А.Н. Несмеянова, во втором – дела «университетской физики против академической» и «о Т.Д. Лысенко и лысенковщине» так и останутся темным пятном на советской науке.

Однако все это не уменьшает значимости политики университета и действий его руководства во главе с профессором И.С. Галкиным, которые в столь короткий срок и в таких тяжелых условиях всеобщей

разрухи страны, пусть и при государственной поддержке, смогли выстроить уникальный образовательно-научный комплекс, каким стал к концу 40-х гг. и остается по сей день Московский университет. Таким образом, полностью восстановленные события истории эвакуации и первых послевоенных лет, истории административной деятельности руководящего коллектива во главе с И.С. Галкиным будут представлять собой бесценный опыт для современных реформаторов и создателей образовательной политики.

Литература

- [1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 9396. Министерство высшего образования СССР (1946-1959гг.). Опись 2. Инспекция при министерстве.
- [2] Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Фонд 1609. Московский государственный уни-верситет им. М.В. Ломоносова. Опись 2. Архивные документы (1933-1986 гг.).
- [3] Галкин И.С. Записки ректора Московского университета: воспоминания. М., 2004.
- [4] Летопись Московского университета. В 3-х тт. Т.1. Автор-составитель Е.В. Ильченко. Т.1. М., 2004.
- [5] Московский университет в Великой Отечественной войне / Отв. ред. А.М. Сахаров. М., 1975.
- [6] Московский университет в Великой Отечественной войне. 2-е изд., перераб. и доп. / Редкол.: Н.Н. Ефимов (отв. ред.) и др. М., 1985.
- [7] Историческая наука в Московском университете, 1934-1984 / Редкол.: Ю.С. Кукушкин (отв. ред.) и др. М., 1984.
- [8] Московский университет за 200 лет: Крат. ист. очерк / Сост. А.М. Сахаров, Д.К. Шелестов. Под ред. И.С. Галкина. М., 1955.

*Барбасова Светлана Сергеевна
аспирантка кафедры «Политическая история»
факультета государственного управления
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова*

ОБЗОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ СССР В ОБЛАСТИ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН

Статья посвящена государственной политике СССР в области пенсионного обеспечения граждан. Обзор основных мероприятий, проводимых государством в этой сфере, приводит автора к выводу о необходимости реформирования пенсионной системы после распада Советского Союза и перехода России на рыночные отношения.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, социальная защита, государственная политика.

В любом обществе в той или иной форме действует определенная система социальной защиты населения. Она составляет необходимый и существенный параметр общественного устройства. Российская Федерация – социально ориентированное государство, забота о незащищённых слоях населения является неотъемлемым элементом государственной политики. Статья 7 Конституции провозглашает Российскую Федерацию социальным государством, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [5, с.64]. Один из этапов жизни человека – старость, когда человек по объективным причинам не имеет возможности обеспечивать своё достойное существование или эта возможность существенно ограничена. Поэтому одна из задач государства – создание эффектив-

ного механизма, позволяющего этой категории населения реализовать своё Конституционное право на достойную старость. Пенсионное обеспечение – базовая и одна из самых важных социальных гарантий стабильного развития общества, поскольку непосредственно затрагивает интересы нетрудоспособного населения любой страны, а косвенно – практически все трудоспособное население.

В России государственное пенсионное страхование зародилось значительно позже, чем в большинстве промышленно развитых стран, и распространялось в дореволюционной период далеко не на все категории населения [10]. Дореволюционное российское законодательство относило пенсию к разряду служебных наград. Право на пенсию приобреталось «беспорочно выслугою определенных в законе сроков» [2].

Получение пенсий чиновниками регулировалось «Общим уставом о пенсиях и единовременных пособиях по гражданским ведомствам». Основанием для выплаты пенсий становился тот факт, что ко времени прекращения службы в большинстве случаев должностные лица достигали того возраста, в котором каким-либо иным способом содержать свою семью они уже не могли.

После Октябрьской революции 1917г. в России была создана новая структура, которая занялась отменами действующих органов помощи с перераспределением средств и имущества для нужд государства. Сначала ею стало Министерство, а со временем – Народный комиссариат государственной опеки (далее НКГО). Среди ликвидированных учреждений оказались благотворительные организации и общества помощи инвалидам, действующие в Российской Империи. Их отменили 19 ноября 1917 года. А уже до конца января 1918 года была разрушена вся предшествующая система опеки. Вместо упраздненных ведомств в НКГО образовывались отделы, которые должны были курировать проблемы социальной помощи определенной категории нуждающихся: отделы по охране материнства и детства, отдел опеки несовершеннолетних и прочие [7, с.464].

К марту 1918 года были сформированы основные направления деятельности в сфере государственного социального обеспечения:

выдача пайков семьям фронтовиков, предоставление убежища для покалеченных на войне и назначение им пенсий; корректировка деятельности учебных заведений государственной опеки. Для решения острой к тому времени проблемы финансового и материального обеспечения социальных мероприятий НКГО прибегал к широкому кругу мероприятий – от целевого перераспределения материальных средств, организации благотворительных лотерей до введения налога на публичные зрелища и развлечения.

С апреля 1918 года начинает осуществляться целенаправленная государственная поддержка нуждающихся граждан как средство проведения социальной политики. В это время был образован Народный Комиссариат социального обеспечения (далее НКСО). Этот орган определил новую стратегию социальной помощи исходя из задач построения социалистического общества большевистского образца. Затем начал формироваться классовый подход к предоставлению разных видов помощи: право на получение помощи со стороны государства имели только лица, источниками существования которых являлась собственная работа, без эксплуатации чужой. Новое законодательство устанавливало основные виды социального обеспечения, на которые могло рассчитывать трудовое население: мед помощь, выдача помощи и пенсий (в связи со старостью, потерей труда-

способности, беременностью, рождением детей).

Постепенно сформировалась и административная система советской социальной защиты. Значительную роль в этом сыграл I съезд комиссаров социального обеспечения (июнь 1918г.). Съезд определил организационную структуру управления социальным обеспечением, его центральных, губернских и уездных органов. В 1920г. состоялось размежевание функций и полномочий разных ведомств. К функциям Народного Комиссариата работы было отнесено установления общих норм пенсий и помощи [1, с.134].

Разработка законодательства о пенсионном обеспечении по старости как самостоятельном виде социального обеспечения происходила на протяжении 1928-1932гг.

Первые пенсии по старости были установлены постановлением Наркома труда СССР от 5 января 1928 года для рабочих текстильной промышленности. Пенсионный возраст был определен для мужчин 60 лет, для женщин – 55. Необходимый для назначения пенсий трудовой стаж устанавливался одинаковым и для мужчин, и женщин – не меньше 25 лет. В 1929г. ЦИК и Совнарком СССР приняли постановление относительно введения пенсионного обеспечения также для рабочих таких ведущих областей промышленности, как горная, энергетическая, металлургическая, железнодорожный и водный

транспорт. Принятые в 1928-1932гг. законодательные акты стали основанием для дальнейшей разработки законодательства относительно пенсионного обеспечения по старости в следующие годы [3, с.608].

В 1949г. НКСО было переименовано в Министерство социального обеспечения, а в конце 1950-х годов начался новый этап развития социальной защиты и формирования её органов в СССР. В 1956г. Верховный Совет СССР принял Закон о государственных пенсиях, согласно которому не только расширился круг лиц, которым предоставлялась пенсия, но и в самостоятельную область выделилось законодательство о социальном обеспечении. Таким образом, было положено начало общему государственному пенсионному обеспечению работающих, которое было завершено принятием в 1964г. Закона о пенсиях и денежной помощи членам колхозов (раньше они были лишены этого).

В 1961г. изменилось положение о Министерстве социального обеспечения, вследствие чего его функции значительно расширились в сравнении с положением 1937г. На Министерство было возложено выполнение следующих функций: выплата пенсий, организация лечебно-трудовой экспертизы, трудоустройство и профессиональное обучение инвалидов, материально-бытовое обслуживание пенсионеров, многодетных и одиноких ма-

терей, предоставление протезно-ортопедической помощи.

Важным этапом формирования цивилизованной программы государственного пенсионного страхования следует рассматривать середину шестидесятых годов, когда с 1 января 1965г. государство установило право на получение пенсий колхозниками в период наступления соответствующего возраста, получения инвалидности либо по случаю потери кормильца. Систематическое повышение уровня пенсионного обеспечения трудящихся, увеличение числа пенсионеров обусловили возрастание в дальнейшем поступлений из государственного бюджета в фонд государственного социального страхования [4]. Пенсии по государственному социальному страхованию представляли собой гарантированные ежемесячные денежные выплаты, размер которых, как правило, соизмерялся с прошлым заработком. В 1969г. в стране была введена единая система социального страхования колхозников. При этом пенсионное обеспечение членов колхозов осуществлялось непосредственно из Централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников, формированного за счет отчислений колхозов от сумм их валового дохода и ежегодных ассигнований из государственного бюджета.

Действовавшая в СССР система пенсионного обеспечения функционировала в рамках общей системы социального обеспечения и

социального страхования, которая охватывала не только выплаты пенсий и пособий различных видов, но и различные формы социального, медицинского, санаторно-курортного обслуживания трудящихся, содержание и обслуживание престарелых и нетрудоспособных. В соответствии с Конституцией СССР все граждане имели право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца. Это право реализовывалось путем общего социального обеспечения рабочих, служащих и колхозников пособиями по временной нетрудоспособности и выплатой за счет государства и колхозов пенсий по возрасту, инвалидности, по случаю потери кормильца и другими формами социального обеспечения.

Данная система, несмотря на многочисленные экономические недостатки, содержала одно важное преимущество – обеспечивала абсолютно всем категориям граждан минимально необходимый прожиточный уровень потребления. Однако в середине 1980-х годов в пенсионном обеспечении возобладали уравнительные тенденции, произошло снижение размеров пенсий по отношению к прошлой заработной плате, реальные размеры пенсий постоянно сокращались из-за отсутствия механизма индексации. Глубокий анализ социально-экономических причин, в силу которых наша страна объективно нуждалась в принятии ново-

го пенсионного закона, был дан в ряде научных работ, опубликованных в конце прошлого века [6, 8, 9].

Со вступлением страны в рыночные отношения, обусловленные началом перестройки, создались экономические условия, когда государство не могло нести в полной мере ответственность за пенсионное обеспечение граждан [1, с.134]. Пришедшие на смену плановой организации экономики рыночные механизмы частного предпринимательства требуют создания, становления и развития рыночных форм пенсионного обеспечения. Важными характеристиками советской пенсионной системы, которые унаследовала рыночная экономика, является ее всеохватывающий характер и высокий уровень огосударствления. Суть последнего состояла в полном финансировании пенсионной системы за счет средств государственного бюджета. Государственная поддержка дополнялась большим количеством пенсионных льгот и бесплатными, общественными фондами потребления. К этому следует добавить стабильность цен на потребительские товары и практически полное отсутствие открытой инфляции, обесценивающей денежную составляющую пенсии. Переход к рыночной экономике означал разгосударствление собственности, ее преобразование в частную собственность и соответствующее уменьшение централизации доходов в государственном бюджете, за

счет которого обеспечивалась выплата пенсий.

В ходе коренной перестройки механизма функционирования хозяйственной системы, повлекшей в первые годы реформ общенациональное падение производства, произошло, во-первых, резкое сокращение взносов в Пенсионный фонд РФ, во-вторых, их быстрое обесценение, что привело к снижению уровня пенсионного обеспечения. Это и стало причиной ряда существенных изменений, связанных с введением в действие новых принципов пенсионного страхования. Таким образом, реформирование пенсионной системы РФ было неизбежным.

Литература

- [1] Андреев В.С. Социальное обеспечение в СССР. М., 1969.
- [2] Голицин Ю. Пенсионная система России до революции. Экскурс в историю [Электронный ресурс] // http://www.Vsluh.ru.
- [3] Ерусланова Р.И. Пенсионное обеспечение в России. М., 2008.
- [4] Колесник А.П. Вопросы развития пенсионной системы России // Пенсия. 2004. №3. С.52 - 55.
- [5] Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993. М., 1999.
- [6] Носкова А.В. Забота о престарелых людях в России в прошлом и настоящем // Социо-

- логия и политология. 2003. №2. С.164-174.
- [7] Романова П.В. Нужда и порядок. История социальной работы в России, XX в. М., 2005.
- [8] Соловьёв А.К. Экономические предпосылки пенсионной реформы в Российской Федерации // Пенсия. 2001. №4. С.45-52.
- [9] Тучкова Э. Г. Пенсионная реформа в России: оценка специалистов. Под ред. В.Н. Баскакова, А.С. Орлова. М., 1999.
- [10] http://revolution.allbest.ru/sociology/00005293_1.html

Ермаков Вадим Андреевич

старший преподаватель кафедры

«Гуманитарных и социально-экономических наук»

Московского государственного университета технологий и управления

ПЕРЕСМОТР ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ИНСТИТУТОВ УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1904-1905 ГОДАХ

В статье рассматривается деятельность Особого совещания при Министерстве внутренних дел по изменению действующего с 1881г. Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Инициированное в 1904г. правительством, Особое совещание предполагало отменить или ограничить действие некоторых чрезвычайных институтов, поскольку была доказана их неэффективность. Революционные события 1905г. подтолкнули администрацию к дальнейшему применению чрезвычайных институтов в неизменном виде.

Ключевые слова: военное судопроизводство, компетенции, Особое совещание, чрезвычайные институты.

В 1904-1905гг. перед царским правительством встает задача пересмотра положения 14 августа 1881г. «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». К 1905г. положение действовало на территории более 850.000 км с населением до 30-ти миллионов человек. Оно было введено в столичных и наиболее важных губерниях и городах, а правила для местностей, не объявленных на исключительном положении, распространялись на всю территорию империи. Постоянное действие чрезвычайного законодательства наравне с гражданскими законами создавало особый режим управления, который возможно обозначить как исключительный. По инициативе члена Государственного Совета, генерал-адъютанта

графа А.П. Игнатьева на основании высочайшего рескрипта от 13 февраля 1905г. было образовано Особое вневедомственное совещание для пересмотра чрезвычайного законодательства.

Основная проблема, поставленная перед Особым совещанием, была сформулирована следующим образом: «Положение об усиленной охране и правила статей 28-31 положения 14 августа 1881г. стали как бы нормальным способом административного управления, причем, как отмечено авторитетным признанием Комитета Министров в журнале 10 февраля 1905г., даже самый объем применения правил об охране стал выходить за пределы тех случаев, для которых они были изданы – т. е. для борьбы с крамолой, особенно с

распространением с 1895г. не только на политических неблагонадежных, но и на порочных людей» [1, л.277]. Если положение об усиленной охране и правила для местностей, не объявленных в исключительном положении, продолжали действовать каждый год и стали «нормальным способом управления», то возникал вопрос: не следовало ли ввести эти временные правила на постоянной основе или, наоборот, отменить как несоставительные для управления страной. Для правильного разрешения этого вопроса Особое совещание приступило к детальному рассмотрению каждого из отдельных полномочий, данных административной власти по положению 14 августа 1881г., с точки зрения их целесообразности и необходимости для поддержания государственного и общественного порядка.

В условиях распространения революционного движения следовало учитывать, что правительенной власти необходимы были инструменты управления чрезвычайными ситуациями, которые существовали бы на постоянной основе и способны были в кратчайшие сроки восстановить нарушенный государственный порядок. Однако Особое совещание, имея опыт применения чрезвычайного законодательства на постоянной основе, учитывало обстановку, которая возникала в обществе после применения подобных мер и отмечало, что «...легче управлять при помощи исключительных полномо-

чий, но такой способ управления, основанный на произволе и усмотрении, раздражает общество и создает глухое брожение, вспыхивающее в благоприятные для смуты моменты и создающее мало по малу все более и более опасное положение в стране». Таким образом, получалось, что регулярное применение чрезвычайных мер могло выступать в качестве дестабилизирующего фактора в кризисные периоды.

Приступая к анализу положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», Особое совещание столкнулось с тем, что административная практика вышла за пределы компетенции. По положению об усиленной охране местной административной власти предоставлялись следующие функции: издание обязательных постановлений, относящихся к предупреждению нарушения государственного порядка и общественной безопасности с правом на виновных налагать взыскания до трех месяцев ареста или до 500 рублей штрафа; наложение запрета на народные, общественные, частные собрания; разрешение на распоряжения о закрытии всяких торговых и промышленных заведений как срочно, так и на время объявления положения об охране; запрет пребывания для отдельных личностей в местности, объявленной на положении усиленной охраны; право передачи на рассмотрение военного суда отдельных уголовных дел;

закрытие дверей судебного заседания по делам об общих и государственных преступлениях; устранение неблагонадежных лиц из земских, городских и судебно-мировых учреждений, за исключением мировых судей и служащих по выборам; предварительное задержание на срок до двух недель, заподозренных в совершении государственных преступлений или в причастности к ним или в принадлежности к противозаконным сообществам, и произведение обысков на фабриках, заводах; наложение ареста на имущество, указывающее на преступные действия заподозренных в совершении означенных преступлений лиц. Резюмированы права администрации были следующим образом: «Таким образом, права администрации в местностях, объявленных в положении усиленной охраны, отличаются от полномочий административных властей в местностях, не объявленных в исключительном положении, в сущности, только отсутствием в них у должностных лиц права издания обязательных постановлений, закрытия торговых заведений и высылки из пределов губерний, что однако может последовать по инициативе местной администрации согласно 33 ст. положения 14 августа 1881г.» [1, л.277об.].

Практика же показывала следующие результаты. В частности, предоставленное администрации по статье 15 право издавать обяза-

тельные постановления по предупреждению нарушения государственного порядка и общественной безопасности превратилось в свободное законотворчество со стороны местной администрации. Большинство генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников издавали обязательные постановления, касающиеся не только государственной безопасности, но и нарушения правил санитарных, пожарных и т. п. Исполнительная власть, ссылаясь в своих действиях на эту статью закона, часто вторгалась в дела городских дум и земских собраний, а иногда просто вводило в обязательные постановления соответствующие статьи устава или уложения о наказаниях. Это являлось основой для превышения должностных полномочий. Какие причины привели администрацию к постепенному установлению такой неправильной практики? Одна из причин состояла в том, что был устранен контроль за применением положения 14 августа 1881г. со стороны Правительствующего Сената. Следующая причина – это недостатки общих законов, в которых отсутствовала четкая формулировка прав исполнительных и законодательных органов власти, что давало возможность исполнительной власти вмешивать в область управленческих компетенций законодательной власти.

Выход из ситуации состоял в следующем предложении Особого совещания. В случае, если Министр

Внутренних Дел признавал необходимым дополнить обязательными постановлениями уголовный кодекс или расширить компетенции органов общественного самоуправления, то этот вопрос следовало сразу разрешать в законодательном порядке: «При условии осуществления в нашем законодательстве вышеуказанных предложений, полномочия, предоставленные в настоящее время административной власти статьей 15 положения об усиленной охране по изданию обязательных постановлений, могут быть совершенно свободно отменены как мера общего нормального порядка управления без опасения за умаление власти администрации по поддержанию общественного порядка и безопасности [1, л.279]. Т. е. фактически Особое совещание настаивало на отмене законодательных инициатив местной администрации в виде издания обязательных постановлений.

Следующей мерой, доказавшей свою несостоятельность, оказалось полномочие административной власти запрещать народные, общественные, частные собрания. Эта мера первоначально была вызвана тем, что в законодательстве отсутствовали постановления, ограничивающие самовольные собрания, если они не были направлены против государственного порядка. Однако реальная практика применения данных полномочий показала, что администрация была бессильна ограничить

деятельность агитационных собраний, так называемых банкетных кампаний, которые носили противоправительственный характер, но не нарушали внешнего порядка и не подходили под понятие государственного преступления. Особое совещание внесло предложение о введении в законодательство в виде особого закона правила, касающиеся организации собраний и союзов, а за происходящие собрания назначить уголовную ответственность.

Распространенной мерой, применявшейся местной администрацией, был запрет на пребывание в местности с усиленной формой охраны лицам, заподозренным в антигосударственной деятельности. На практике эта мера применялась бесконтрольно и допускала множество злоупотреблений. Как правило, администрация использовала ее, желая устраниć из губернии «беспокойных людей». Такая мера оказалась нецелесообразной, потому что часто применялась по отношению к «политически неблагонадежным» и «порочным лицам». Под эту категорию часто попадали люди по той или иной причине не устраивавшие местную администрацию, такие как, например, выборные ходатай из крестьян или мещане, мелкие адвокаты и учителя. Особое совещание предложило ограничить категорию лиц, попадающих под «неблагонадежность» и сохранить в законодательстве административную высылку, определявшую пребывание на оп-

ределенный срок в какой-либо местности империи в соответствии со статьями 34-36 положения 14 августа 1881г.

Еще одним инструментом обеспечения безопасности была передача дел на рассмотрение военного суда по инициативе губернаторов, министра внутренних дел или генерал-губернатора. Эта мера, применявшаяся как обычный инструмент управления, должна была, по мнению совещания, быть полностью отменена. Передача уголовных дел военному суду могла осуществляться в условиях народного восстания, мятежа, организации террористических актов. Обязательным условием военного судопроизводства над гражданскими лицами должно было стать применение военным судом смертной казни. Между тем практика в этом отношении оказалась неустойчивой и противоречивой. Например, в Харьковской губернии военному суду была передана шайка цыган за разбой, но смертный приговор был заменен каторжными работами. В случае террористических актов военному суду были переданы убийца министра внутренних дел Д.С. Сипягина Балмашев и покушавшийся на виленского губернатора Валя Лекерт. По результатам суда оба приговора закончились смертной казнью. Убийцы же министра народного просвещения Н.П. Боголепова и статс-секретаря В.К. Плеве вовсе не предавались военному суду. Переданный воен-

ному суду и приговоренный к смертной казни за покушение на Харьковского губернатора, князя Оболенского был помилован. Большинство лиц, нападавших на Кавказе на должностных лиц или совершивших разбои, хотя и были приговорены к смертной казни, но были помилованы. Такая же ситуация наблюдалась в варшавском генерал-губернаторстве. В делопроизводстве Особого совещания отмечалось: «Такова практика предания военному суду и исполнения его приговоров; она никогда и не может отличаться определенностью, так как вопросы о предании военному суду и исполнение смертных приговоров зависят от субъективных взглядов губернаторов, генерал-губернаторов, командующих войсками и министров внутренних дел... В виду сего угроза военным судом и смертной казнью не имеет серьезного значения и никого не устрашает, следовало бы совершенно устраниить в порядке общего управления право министра внутренних дел и генерал-губернаторов передавать какие-либо дела военному суду» [1, л.281].

Особое совещание признало, что полномочие генерал-губернаторов и министра внутренних дел передавать на рассмотрение гражданских судов дела по политическим преступлениям является неправомерным. «В порядке нормального управления распоряжения о закрытии дверей судебного заседания будут в видах охранения госу-

дарственного порядка всегда сделаны самим судом или по распоряжению министра юстиции в порядке 620, 621.1 статей устава уголовного судопроизводства» [1, л.281]. Поэтому прежнее право генерал-губернаторов и министра внутренних дел следовало отменить.

Наиболее важным, по мнению Особого совещания, было полномочие начальников полиции и жандармов производить аресты или обыски, а также аресты имущества у лиц, заподозренных в государственных преступлениях или в причастности к ним. Такое же право предоставлялось данным должностным лицам в местностях, не объявленных в исключительном положении, но с ограничением срока ареста до семи дней. В производстве Особого совещания, как было отмечено: «Эти права бесконтрольного и не мотивированного ареста возбуждают особые нарекания на произвол административной власти. В действительности права администрации и относительно срока ареста превышают указанные 30, 14 и 7 дневные сроки» [1, л.281]. Реальная практика показывала, что часто сроки арестов составляли месяц и более. Были зафиксированы случаи арестов более чем на полгода без последующей административной высылки. При этом администрация давала санкции на арест не только в отношении лиц политически небла-

гонадежных и заподозренных в государственных преступлениях, но и в отношении совершивших уголовные преступления и даже не совершивших никакого преступления. Регулярное превышение должностных полномочий явилось следствием отсутствия надзора со стороны Сената.

В результате деятельности по пересмотру положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» Особое совещание предложило включить данный нормативный акт в свод общих законов, изменив положение об усиленной охране и военное положение. Вывод был сделан следующий: «В заключении следует заметить, что для более целесообразной борьбы с революционным движением необходимо пересмотреть отделы нового уголовного уложения о политических преступлениях, которые при всех своих теоретических и научных достоинствах не вполне отвечают с практической стороны проявлениям противоправительственного движения» [1, л.286]. Однако события 1905-1906 годов заставили правительство применять положение 14 августа 1881г. в неизменном виде.

Литература

- [1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1467. Д.395. Ч.3.

КОМПЕТЕНТНОЕ МНЕНИЕ: СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Бондаренко Марина Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Русский язык» Академии труда и социальных отношений, член Союза писателей России

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена вопросам формирования языковой личности. По мнению автора, при условии последовательного использования такого приема как анализ речевой ситуации языковая личность студента выходит на новый уровень развития. Самостоятельная оценка происходящих в современном языке деформаций и их последствий становится позитивным фактором активного становления сознательной языковой личности.

Ключевые слова: речевая ситуация, языковая личность, коммуникативные умения, речевая практика.

Наиболее интенсивное развитие языковая личность получает в период накопления знания, которое осуществляется именно средствами языка, и к природным данным, отличающим каждого индивида, на этом этапе подключается активное воздействие условий среды, обучения и воспитания. Период студенчества, который отличается усилением мотивации развития языковых компетенций, связанной с сознательным подходом к формированию тех способностей и возможностей личности, которые могут стать основой для дальнейшей успешной социальной, профессиональной и личностной адаптации, выделяется как один из наиболее продуктивных в плане развития личности, в том числе и ее языкового аспекта.

Вместе с тем изменения в стратегии школьной филологической подготовки вызвали значи-

тельное снижение уровня развития языковой личности сегодняшнего выпускника среднего образовательного учреждения: около 50% абитуриентов не могут самостоятельно и качественно справиться с предложенными темами по литературе, большое число их не справляется с изложением текста повествовательного характера, включающего лишь как элементы описание и рассуждение. Налицо отсутствие тех коммуникативных умений в области языка, которые позволяют четко и правильно выразить необходимую мысль. Это проявляется и в устных ответах абитуриентов, а затем первокурсников: речь их бедна в лексическом и синтаксическом плане, невыразительна, значительно засорена, часто обрывиста и бессодержательна, то есть полностью соответствует благополучно насаждае-

мому клиповому, мозаичному сознанию. Разумеется, низкий уровень языкового развития современного молодого человека определяется и всеми другими характерными для нынешней речевой ситуации негативными тенденциями.

Данная ситуация определяет необходимость поиска механизмов обучения языку и влияния на развитие современной языковой личности с учетом указанных социальных процессов, которые непосредственно накладываются на исторически сложившуюся этноязыковую картину мира. Социальные причины, определяющие упадок речевой культуры общества, могут стать базой для исследования и анализа, что в свою очередь способно обернуться стимулирующим фактором для ориентации в речевом пространстве развивающейся языковой личности и сознательного противодействия выявляемым негативным тенденциям. Поэтому *анализ современной речевой ситуации* способен стать эффективным средством формирования языковой личности.

Обстоятельное исследование и оценка происходящих в современной речевой практике негативных процессов, в том числе выявление наиболее действенных инструментов влияния на речевую ситуацию, в значительной мере обеспечивающих данные тенденции (средства массовой информации, внедряющие отрицательные речевые образцы в сознание слушателей и читателей, широкое распро-

странение рекламы, набирающий силу язык Интернета и др.), расширяют сведения о языке, учат интерпретации языковых фактов, обеспечивают усвоение языкового материала и формируют языковой вкус и осознанный подход к языковой самореализации. Анализ данных процессов и сфер функционирования языка становится в условиях обучения одним из средств формирования активного сознания языковой личности, выработки конструктивной позиции в отношении выявляемых в процессе анализа негативных тенденций и, как следствие, – определения языковых приоритетов, базирующихся на проведенных исследованиях.

Разумеется, объем и характер данной работы зависит от того, какие языковые дисциплины предусмотрены учебным планом нефилологических специальностей. В более выигрышном положении оказываются, например, студенты, обучающиеся по специальности «Связи с общественностью», языковая подготовка которых позволяет достаточно целенаправленно и продуктивно использовать в практике обучения студентов метод анализа речевой ситуации.

Такое направление в обучении студентов этой специальности актуализируется требованиями к уровню подготовки специалистов данного профиля, а также профессиональными задачами, которые в будущем им придется решать. Анализ речевой ситуации формирует умение свободно ориентироваться

в общественно значимых процес-сах, давать им грамотную и всесто-роннюю оценку, прогнозировать развитие ситуации, использовать в выработке решения исторические параллели. При этом сделанные наблюдения и выводы облекаются в форму публичного выступления, диалог, дискуссию, письменный на-учный и публицистический текст, а при подготовке отдельных заданий развивают умение использовать со-временные технические средства.

В рамках такой работы, проводимой со студентами, предусмат-ривается активное изучение проис-ходящих в речевой практике явле-ний путем мониторинга средств массовой информации, интернет-ре-сурсов и рекламных продуктов, выступлений публичных лиц, пред-выборных кампаний; проводится стилистический анализ публикаций в периодических изданиях и тек-стов современных писателей; рас-сматриваются параметры форми-рования новых дисциплин, напри-мер, лингвистической экологии.

Проводимые студентами ис-следования ложатся в основу курсовых работ, требующих систематической деятельности, включающей разнообразные формы и ме-тоды наблюдения и обобщения анализируемых процессов. Причем выбор направления исследования происходит уже на предваритель-ном этапе, при изучении преду-смотренных программой курса компонентов культуры речи – нор-мативного, этического и коммуни-

кативного. Анализируя современ-ную речевую ситуацию, студенты проводят сопоставление характер-ных для нее процессов с подобны-ми явлениями в прошлом, рас-сматривают, например, роль М.В. Ломоносова в реформировании русского литературного языка, по-зицию русских общественных дея-телей и писателей в отношении проблемы иноязычных заимство-ваний. Это дает возможность стро-ить определенные прогнозы, со-поставлять причины, следствия и рамки аналогичных явлений. Со-поставление лежит и в основе ис-следования сходных процессов, происходящих в русском и в других славянских и неславянских языках.

Практические занятия по курсу предусматривают систематическое подключение анализа речевой си-туации. К примеру, при изучении определенного нормативного ас-пекта проводится текущее наблюде-ние над речевой практикой средств массовой информации, шоу-программ, над выступлениями пуб-личных лиц, над различными соци-альными и возрастными группами, над собственной речью с целью вы-явить уровень владения литератур-ной нормой, определить характер ошибок, их частотность, выработать рекомендации для преодоления со-ответствующего нарушения.

Остановимся на одном из приемов, использованных при про-ведении практического занятия, посвященного анализу лексическо-го состава речи современной мо-

лодежи. Проведя ряд наблюдений над речью своих сверстников (базу данных в основном составили расшифровки бесед и телефонных разговоров) и сопоставив её с речью представителей других возрастных категорий, студенты выделили наиболее проблемные точки: рубленый характер речи, преобладание семантически опустошенных слов, перенасыщение словами-паразитами. Последний компонент был выбран предметом более детального рассмотрения.

Первоначальная его оценка второкурсниками прогнозируема: они воспринимают данные слова как естественное и совершенно оправданное явление в значительной мере по той причине, что и в собственной речи употребляют такую лексику достаточно часто, оправдывая частотность ее использования якобы имеющейся у данной группы слов особой экспрессией. Более того, некоторые студенты признаются, что без них не могут представить своей речи.

На следующем этапе занятия каждому студенту было предложено составить своего рода тезаурус данной группы слов в рейтинговой последовательности. Работа каждого легла в коллективно составляемый перечень слов-паразитов. «Чемпионами» в 2007-2008 учебном году стали слова «как бы», «короче» и «типа» (среди других достаточно часто используемых – в общем, значит, вот, кажется, это, блин, это самое, прикинь, такая, ну да). Разумеется, что

предложение дать лексическое толкование составившим данный словарик лексемам вызвало существенное затруднение, что вывело на следующий этап работы – определение значения самой категории «слова-паразиты».

Использованные при этом электронные средства обучения помогли достаточно быстро найти нужную дефиницию: «Слова-паразиты – в устной речи – слова, не несущие никакой информации и затрудняющие понимание излагаемой мысли» и более развернутое определение: «Слова-паразиты – асемантические единицы речи, которые не несут информационной нагрузки и не выполняют дополнительных функций, имеющих отношение к информационному содержанию речи. Для них характерны: избыточность, немотивированность, несовпадение со словарным значением, повышенная частотность в тексте... Используются в речи из-за бедности словарного запаса и связанных с этим регулярных заминочек, однако в ряде случаев возникает своего рода мода...» («Российский гуманитарный энциклопедический словарь». Цит. по: <http://slovari.yandex.ru>).

Обстоятельное осмысление каждого параметра данных характеристик, иллюстрация их примерами из обработанных студентами текстов, сравнение с приведенными в словаре образцами подобных единиц (налицо почти полное обновление их состава, не говоря уже о расширении морфологических границ

включаемых в данное «сообщество» слов) позволило создать определенную базу для формирования более обоснованной оценки использования данной группы слов в речи.

Следом за этим был проведен небольшой лингвистический эксперимент. В самую простую фразу (например: «А зачем вам нужно знать, кто я, как меня зовут?» – И.А. Бунин, «Солнечный удар»; «У моей мамы, конечно, есть слабости, но все же она необыкновенная женщина» – А.П. Чехов, «Невеста»), состоящую из 10-12 слов, было предложено ввести сначала 2-3 слова-паразита (что составляет соответственно от 14 до 20% от общего числа лексических единиц) и оценить их вмешательство в предложение. Эта оценка оказалась почти нейтральной (особенно если бралась для эксперимента фраза не из художественной литературы, а из обычного бытового контекста): никаких трудностей в понимании высказывания и оценки данных слов как элементов утяжеляющих, обделяющих или тормозящих речь отмечено не было (здесь, разумеется, необходимо учесть и тот факт, что фраза была предложена сначала в «нормальном» состоянии и уже заранее осмыслена). А когда в состав той же фразы были включены уже 5-6 слов-паразитов (29-37% от общего числа лексических единиц), то есть они оказались почти после каждого значимого слова, чтение получившихся предложений было встречено дружным смехом и при-

сутствие в высказывании лишних вкраплений было оценено негативно, как явление явно отрицательное. При этом многие студенты отметили, что именно так говорят некоторые из их знакомых и ранее они на это не обращали никакого внимания.

Проведенный по результатам занятия опрос показал, что эксперимент стал убедительным аргументом того, что относиться к присутствию слов-паразитов в речи необходимо серьезно. 92% из участвовавших в работе студентов пришли к решению сознательно следить за своей речью в плане присутствия в ней слов данной группы, и только 8% от общего числа осталось при мнении, что употребление некоторых из них можно считать оправданным как средство повышенной эмоциональности (но при условии незначительного их числа, не более 14% от общего количества слов).

Как видно из приведенных данных, продуктивность этой работы весьма значительна, и анализ только одного компонента из числа характерных для современной речевой ситуации негативных явлений привел в результате к заметным подвижкам в формировании языкового сознания личности студента.

Подобного рода исследования можно провести и в приложении к другим выявляемым в речи различных социальных групп характерным явлениям. На лексическом уровне это могут быть заимствования (прежде всего американизмы), инвекти-

вы, канцеляризмы, варваризмы, ограниченность словарного запаса, штампы, избыточность професионализмов и пр.

Анализируя современную речевую ситуацию, нельзя оставить без внимания интернет-пространство. Оно предлагает уникальные возможности для коммуникации, причем в ее письменных формах, а следовательно, открывает широкие возможности для функционирования языковой личности с одной стороны и для исследования особенностей ее проявления – с другой. Поэтому студенты с большим интересом приступают к изучению языка интернет-среды: сайтов, блогов, чатов и т. д. Критический взгляд на качество публикаций в Интернете, который естественным образом проявляется при подобного рода студенческой деятельности, не только развивает редакторские, т. е. оценочные навыки, необходимые в профессиональном плане будущим специалистам по связям с общественностью, но в еще большей мере способствует выработке сознательного отношения учащихся к таким открыто проявляющимся в интернет-публикациях явлениям, как орфографическая и пунктуационная безграмотность, аффективная распущенность, использование ненормативных языковых средств, использование эрративов, «языка падонкоф».

Анализ речевой ситуации, таким образом, становится одним из последовательно используемых в

практике преподавания русского языка и культуры речи приемов, реализуемых на разных этапах освоения курса, поскольку применяется при изучении всех разделов дисциплины: при освоении норм, функциональных разновидностей языка, культуры делового общения, техники речи. Кроме того, накапливаемый в процессе этой деятельности опыт сознательного речевого поведения ложится в основу изучения и других дисциплин, в частности, непосредственно взаимодействующих с данным учебным предметом и принимающих эстафету языковой подготовки будущих пиар-специалистов – риторики и стилистики и литературного редактирования.

Формирующийся в процессе такой работы вкус к хорошей, правильной и выразительной речи, становление активной позиции в отношении происходящих в языке явлений, расширение языкового пространства, развитие деятельностного интереса к русскому языку способствуют конструктивному развитию языковой личности студентов.

Таким образом, в результате применения механизмов анализа современной речевой ситуации языковая личность студента выходит на новый уровень развития, когда самостоятельная оценка происходящих в современном языке деформаций и их последствий становится позитивным фактором активного становления сознательной языковой личности.

*Шутелева Ия Александровна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры «Право и обществознание»
Института исторического и правового образования
Башкирского государственного педагогического университета
имени М. Акмуллы*

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН В ФОРМИРОВАНИИ КОМПЕТЕНЦИЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Республика Башкортостан – один из многонациональных субъектов Российской Федерации, а также территория, испытывающая воздействие динамиично развивающихся миграционных процессов, что требует формирования самостоятельной, социально ответственной личности с высоким уровнем правовой культуры. Современное правовое образование должно формировать компетенции самовыражения личности, молодежь должна самостоятельно проектировать собственное информационное поле и защищать его от негативных и деструктивных воздействий извне. Все это обязывает учебные заведения формировать толерантную образовательно-воспитательную среду, которая предусматривает разработку и внедрение образовательно-воспитательных стратегий в систему подготовки педагогических кадров, обладающих качествами свободной личности и «активного» гражданина.

Ключевые слова: формирование компетенций, правовое сознание, этнокультурная толерантность, инновации.

Республика Башкортостан не только один из многонациональных субъектов Российской Федерации, но и территория, испытывающая воздействие динамиично развивающихся миграционных процессов, влияющих на изменение этнической картины региона в сторону усиления этноконфессиональной мозаичности. Работа по развитию этнического самосознания должна сочетаться с интенсивной работой по развитию личности молодежи, воспитанию самостоя-

тельности и социальной ответственности (социальной толерантности), а также формированию высокого уровня правовой культуры.

В настоящее время на смену историко-культурному определению категории «толерантность» как «терпимость» пришло социальное понимание толерантности. Данная категория достаточно широка и включает многообразные подходы: уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, моральный долг, а

также политическую и правовую потребность. Также толерантность включает в себя обязанность каждого конкретного индивида способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма, демократии и правопорядка). Внешней формой проявления толерантности является уважение прав человека, права жить в мире и сохранять свою индивидуальность [1].

Ведущим социальным институтом, способствующим формированию менталитета толерантности, усвоению и присвоению норм толерантного поведения в российском обществе, является образование. Формирование толерантности как важной функции образования предполагает коренную трансформацию всей образовательной системы. Принцип толерантности реализуется во всех социальных отношениях и, прежде всего, в образовательном процессе.

Целью современного правового образования является создание организационно-структурной и функциональной систем формирования толерантной личности с высоким уровнем правовой культуры, адекватно реагирующей на многообразие форм социальной организации членов общества. Необходимо создать условия для самовыражения личности, молодежь должна научиться самостоятельно проектировать собственное информационное поле и защищать его от негативных и деструктивных воздействий извне, (применитель-

но к полиэтническому и социально дифференциированному региону, в первую очередь со стороны националистических и шовинистических течений и движений) в свете Декларации принципов терпимости ЮНЕСКО (1995).

Все это обязывает учебные заведения формировать толерантную образовательно-воспитательную среду, которая предусматривает разработку и внедрение образовательно-воспитательных стратегий в систему подготовки педагогических кадров, обладающих качествами свободной личности и «активного» гражданина [2]. Это предполагает, прежде всего, формирование этно-культурной компетентности:

- обеспечение стабильности в межэтнических и межконфессиональных отношениях путем развития у учащейся молодежи толерантных установок на конструктивное взаимодействие с представителями различных культур в процессе получения образования;

- создание условий, необходимых для формирования правосознания учащихся, посредством поэтапного внедрения инновационных методов правовоспитательного процесса;

- развитие навыков и умений вести научную дискуссию, формировать и отстаивать собственную точку зрения на современные политico-правовые процессы, происходящие в обществе;

- интеграцию в рамках образовательного стандарта педагогических специальностей дисциплин

юридического профиля для преодоления существующего противоречия между узкой профессиональной подготовкой и всесторонним развитием личности;

- оптимизацию инфраструктуры общества применительно к изменяющейся демографической и этноконфессиональной ситуации региона;

- повышение уровня общественной правовой образованности, защиту интересов граждан России в условиях межкультурной интеграции.

Кроме того, необходимо вводить в учебный процесс элементы практической работы студентов по оказанию юридических услуг, формировать правовое сознания обучающихся и педагогов по праву «out space», развивать у студентов профессиональные навыки: опрос клиентов, предоставление консультации, ведение переговоров, оценка дела, правовой анализ, подготовка юридических документов, проведение научных исследований в сфере практического правового образования; обеспечение углубленного изучения студентами и школьниками отдельных учебных дисциплин, а также вопросов юридической этики, этнокультурного правового образования и профессиональной ответственности; расширение сотрудничества с образовательными учреждениями общего и высшего профессионального образования в Республике Башкортостан, а также за ее пределами.

Сегодня проблема толерантности приобрела статус глобальной социокультурной проблемы, проявляющейся во всех сферах общества. В соответствии с целями, обозначенными в Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005гг.)», воспитание толерантности должна стать основным направлением деятельности всех социальных институтов и, в первую очередь, тех, кто оказывает непосредственное воздействие на формирование личности. Высшее учебное заведение как социальный институт, имеет огромные возможности для воспитания толерантного сознания [4].

Сформировав этническую, правовую и межличностную культуру общения, мы создадим устойчивую базу для формирования толерантности школьника в целом. Владение им необходимыми правовыми, психологическими знаниями и навыками бесконфликтного общения позволит обеспечить формирование толерантности и в других сферах. Педагогическая общественность призвана воспитать нового толерантного человека XXI века [5]. Это будет возможно при мощной консолидированной поддержке всего общества, всех государственных и гражданских институтов.

В правовом образовании следует учитывать положения Всемирной программы образования в области прав человека о том, что

образование, направленное на воспитание демократической гражданственности, и образование в области прав человека могут помочь развитию критического мышления и обучению жить вместе. Они поощряют взаимопонимание, межкультурный диалог, солидарность, тендерное равенство и гармоничные отношения внутри народов и между народами, пробуждают чувство принадлежности к общечеловеческим ценностям и принципам свободы, политического плюрализма, прав человека и верховенства закона и содействуют пониманию этих ценностей [6].

Идея создания современной модели образования – это не плод отвлечённых теоретических рассуждений, напротив, речь идёт о том, чтобы в рамках развития национального проекта поддержать наметившиеся позитивные тенденции, те методы и базовые принципы, которые демонстрируют свою эффективность, в частности, – ставку на лидеров, способных обеспечить развитие сферы образования и науки в целом. В широком смысле речь идёт о возрождении российской образовательной системы, прежние успехи которой общеизвестны. Это призвано сыграть решающую роль в формировании нового поколения профессиональных кадров [7]. Безусловно, в формировании интеллектуальной элиты общества ключевую роль призваны сыграть научные-гуманитарии, поскольку подготовка специалиста в современном учебном заведении предполагает

как формирование профессиональной компетентности, так и формирование компетентности социальной, являющейся основой успешности личности. Обучение в вузе должно быть ориентировано не только на усвоение узкоспециальных знаний, сколько на овладение учащимся всем многообразием культурных ценностей, на формирование навыков получения, анализа интеллектуальных ресурсов, умения применять эти знания для решения конкретных проблем [8].

Становление гражданского общества в современной России вряд ли возможно без воссоздания феномена «активного гражданина». К сожалению, социальная ответственность и гражданская активность значительной части молодёжи невысоки. Степень социально-политической ответственности молодёжи зависит от уровня гражданского чувства, степени сформированности гражданской идентичности, индивидуальной трактовки гражданственности. В само понятие «право» сегодня вкладывается существенно иной смысл, чем это было на протяжении предшествующих десятилетий. Понимание права как меры свободы, нормативно закрепленной справедливости выводит право на принципиально иную взаимосвязь со стратегическими целями воспитания молодёжи, чем та, при которой оно рассматривалась как совокупность законов и как средство принуждения в руках командно-бюрократической системы. Такое понимание не могло не повлиять

как на цели, так и на само содержание правового образования.

Современная парадигма российского образования предполагает разумную интеграцию идей свободы и достоинства личности и полезности обществу и государству.

Литература

- [1] Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М., 2001.
- [2] Российская педагогическая энциклопедия [Текст]. Т. 1. М., 1993.
- [3] Селиванова Н.Л. Воспитательная система и воспитательное пространство – эффективные механизмы воспитания личности. Воспитать человека [Текст]: Сборник нормативно-правовых, научно-методических, организационно-практических материалов по проблеме воспитания / Под.ред. В.А. Березиной, О.И. Волжиной, И.А. Зимней. М., 2003.
- [4] Жукова О.Г. Проблема становления толерантности как компонент процесса активизации профессионально-личностного развития студентов вузов // Казанский педагогический журнал. 10 (64). 2008.
- [5] Зинченко В.П. Толерантность в неопределенности: новость или психологическая традиция // Вопросы психологии. М., 2007.
- [6] Давыдов Ю.С. Семейное воспитание в парадигме этнопедагогики // Проблема семьи и семейной педагогики: теория и практика, история и современность. Пятигорск, 2007.
- [7] Собкин В.С. Студент педагогического вуза: жизненные и профессиональные перспективы. М., 2007.
- [8] Безюлева Г.В. Бондырева С.К., Шеламова Г.М. Толерантность в пространстве образования: учебное пособие. М., 2005.

Соловьев Николай Николаевич
аспирант кафедры «Социально-культурная деятельность»
Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

Кризис, поразивший экономическую и политическую жизнь страны, в наибольшей степени сказался на духовной культуре народа. Особая роль принадлежит воспитанию у молодежи правовой культуры. Мировая практика и отечественный опыт свидетельствуют о необходимости правового регулирования социально-культурной жизни общества в любой стране и в особенности в кризисные периоды общественного развития. Переход к новым парадигмам социально-культурной деятельности в обществе, к новому соотношению ролей и возможностей личности, общественных организаций, государства, к новому содержанию прав и обязанностей в этой области возможен лишь как результат новой культурной политики российского государства.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, правовая культура, молодежь, культурная политика.

В последние десятилетия произошли поистине грандиозные перемены в социально-экономической и духовной жизни россиян, что настоятельно требует осуществления целого комплекса программ, направленных на смягчение социальной напряженности в обществе, связанной с ростом безработицы, с переходом к условиям новой экономической системы.

Духовная жизнь российского общества сегодня сложна и противоречива. С одной стороны, наблюдаются позитивные перемены, связанные с раскрепощением сознания народа, существенной активизацией социально-культурного творчества различных категорий и групп населения, расширением ко-

личества видов и форм художественного творчества, обогащением спектра культурных инициатив за счет развития различного рода общественных объединений, движений, клубов, ассоциаций. Исчезает чувство культурной изоляции, в культурную память возвращаются многие художественные ценности, несправедливо преданные забвению. Становится востребованным и во многом заново осваивается огромный гуманитарный потенциал русской культуры – философская, культурологическая, социологическая, психологическая, экономическая мысли, православное богословие. Восстанавливается в своих правах религиозная культура народов России [1, с.19-34.].

С другой стороны, резко обострились негативные тенденции и процессы в духовной жизни общества. Как правило, распад общественного организма начинается в том его звене, которое не в состоянии оказать сопротивление воздействующей на него силе. Сегодня таким звеном оказалась духовная культура, защитные силы которой были существенно подорваны предшествующей эпохой.

Кризис, поразивший экономическую и политическую жизнь страны, в наибольшей степени сказался на духовной культуре народа, ее правовых основах.

Право тесно связано с развитием демократии, требующей четких принципов государственного управления и широкого участия граждан. Выступая как важное и необходимое орудие государственного управления, право является важным показателем положения личности в обществе и государстве. Существуют и другие области, где право и политика органически сочетаются, однако отношения права принципиально отличаются от отношения власти, которое является основой политики.

Сегодня важнейшей задачей культурной политики государства является деидеологизация сферы культуры. Мировая практика и отечественный опыт свидетельствуют о необходимости правового регулирования социально-культурной жизни общества в любой стране и в особенности в кризисные периоды

общественного развития. Суть права в области культуры – гарантия свободы социально-культурной деятельности личности посредством гармонизации отношений различных субъектов культуры: личности, социума и государства.

В современном мире правосознание в этой области преодолело крайности деэтатизма 1960-1980-х годов и учитывает необходимость государственного участия в культуре посредством принятия на себя обязанностей гаранта ее свободы, материальной поддержки, защиты национального культурного достояния, регулирования отношений собственности, обеспечения национально-культурной автономии, доступности к культурным ценностям и социально-культурной деятельности социально не защищенных слоев населения.

Типологизация и упорядочивание проблем осуществляются в соответствии с морфологической моделью культуры. Она включает в себя два уровня социально-культурной деятельности: специализированный и обыденный.

Отсюда и определяются основные социально значимые проблемы, которые могут быть решены средствами социально-культурной политики. В их состав входят:

- хозяйственная структура;
- политическая культура;
- правовая культура;
- социально значимое знание.

- проблемы социализации и инкультурации.

Особая роль в решении социальных проблем отводится воспитанию у молодежи правовой культуры. По мнению А.Я. Флиера, *правовая культура* (специализированная – право, юриспруденция, система охраны общественного порядка и регуляции правовых отношений; обыденная – мораль, нравственность, общественное мнение) входит в область культуры социальной организации и регуляции поведения человека [3].

Правовая культура, являясь элементом общей культуры, представляет собой обусловленное социально-экономическим и политическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражющееся в достигнутом уровне развития юридических актов и иных текстов правового характера, уровне правовой деятельности, правосознания и в целом правового развития субъекта, а также в степени гарантированной государством свободы поведения личности в единстве с ее ответственностью перед обществом.

При исследовании структуры правовой культуры следует ориентироваться на структуру правовой жизни общества, так как анализ культуры в структурном плане представляет собой анализ социальной структуры общества в целом или отдельных его сфер под углом зрения качественного состояния такой структуры. Следовательно, структура духовной культу-

ры есть не что иное, как структура духовной сферы общественной жизни, а структура правовой культуры – структура правовой сферы общественной жизни.

В настоящее время правовую культуру определяет уровень развития правовой деятельности. От правотворческой деятельности, её уровня развития и качества существенно зависит правовая культура. При осуществлении правотворчества должны соблюдаться принципы законности, научности, демократизма, системности.

Соответственно влияет на правовую культуру и правореализация, в частности, правоприменение – властная деятельность компетентных органов, осуществляющих индивидуальное регулирование общественных отношений, имеющая своей целью воплотить содержание правовых норм в жизнь. На качество правоприменительной деятельности оказывает влияние множество факторов: структура государственного аппарата, порядок взаимодействия его органов, профессионализм правоприменителя, его культура и многое другое.

Правовую культуру определяет также степень совершенства всей системы нормативно-правовых актов, в которых выражается и закрепляется право данного общества.

Правовая культура личности – это то, как личность осознаёт, понимает, оценивает, осуществляет права, свободы и выполняет обязанности. А сама реализация прав, свобод и обязанностей и особенно

степень активности при реализации находятся в существенной зависимости от того, насколько правильно они осознаются и оцениваются личностью. Правовая активность является высшим уровнем правовой культуры личности. Она проявляется в готовности личности к активным сознательным, творческим действиям, как в сфере правового регулирования, так и в сфере реализации права, а также в законности поведения.

В целом правовая культура имеет несколько уровней:

- индивидуальный – на уровне отдельной личности;
- корпоративный – на уровне социального объединения, коллектива;
- общий – на уровне общества в целом;
- цивилизационный или общечеловеческий, включающий в себя правовую культуру человеческой цивилизации в мировом масштабе.

В данной работе основной акцент мы делаем на проблему формирования правовой культуры молодежи. Анализ различных аспектов становления личности подтверждает комплексный характер формирования социально-культурного опыта подрастающего поколения и убедительно показывает, что эффективность этого процесса зависит от того, насколько он педагогически осознан, корректно управляем, насколько стал предметом обучения и воспитания.

В современных принципиально новых условиях наше общество не может довольствоваться старыми, замкнутыми в узких рамках педагогических учреждений представлениями о формировании личности.

Методологическим ядром нового педагогического мышления является тезис о том, что формирование личности осуществляется более сложным путем, чем усвоение целенаправленных воздействий, содержащих разнообразные правила и предписания.

Воспитание в традиционном педагогическом смысле может сыграть важную роль только в том случае, если будет взаимодействовать с теми нормообразующими силами, которые возникают как продукт непосредственного социального взаимодействия.

Попытки реального приобщения людей к политике, экономике, социальному творчеству на протяжении последнего десятилетия ввели в наш повседневный обиход такие категории, как политическое, социальное, экономическое действие. Постепенно начинает преодолеваться старая болезнь социокультурной сферы – обилие слоев и дефицит активного действования. Пока еще робко, но обнадеживающе обозначается тенденция превращения подобных действий в одну из новых составляющих практической самоорганизации и само выражения пробуждающихся сил гражданского общества.

В условиях кризисного развития общества особенно важно формировать у людей такие качества, как толерантность и эмпатию, учить построению продуктивного диалога, прививать умение приходить к консенсусу при решении любых жизненных вопросов. Социокультурная сфера представляет собой уникальное пространство для развития процесса свободного группообразования и формирования правовой культуры [4, с.59-68.].

Рассматривая специфику социально-культурной деятельности как проявление ее сущностного начала и назначения в обществе, необходимо остановиться на проблеме включенности социально-культурной деятельности в общественные отношения. В этом случае социально-культурную деятельность можно охарактеризовать как неотъемлемую часть жизнедеятельности общества и эффективное средство формирования личности.

1. Социально-культурная деятельность является одним из элементов духовной жизни общества. Она формирует духовный мир общества и человека, обеспечивает общество в целом дифференциированной системой знаний и ориентаций, необходимых для осуществления всех видов культуроформирующей деятельности. Она доносит и включает в личностное поведение идеи, нормы, значения и цели, которые необходимы обществу в регуляции всего разнообразия своей деятельности. Социально-культурная деятельность способствует

духовной интеграции общества и различных его групп.

2. Социально-культурная деятельность включена в политические процессы, происходящие в обществе. Именно в сфере свободного времени происходит борьба между партиями и движениями, имеют место политические формы работы пропагандистской направленности. Социально-культурная деятельность может выступать как сопутствующая деятельность по отношению к политической (политические движения, деятельность политических лидеров, политико-предвыборные кампании).

3. Социально-культурная деятельность является частью социально-экономической жизни общества. Она объединилась в целую производственную отрасль. Как и любая другая отрасль, социально-культурная деятельность имеет собственную сеть предприятий и трудовых коллективов, органов административного и методического руководства, научных центров и учебных заведений, систему экономического учета и отчетности.

4. Социально-культурная деятельность независимо от характера и сферы проявления призвана решать важнейшие социальные задачи:

- изучение, удовлетворение и повышение духовных потребностей и интересов личности;
- формирование общественно значимых качеств личности;
- развитие творческих способностей;

- создание благоприятной культурной макро- и микро среды;
- организация социальной помощи и социально-психологической реабилитации через социокультурные формы деятельности.

Таким образом, социальная значимость социально-культурной деятельности обусловлена проникновением ее во все сферы жизнедеятельности общества.

Одним из условий оптимизации этого процесса является расширение возможностей социально-культурной деятельности в плане стимулирования процесса социализации, инкультурации и самореализации личности [5, с.16-28].

Переход к новым парадигмам социально-культурной деятельности в обществе, к новому соотношению ролей и возможностей личности, общественных организаций государства, в культуре, наконец, к новому содержанию прав и обязанностей в этой области возможен лишь как результат новой культурной политики российского государства. Такая политика нуждается в ее правовом обеспечении.

Однако правовая культура не-мыслима в обществе, где нарушаются законы, не соблюдаются элементарные права и свободы человека, где правопорядок сталкивается с массовым произволом должностных лиц, неконтролируемым уровнем преступности и т. д. [6].

Таким образом, правовая культура как важная составляющая культуры человечества актуализи-

рует те пластины ценностного опыта, которые в наибольшей степени «озвучны» ее исходным установкам, складывающимся на базе соответствующих социально-экономических факторов.

В контексте общего определения правовую культуру можно представить как совокупность норм, ценностей, юридических институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социоправовой ориентации людей в конкретном обществе (цивилизации).

Правовая культура занимает обособленное место в социокультурном пространстве. Полностью она не совпадает ни с одним видом культуры (материальной, духовной, политической и т. д.), создавая своеобразное, уникальное сочетание как материальных, так и идеальных, духовных компонентов.

Литература

- [1] Марков А.П. Отечественная культура как предмет культурологии: Учебное пособие для студентов вузов культуры, искусства, педагогических и гуманитарных вузов. СПб., 1996.
- [2] Ариарский М.А. Прикладная культурология. 2-е изд., испр. и доп. СПБ., 2001.
- [3] Флиер А.Я. Культурология для культурологов. Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М., 2000.

- [4] Стрельцов Ю.А. Культурология досуга: Учебное пособие. Изд. 2-е. М., 2003.
- [5] Первушина О.В. Социально-культурная деятельность (теоретические основы): Учебное пособие для студентов дневного и заочного отделений по специальности 053100 «Соци-
- ально-культурная деятельность» / Алтайский государственный институт искусств и культуры. Барнаул, 2002.
- [6] Сальников В.П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства // Демократия и законность. Самара, 1998

Абдуллина Зишана Меметовна

кандидат культурологии, доцент кафедры «Истории Отечества, философии и политологии» Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ЗАНЯТИЯ ПО КУРСУ «КУЛЬТУРОЛОГИЯ»)

В статье рассматриваются вопросы модернизации современного гуманитарного образования в вузе, внедрения в учебный процесс инновационных дидактических технологий и компетентностно-модульного подхода в подготовке специалиста. На примере экспериментального занятия по курсу «Культурология» автор убедительно доказывает эффективность использования технологии дидактического дизайна в обучении специалистов гуманитарного профиля.

Ключевые слова: культурология, инновационные технологии, экспериментальные занятия, компетентностно-модульный подход.

Процессы качественного изменения образования в России затрагивают фактически каждое учебное заведение. Особая ответственность ложится на вузы, где подготовка специалиста выходит за рамки традиционной знаниево-ориентированной модели, неизбежно уступающей место компетентностному и модульно-рейтинговому подходу. Вопрос модернизации образования становится еще более актуальным накануне 2010 года, отмеченного в «Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий» в качестве определяющей точки оценки научных и педагогических достижений за более чем десятилетие развития просвещения в стране (хронологической точкой отсчета периода модернизации принято считать 1997 год) [1].

Отдельной темой для обсуждения в научных кругах является проблема развития социокультурного образования. Исследования последних лет показывают, что гуманитарное образование перестало быть приоритетным в нашей стране, а такие дисциплины, как история, филология, философия, культурология, педагогика, рассматриваются студентами, как «дисциплины-аутсайдеры» [2]. В связи с этим актуальным видится анализ возможностей использования прогрессивных дидактических технологий в преподавании гуманитарных дисциплин с целью обеспечения лучшего результата мотивационных, ценностных и когнитивных составляющих обучения.

Компетенция является базовой категорией качества современного образования. Для ее достижения

необходимо овладение учащимися определенным набором компетентностей. В контексте изучения гуманитарных предметов особую актуальность приобретают социальные компетенции выпускника, базирующиеся на информационную и коммуникативную компетентности (навыки и умения в области сотрудничества, уважение к другим расам, нациям, религиям, народам, кросс-культурное общение и т. п.). Приобретение этих компетентностей обеспечивает индивидуализацию, социализацию, инкультурацию и, наконец, профессионализацию личности как важнейшего условия ее дальнейшей конкурентоспособности на рынке труда.

Совершенствование образовательного процесса на компетентностной основе в рамках технологии модульного обучения функционально сочетается с элементами дидактического дизайна. В этом случае интегрируются образная, текстовая, звуковая и другие виды информации, что позволяет более полно и адекватно представить изучаемые и моделируемые реальные процессы и явления. Социальное значение интеллектуальных дидактических технологий велико: они опираются на сложные психические процессы творчества, которые приносят человеку наибольшее удовлетворение, так как дают ему возможность творческого самовыражения.

Дидактический дизайн, как и традиционный, использует различные знаковые системы и технику графического оформления, но, в то

же время, опирается на антропологические основания, необходимые для придания природосообразности объектам проектирования и для работы с ними. К подобным основаниям относятся особый механизм отражения информации, оперирующий схемными и модельными формами представления знаний, применяемых в новых технологиях обучения, и психологофизиологический механизм ориентации человека в материальных и абстрактных пространствах, предопределяющий радиально-круговой пространственный характер организации чувственно-образных и вербально-логических форм мышления [3].

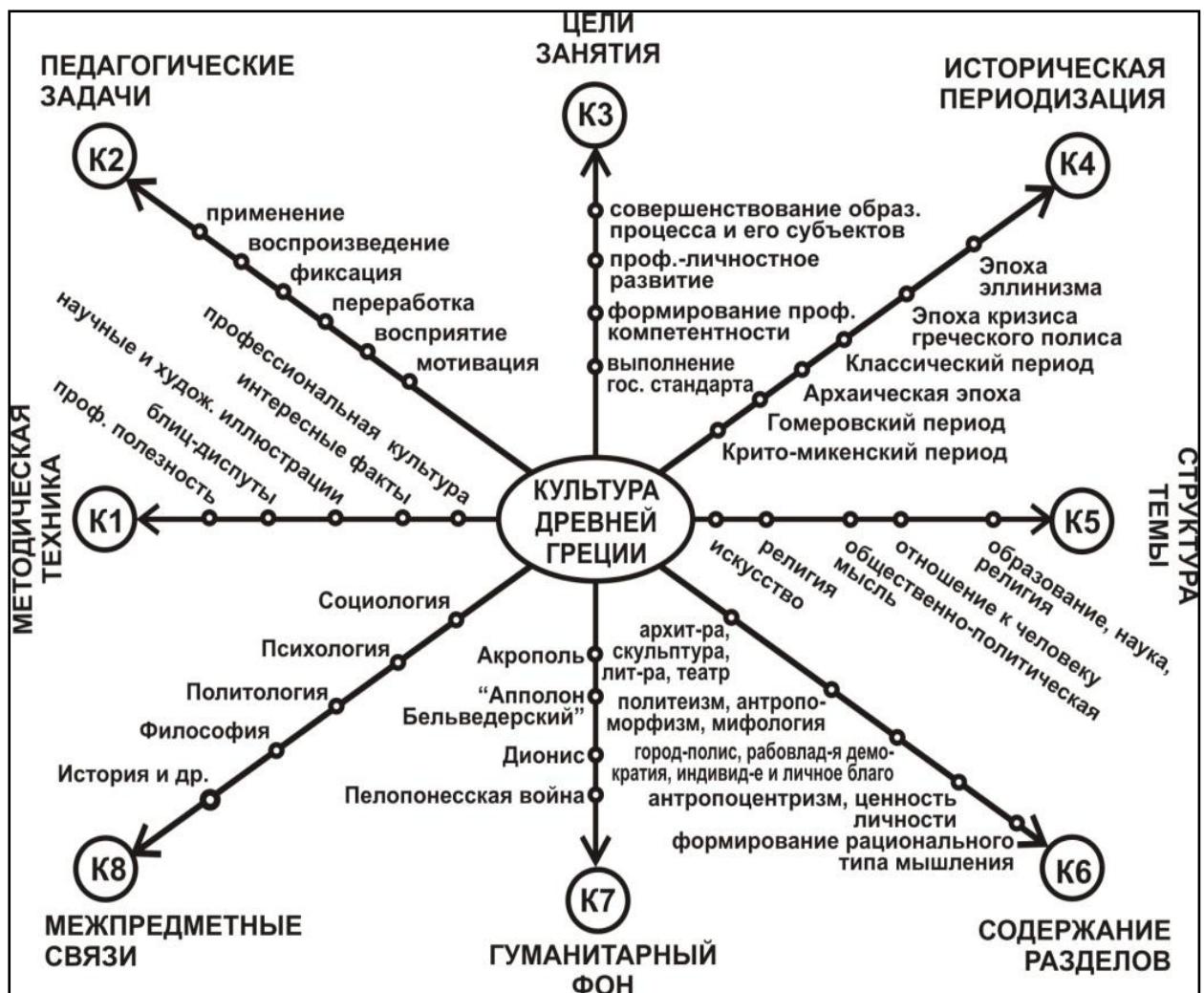
В качестве педагогического эксперимента на базе Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений был реализован проект «Дидактический дизайн: модульно-рейтинговые технологии подготовки специалистов на компетентностной основе». Ведущей научной идеей стало проектирование и преподавание учебных предметов таким образом, чтобы полученные знания и умения по каждой теме-модулю, с одной стороны, формировали профессиональную культуру выпускника, с другой – поддерживали квалификационные требования на основе сущностных межпредметных связей. Данный подход предусматривал одновременно и модернизацию образовательной системы вуза, и ее технологизацию на основе методов и средств дидактического дизайна.

Исходной точкой практической реализации проекта на начальных этапах стала опытно-поисковая разработка и экспериментальная апробация темы «Культура Древней Греции» по курсу культурологии для студентов первого курса. Подготовка велась в соответствии с требованиями к многомерным модулям в рамках дидактического дизайна. При этом многомерность понималась как «свойство дидактических инструментов представлять разнородные элементы знаний в многокоординатной форме на плоскости листа или доски подобно тому, как с помощью направлений «север-юг-запад-восток» описывается материальное пространство» [4]. Сценарий занятия строился с учетом основных этапов учебно-познавательной деятельности: предметно-ознакомительного, аналитико-речевого и моделирующего. Были предусмотрены и такие важные компоненты учебного процесса, как дидактическое обеспечение, деятельность учащегося, контроль результатов, креативная работа, контакт с профессиональной компетентностью, активизация компонентов мышления [3]. Разработка темы велась в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта, с учетом модульной системы и компетентностного подхода.

Изучение культурологии, как и других гуманитарных наук, с использованием технологии дидактического дизайна предполагает видение многомерного образа темы,

прежде всего, самим преподавателем. В процессе проектирования логико-смысловой модели были определены цели и педагогические задачи занятия, основные элементы методической техники, содержательные составляющие изучаемого объекта (рис.1). Используя материалы представленной модели, можно представить ход занятия. На первом предметно-ознакомительном этапе следует создать чувственный образ древнегреческой культуры. Уместно привести семантические признаки культурного образа, выделив наиболее яркие из них. На экран проецируется символ расцвета греческого социально-политического, религиозного и эстетического сознания – архитектурный комплекс Акрополь (немаловажно, что некоторые элементы этого памятника сохранились до сих пор). Позже тема греческой архитектуры еще будет подробно рассмотрена, но аналитическая работа уже началась. Первоначальная мотивация подкрепляется нахождением связи между изучением данной темы и формированием профессиональной культуры студентов. Так, работая с юристами, необходимо обратить особое внимание на источниковый характер древнегреческой культуры, влияние основ эллинской философии, искусства, религии и науки на всю мировую культуру. Такие компетентности юриста, как коммуникативные способности, правовое творчество, критическое

Рисунок 1. Модуль «Культура Древней Греции» с позиции преподавателя

мышление, способность к оценке и разрешению проблемных ситуаций и, наконец, интеллектуальный потенциал, во многом зависят от уровня усвоения культурного опыта человека, в том числе – от уровня знания культуры Древней Греции, которую по праву называют сокровищницей мировой цивилизации.

Для лучшего представления изучаемой темы переходим к исторической периодизации греческой культуры, не забывая о логическом компоненте занятия и проблеме восприятия. Допустим, в процессе

историко-хронологического структурирования на экране последовательно появляются изображения: Крито-микенский период – Кносский дворец или Гомеровский период – бюст Гомера и т. п. В целях более эффективного усвоения материала параллельно можно сообщить интересные факты, например, заинтриговать учащихся вопросом «Гомеровский период назван по имени великого поэта, но действительно ли он является истинным автором знаменитых “Илиады” и “Одиссеи”?». Для фиксации знаний

студентов можно устроить блицдиспут по спорному вопросу.

Следующий вектор нашего модуля непосредственно связан с структурными разделами темы. Важно, что данная структура применима практически ко всем темам по культурологии, касающимся истории культуры. Выглядит она следующим образом: Общественно-политическая мысль – Искусство – Религия – Отношение к человеку – Образование, наука, философия. В зависимости от важности того или иного элемента структуры можно менять разделы местами.

Без продолжительной паузы моделируем следующую линию схемы – содержание разделов (рис. 1, 2). В то же время не стоит забывать о фиксации студентами важных определений, терминов, понятий. Таким образом, активно реализуются два механизма дидактической технологии: аналитико-речевой и моделирующий. Содержание главных разделов дает богатую пищу для размышлений. Учащиеся выводят формулы и строят схемы. Вводим круговые взаимосвязи между ветками «Историческая периодизация» – «Структура» – «Содержание разделов» и получаем формулу, например, на тему «Особенности культуры в эпоху кризиса греческого полиса»: Кризис греческого полиса – Общественно политическая мысль – Утрата духа патриотизма, подчинение македонскому государству (Филипп II) – Искусство – Индивидуализация искусства, интерес к индиви-

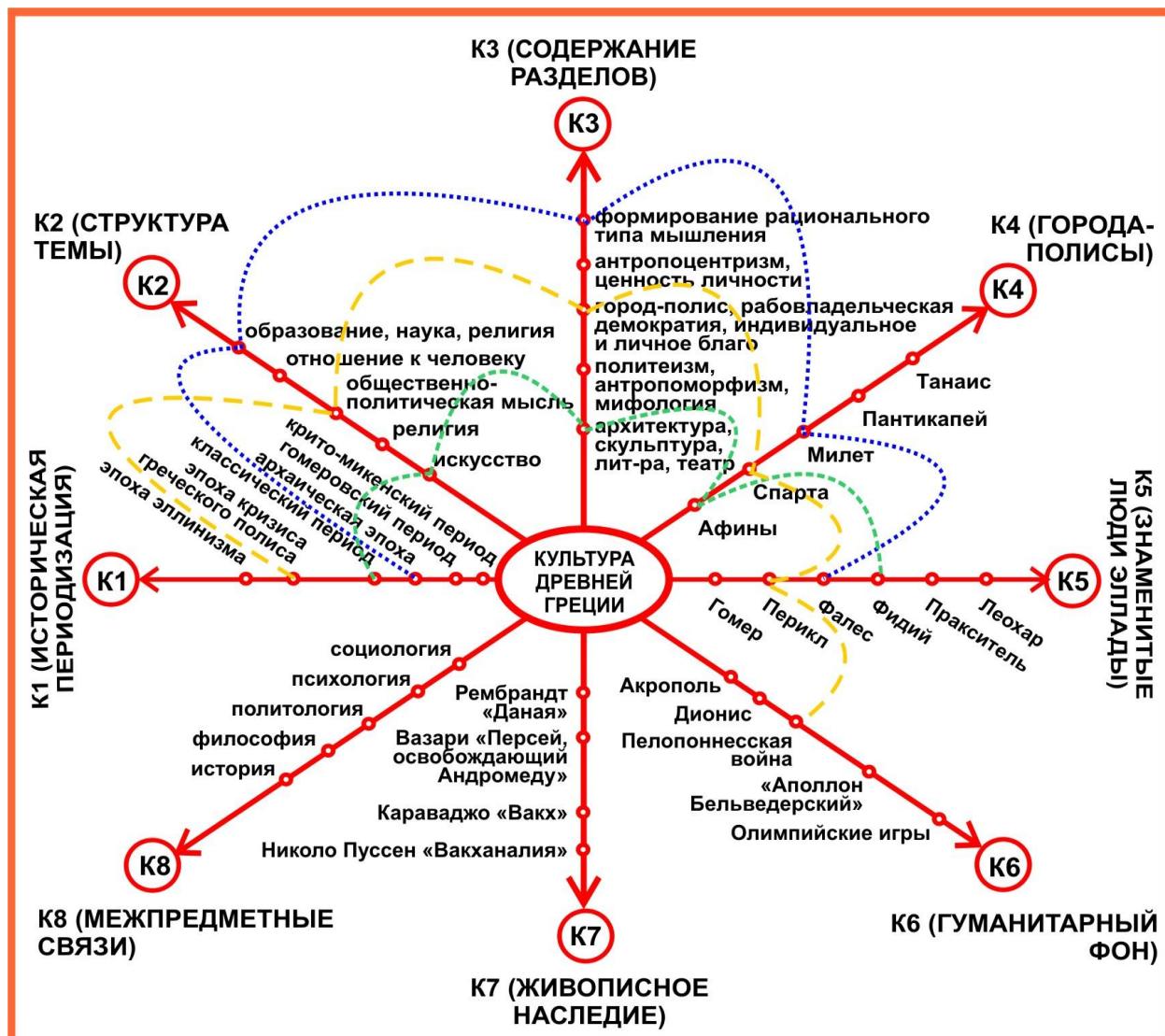
дуальному строению тела человека (Практистель) – Философия – Поиск выхода из социально-политического кризиса, построение идеальных моделей государства (Платон).

Переработке и воспроизведству полученной информации способствует присутствие гуманитарного фона, выраженного в символических и знаковых элементах греческой культуры. Это могут быть шедевры искусства, знаменитые представители греческой культуры, культы наиболее значимых богов. В качестве креативного компонента в заключительной части занятия можно применить методику создания логических цепочек, составления кроссвордов, поиска ключевых понятий по изученной теме.

Традиционное подведение итогов в заключительной части занятия должно быть связано с нахождением межпредметных взаимосвязей с гуманитарными дисциплинами в контексте изучения данной темы. Особенно важно акцентировать внимание студентов на важность знания культуры Древней Греции для их профессиональной компетенции.

Поисково-теоретические разработки, включающие гипотетическое проектирование учебного материала, находят свое продолжение в реализации проекта на практике. Требуется модель, где изучаемый объект выступает в качестве системы, то есть комплекса элементов и связей, образующих во взаимодействии единое целое (рис. 2).

Рисунок 2. Модуль «Культура Древней Греции» с позиции студента

Для лучшего понимания и усвоения учащимися материала занятия в предварительную модель вводятся новые опорно-узловые каркасы: «Города-полисы», «Знаменитые люди Эллады», «Живописное наследие». В качестве эксперимента студентам в заключительной части предлагается самостоятельно заполнить незаполненные ячейки координат и узловые элементы схемы (с привлечением технических средств), что в резуль-

тате должно привести к полному воспроизведению модели.

Опытно-поисковая апробация темы позволяет сделать некоторые выводы. Они представлены в виде временной диаграммы (рис. 3), построенной на основе опыта эмпирической рефлексии с попыткой структурирования оцениваемой информации о проведенном занятии и ее предварительного шкалирования.

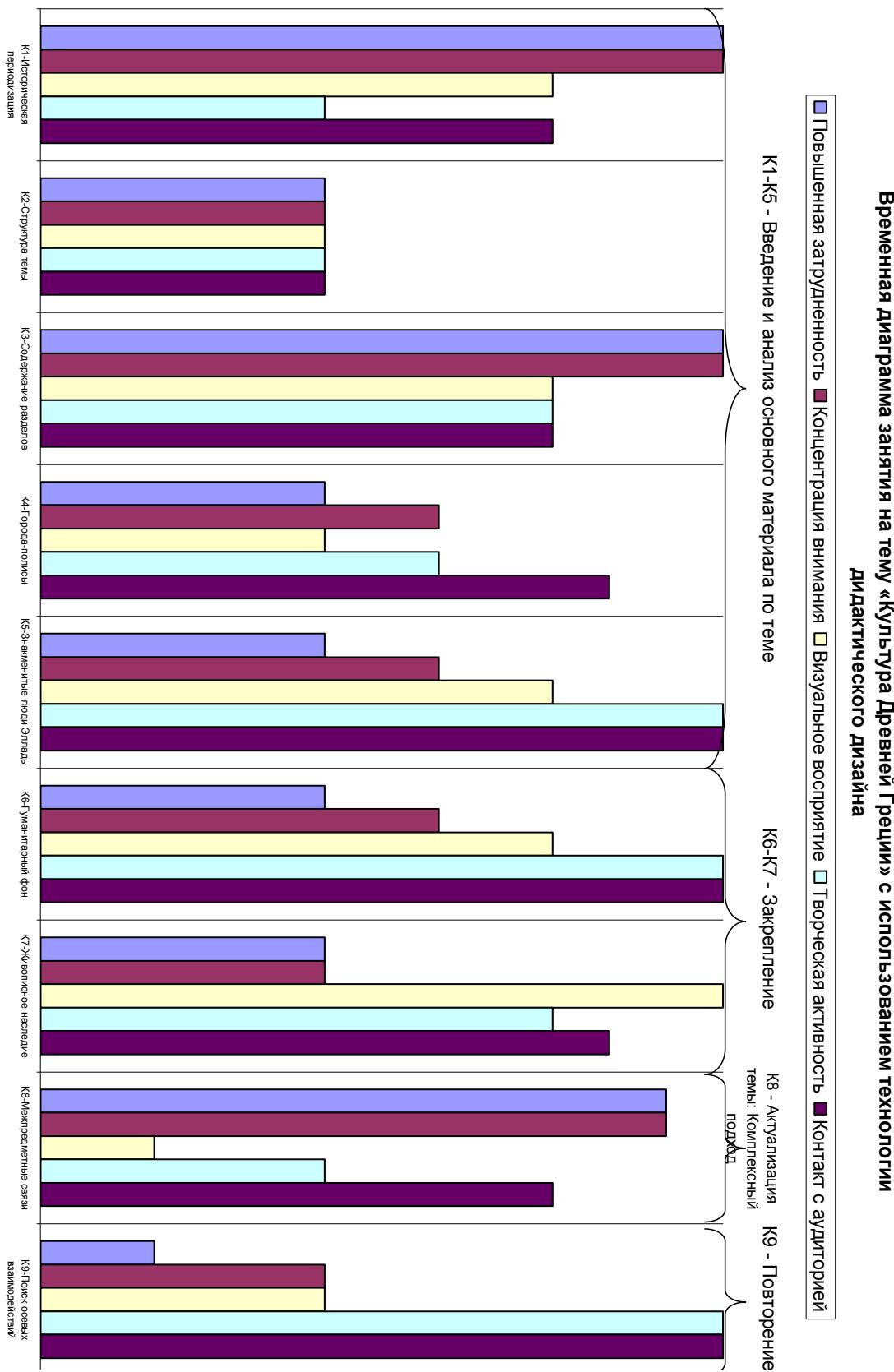

Рисунок 3. Временная диаграмма занятия на тему «Культура Древней Греции» с использованием технологии дидактического дизайна

Диаграмма составлена в соответствии с многомерной схемой занятия, где основное внимание уделяется проблемным зонам экспериментальной лекции. Остановимся подробнее на отдельных моментах.

Периодизация древнегреческой культуры представлена на первом векторе неслучайно. Здесь содержится большой объем информации, хронология основных событий и конкретного периода в целом, рассматривается влияние общего исторического фона на формирование уникальных особенностей культуры, историко-культурная преемственность, роль личности в социальном развитии. В связи с этим возможны трудности в восприятии материала. Идет систематизация знаковых событий, выстраивание хронологической цепочки, складывается целостная картина культуры Древней Греции. Соответственно, данный материал попадает зону повышенного внимания. Визуальное восприятие пока не играет повышенной роли. Отдельные изображения, например, архитектура и живопись Кносского дворца, лишь оживляют теоретический поток, обогащая его «живыми» сюжетами (рис. 3). В первом блоке занятия идет работа лектора, творческая активность слушателей пока на низком уровне, но вместе с тем контакт с аудиторией постепенно налаживается, идет процесс «вхождения» в тему.

На оси К2 представлена структура темы. Для культурологии в це-

лом, а особенно для истории культуры, вполне закономерно выделение подобных содержательных блоков (рис. 2). Они становятся универсальными при изучении различных цивилизаций. Диаграмма показывает, что введению структуры в учебный процесс соответствуют заниженные характеристики учебной и познавательной деятельности. Название каждого раздела озвучивается и показывается на схеме, но большого внимания этому не уделяется.

Введение структуры предполагает подробное рассмотрение ее отдельных элементов. Ось К3 «Содержание разделов» служит этой цели. Как и в случае изучения исторической периодизации, мы сталкиваемся здесь с некоторыми трудностями восприятия и необходимостью повышенного внимания. В качестве стимуляции познавательного процесса выступает разнообразный иллюстративный материал. Так, в блоке «Мифология» схематично представлено генеалогическое древо древнегреческих богов и героев, а в блоке «Искусство» – показать шедевры архитектуры и скульптуры, выделить наиболее яркие имена в области литературы и театрального искусства. Контакт с аудиторией, активизация креативной деятельности проходят по принципу «сделай новый шаг, не забывая о пройденном пути». Так, рассуждая об Акрополе, вспоминаем классический период с его особенностями, выделяем исторический аспект. В диаграмме ото-

бражено соотношение основных показателей занятия на данном этапе, когда восприятие особенно затруднено и от учащегося требуется повышенное внимание и высокий уровень визуального восприятия, творческой активности и навыков в ведении дискуссии.

Свообразной интеллектуальной разрядкой является изучение блоков темы, отображенных на осьах К4, К5. Доминирующую роль играют контакт с аудиторией, мотивация творческой активности. Декламируемый материал воспринимается без особых трудностей и не требует повышенного внимания. Важно расставить акценты при изучении городов-полисов, выделить их яркие особенности, показать могущество греческой цивилизации, простирающейся в определенные исторические периоды до близких к нам современных Ростовской области и Крыма (полисы Танаис и Пантикопей). В разделе «Знаменитые люди Эллады» необходимо представить деятелей различных сфер культуры, отметить значение их творчества для развития греческой цивилизации.

Заполнение гуманитарного фона (ось К6) и рассмотрение живописного наследия (ось К7) выполняют функцию закрепления основного материала. Как показано на диаграмме, прохождение данного этапа не вызывает сложностей в понимании, обсуждение носит больше игровой характер. Богатую пищу для размышлений дают ше-

девры живописи, в которых отражается все величие античной культуры. С опорой на картины знаменитых художников можно обсудить мифологию Древней Греции, яркие персонажи ее истории, сделать вывод, что многие современные достижения искусства «уютят корнями» в античность.

Трудности возникают на следующей стадии занятия при анализе межпредметных связей (ось К 8). Следует подчеркнуть, что знание культуры Древней Греции является неотъемлемой частью комплексного гуманитарного образования, которое, в свою очередь, формирует базовые характеристики профессиональной компетенции. В помощь приходит дискуссия с учащимися на данную тему, визуализация материала при этом отходит на второй план.

Последним блоком диаграммы и, соответственно, занятия является поиск осевых взаимодействий. Идет повторение изученного материала, учащимся предлагается найти взаимосвязь между отдельными узлами логико-смысловой модели. На первое место здесь выходят такие показатели, как творческая активность и контакт с аудиторией.

Анализ занятия убеждает в том, что использование инновационных технологий при изучении одной из гуманитарных дисциплин соответствует требованиям времени в плане модернизации образовательных подходов. В перспективе

конечной целью проекта является создание единого компетентностно-ориентированного модуля по всему комплексу гуманитарных дисциплин. Каждое занятие, построенное согласно дидактической многомерной технологии, начиная от преподавания общеобразовательных дисциплин и заканчивая узкоспециальными предметами, является важным шагом к достижению профессиональной компетенции специалиста.

Литература

- [1] Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 65-86.
- [2] Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России // Вопросы образования. 2005. № 4. С. 152-163.
- [3] Штейнберг В.Э. Дидактические многомерные инструменты: теория, методика, практика. М., 2002.
- [4] Штейнберг В.Э. Технологические основы педагогической профессии: учебно-методическое пособие. Уфа, 2002.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Поздравляем с защитой!

Профессор кафедры «Менеджмент», доктор с.-х. наук Валерий Васильевич Жилин успешно защитил вторую докторскую диссертацию по специальности 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством (15. Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексам: АПК и сельское хозяйство). Тема диссертации: «Повышение эффективности производственных процессов в пчеловодстве (теория, методология, практика)».

Защита состоялась 6 октября 2009г. на заседании Диссертационного совета Д 006.031.01 при ГНУ Всероссийском научно-исследовательском институте экономики сельского хозяйства РАСХН (г. Москва).

Старший преподаватель кафедры «Экономика» **Бесчастнова Наталья Вячеславовна** защитила кандидатскую диссертацию по специальности 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством (Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексам – сфера услуг); (АПК и сельское хозяйство). Тема диссертации: «Организационно-экономические аспекты повышения эффективности консультационных услуг в сельскохозяйственном производстве (на примере личных подсобных хозяйств Республики Башкортостан)». Защита состоялась 18 ноября 2009г. в Диссертационном совете ОУП «Академия труда и социальных отношений» (г. Москва).

Поздравляем с победой!

В Берлине завершил свою работу конгресс по нано технологиям «Nanotech Europe 2009» (28-30 сентября 2009г.). В его работе приняли участие ведущие ученые, специалисты и руководители крупнейших фирм в области нано технологий из 50 стран мира.

Россию на конгрессе представляли ученые из МГУ им. М.В. Ломоносова, Российского научного центра «Курчатовский институт», СПбГУ и др. Ученых Республики Башкортостан, занимающихся разработками в области нано технологий представлял, профессор Башкирского института социальных

технологий Михаил Юрьевич Доломатов.

Професор М.Ю. Доломатов в своем докладе «Простые методы определения электронной структуры материалов и молекул для наноэлектроники» представил метод исследования электронной структуры молекулярных устройств и нано материалов, разработанный совместно со своими аспирантами.

Результаты работы ученых могут быть использованы при изучении электронной структуры органических молекулярных транзисторов – основных устройств для молекулярных компьютеров будущего. Результаты исследования М.Ю. Доломатова получили высокую оценку специалистов и были удостоены Диплома «Nanotech Europe 2009» III степени.

Башкирский институт социальных технологий завоевал сразу два диплома в рамках Всероссийского Форума «Образовательная среда – 2009», проходившего в Москве с 29 сентября по 2 октября 2009г.

Мероприятие было посвящено современным и перспективным направлениям развития российской системы образования. Представленный вузом на выставке инновационный проект был отмечен дипломами Федерального агентства по образованию «За разработку и демонстрацию проектов, направленных на модернизацию российского образования» и «За разработку и внедрение социальных технологий и гуманитарных инноваций проектирования системы социального партнерства». В проекте обобщен опыт многолетней работы института и его социальных партнеров, направленной

на достижение стратегической цели непрерывного профильного образования «школа-вуз»: формирование молодежи, обладающей социально ответственной гражданской позицией. Вниманию жюри была представлена инновационная модель формирования личности в гражданском обществе. Главная роль в этом процессе отводится новой модели социального партнерства, включающей государственные и негосударственные средние общеобразовательные и высшие учебные заведения, органы государственной и муниципальной власти, общественные структуры.

Студенты юридического факультета Башкирского института социальных технологий Юрий Елисеев, Вероника Нуштаева, Максим Павлушкин стали победителями Аксаковского международного конкурса.

За свой проект «Сайт Мемориального дома-музея Сергея Аксакова и Аксаковского фонда» они были удостоены гран-при и именных стипендий от Совета городского округа город Уфа. Торжественная церемония награждения конкурсантов состоялась 25 сентября 2009г. в Башкирском театре оперы и балета в рамках ежегодного Аксаковского бала. Глава Совета ГО город Уфа И.Г. Нигматуллин, награждая наших студентов, в частности, отметил, что «конкурсную комиссию впечатлили как объем соб-

ранных на сайте сведений, так и функциональный интерфейс, и оригинальный дизайн сайта». «Очевидно, что этот пользующийся спросом и активно обновляющийся ресурс может стать важным инструментом в деле образования и просветительства, – сказал Ирек Газизович, – учитывая то, что пользователями интернета, в первую очередь, являются молодые люди, прикладное значение данного проекта и ожидаемый от него эффект мы оценили очень высоко».

Круглые столы, конференции, форумы

16 ноября 2009 года в Башкирском институте социальных технологий при поддержке Комитета Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО прошел Круглый стол «Ребенок – Семья – Общество: проблемы толерантных взаимоотношений», посвященный международному Дню толерантности и 50-летию принятия Декларации защиты прав детей.

В работе Круглого стола приняли участие представители государственных и муниципальных органов власти, руководители общественных организаций, учителя и учащиеся школ, преподаватели и студенты высших учебных заведений г. Уфы. На обсуждение участников Круглого стола были вынесены вопросы, касающиеся соблюдения

прав детей, создания условий для развития их способностей, формирования толерантных качеств.

В завершении Круглого стола участники подвели итоги работы, высказали свои предложения и вынесли резолюцию, в которой, в частности, отмечается, что в современном российском обществе происходят социально-экономические изменения, которые ведут к увеличению доли социальных рисков. Более того, аналогичные процессы наблюдаются во всем мире. Нестабильность в большинстве социальных институтов, появление новых цивилизационных угроз ведут к переосмыслению места человека в современном мире. Особенно важно, что серьезному испытанию на прочность подвергаются привычные

ценности и нормы нашей цивилизации такие как гуманизм и права человека. Эти процессы не могут не затронуть и мир современного ребенка. В таких условиях меняется система отношений ребенка к миру, к себе и к другим людям.

Комплекс проблем, обсужденных на круглом столе, также включал и проблему межэтнической, межконфессиональной и иной нетерпимости, жертвами которой становятся дети.

Участники Круглого стола отметили важность проведения подобных мероприятий, в ходе которых обсуждаются актуальные проблемы современности и определяется механизм их решения.

Всесторонне обсудив вопросы по предложенной тематике, они подчеркнули, что *успешное решение проблем, связанных с соблюдением прав детей, толерантных взаимоотношений, имеет существенное значение для становления в России гражданского общества*. Позиция ребенка как равноправного субъекта права выступает важным условием для внедрения в повседневную жизнь российских граждан *новой системы межличностных отношений – системы, основанной на гуманистических принципах, на принципах взаимоуважения и толерантности*. Однако сделать это только путем принятия правозащитных законов невозможно. Не менее важным усло-

вием является осознание всеми членами общества необходимости признания ребенка *самоцентрической личностью, имеющей наряду с обязанностями определенные права и свободы*.

В связи с этим участники «круглого стола» заявляют о необходимости:

- признания соблюдения прав и свобод ребенка как в качестве приоритета при определении содержания образования, так и важнейшим критерием оценки эффективности современного образовательного и воспитательного процессов;
- повышения правовой культуры и правового самосознания участников образовательного процесса (учителей, администраторов общеобразовательных учреждений, родителей, детей и др.), активного развития новых форм просветительской работы, использования в этих целях возможностей современных средств массовой информации;
- специального внимания к проблеме исследования межэтнической интолерантности;
- формирования комфортного нравственно-психологического и правового пространства для детей в семье, образовательном учреждении, обществе в целом.

*Зам. директора по научно-исследовательской работе
БИСТ (филиал) АТиСО
Черкесова Н.Н.*

Семинару «Актуальные проблемы сложных систем в науке и образовании» – пять лет

27 сентября 2004 года в Башкирском институте социальных технологий (филиале) Академии труда и социальных отношений при кафедре «Математика и информатика» начал свою работу семинар «Актуальные проблемы сложных систем в науке и образовании», учредителями которого стали Уральское отделение Российской академии образования и Башкирское отделение Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта.

За время работы семинара было проведено 52 заседания, в которых приняли участие более двухсот ведущих специалистов, аспирантов и студентов вузов России и Республики Башкортостан из различных областей знания: физики, химики, биологи, медики, философы, историки, социологи, деятели культуры, журналисты, писатели. Ученые из Москвы, Самары, Перми, Ярославля и других регионов России представили свои вузы: Пермский государственный университет, Пермский технический университет, Самарский технический университет, Академию экономической безопасности РФ, Одесский медицинский университет, Башкирский государственный университет, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфимский государственный авиационный университет,

Башкирский педагогический государственный университет, Башкирский медицинский государственный университет, ГУП Институт нефтехимпереработки, Уфимскую государственную академию сервиса, Башкирский институт физической культуры, Институт биологии УНЦ РАН, Институт экологии и гигиены человека, Башкирский государственный аграрный университет, Башкирский институт социальных технологий и многие другие.

Важные междисциплинарные проблемы методологии, развития, организации (самоорганизации) сложных систем в науке и образовании рассматривались в рамках основных научных направлений:

научные проблемы исследования сложных систем (теория систем, системный анализ, кибернетика и синергетика);

сложные системы в естественных, технических и общественных науках;

методология и технология образования;

методология и философия научного познания.

За годы существования семинара были проведены: Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманитарные и естественнонаучные аспекты современной экологии» (24-26 марта 2006г.) и Международная научно-практическая конференция «Акту-

альные проблемы методологии, философии науки и образования» (9-10 февраля 2007г.). На семинаре впервые представили свои работы такие известные специалисты, как д.т.н., профессор С.Ю. Рудерман (работы по математическим основам генетического кода), д.т.н., профессор Н.А. Самойлов (работы по методологии преподавания и литературные труды), д.п.н., профессор Башкирского государственного педагогического университета Ф.Ш. Терегулов (работы по философским основам космогонии), д.х.н., профессор Томского государственного университета Ф.Г. Унгер (работы по спиновой квантовой механике), д.с.-х. н. профессор К.Б. Магафурова (экономическая кибернетика), д.м.н., профессор В.О. Красовская (работы по методологии безопасности жизнедеятельности человека) и многие другие.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что семинар стал дискуссионной трибуной, где состоявшиеся ученые и молодые исследователи имеют возможность выра-

зить свое мнение по актуальным проблемам образования, науки и общества.

Мы благодарим всех ученых и специалистов, принявших активное участие в работе нашего семинара: А.Ю. Алексеева (профессора, Ученого секретаря отделения РАН по методологии искусственного интеллекта), М.С. Кунафина (профессора), А.Ф. Кудряшева (профессора), В.О. Красовского (профессора), К.Б. Магафурова (профессора), Н.А. Самойлова (профессора), Ф.Ш. Терегурова (профессора) и многих-многих других.

Надеемся, что проблемы развития природы и общества в эпоху экологических и социальных катастроф, обсуждаемые на заседаниях нашего семинара, будут по-прежнему вызывать живой интерес наших коллег.

*Председатель семинара,
д.х.н., профессор, зав. каф. «Математика и информатика» БИСТ
(филиал) АТиСО М.Ю. Доломатов*

CONTENTS & SUMMARIES

HISTORIANS ARE MUSING

Sakharov Valentin Alexandrovich

Doctor of historical sciences, associate professor of Political history chair, department of State administration at Lomonosov Moscow State University

Tsar Ivan the Terrible: debatable questions of history of tsar's personality formation

Legendary character of Ivan the Terrible's childhood and adolescence information is presented in article. The impossibility and illegitimacy of its use for the thesis substantiation about intellectual and moral and psychological deficiency of the tsar is proved. Unauthenticity of the opinion about beneficial influence on it of his wife - tsarina Anastass and its "instructors" - A.Adasheva and Silvestra is proved. It is shown that "instructors" put the young and not skilled tsar under their control by means of a deceit and intrigues and abused the received power. It is established that the creation of Elected Rada resulted from the change of tsar Ivan's surrounding imposed on him and served the purposes of restriction of czarist autocracy. It is found out that this restriction was in a deep contradiction with notions of essence, character and limits of the tsar power, as the power of live god. The following conclusion is made: the reasons of the conflict between Tsar Ivan the Terrible and the leaders of Elected Rada are rooted not in the tsar's personality and character of the, but in political struggle on the principle questions of development of the Russian state.

Key words: autocracy, Elected Rada, czarist autocracy, Ivan the Terrible, Andrew Kurbsky.

Livshin Alexander Yakovlevich

Doctor of historical sciences, professor of Political history chair, department of State administration

Social ideal in post-revolutionary Russia: national notion of freedom and justice.

In this article the author argues, basing his opinion on the letters to authorities of 1917 -1932, that social ideal in the post-revolutionary epoch was based on two fundamental concepts of freedom and justice. In the article the widespread notions of social justice in the context of socio-cultural conflict between urban and rural areas in that time period are being analyzed. During Stalin's «revolution from above» many peasants interpreted the events that happened as another fatal attack of the privileged city to the discriminated village.

Key words: freedom, justice, social ideal, revolution, NEP, collectivization, letters to authorities, sentiment, political emotions, mass mind, rationed supply, "Great breaking".

Marenkov Alexei Sergeevich

History and social science teacher MEI School № 18 named after N.V. Menchinsky Pavlovsky Posad, Moscow region.

Coverage of the russian-japanese war in official press

The article is devoted to the review of Russian official press of the Russian-Japanese war. In the review the position of the Russian printing editions concerning the conflict reveals, problems of formation and argumentation of reasons and purposes of the Russian empire war and aggression of Japan are considered. From the very beginning of the warfare the official periodicals sequentially conducted a government policy on popularization of war and suggestion of confidence of a swift victory among the population. Special attention in the article is paid to methods and means, used by newspapers and magazines for achievement of these purposes.

Key words: the Russian-Japanese war, periodicals, the governmental propaganda, patriotic upsurge, war popularization, heroism of armies, objectivity of press, society consolidation.

LEGAL STATE AND CIVIL SOCIETY: RUSSIAN DIMENTION

Kholutornyy Olga Nikolaevna

Candidate of philosophy, associate professor of Philosophy chair Bauman Moscow State Technical University Legal state formation in Russia: traditions and prospects

Legal State formation in Russia: traditions and prospects

Legal state is based on accurate division of substantive and instrumental basis of the state participation. The development of legal statehood realized in foundation of systems of constitutionalism, parliamentarism, structuring of civil society, in working out of protection of human rights mechanisms. The idea of legal state is the idea of civil society and state co-governance presupposing the destruction of state monopoly to the authorities with simultaneous change of correlation of state and society freedom for the benefit of the latter and of a separate person. Formation of legal statehood, liberalism in Russia at present is directly determined by restoration of state, lawfulness, law and order.

Key words: power, law, right, legal state, civil society, person, totalitarianism, human rights and freedoms.

Boyarskikh Artyom Viktorovich

Candidate of social sciences, associate professor, Deputy Director of Distance Education Institute Tyumen State University

Elements of civil society in social politics theories

One of the most important elements of contemporary society – civil society – is observed in the article.

Many sociologists, philosophers, social scientists tried to present their formula of ideal society: starting from Platon and Aristotle till K. Marx and P. Kropotkin. Analysis of civil society subjects is presented in the article, it allows to determine the contemporary model of its construction.

Key words: civil society, state, social institutes, civil society institutes.

Nigmatullina Tanzilya Altafovna

Candidate of historical sciences, associate professor, Director of Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of Academy of Labor and Social Relations

**National policy as component of civil society development:
Bashkortostan Republic experience**

The article is devoted to the analysis of Bashkortostan Republic national policy at the present stage. In the author's opinion, the competent and weighed national policy in region is the important component of development of civil society in the republic and Russia in whole.

Key words: civil society, national policy, tolerance, ethnic group, intolerance.

Reznichenko Vera Anatolyevna

Candidate of philosophy, senior lecturer of Valueology chair Bauman Moscow State Technical University

Preventive measures of deviant behaviour of the person in the period of transformation of social norms

Building of a Post-Soviet life in Russia takes place in a difficult sociopolitical context that is caused by side effects of transitive time. The situation is aggravated by growth of mass uninvolvement in productive activity, by development of social apathy. Nation degradation is the real danger causing alarm of all society. The anomaly of the values acts as the base social problem, compelling the individual to resort to deviant self-organizing and adaptation forms which are running counter to a valuable formation. According to the author, prospective and progressive in comparison with punishment is the idea of prevention of the deviant behavior, leaning not only on the necessity of global actions for increase of behavioral, civil,

legal culture of the population, but also the understanding of the fact that there is a unique human life behind every asocial display.

Key words: a society, deviant behavior, social norms, anomie, preventive measures of deviant behavior, right, morals.

MANAGEMENT QUESTIONS: HISTORICAL TRADITIONS AND MODERN TENDENCIES

Zaytseva Tatiana Vyacheslavna

PhD in Psychology, associate professor, chair of Human Resources management, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University

On creating Work Force for Public Organizations

The article explores possibilities of management techniques, aimed at creating work force for public organizations, their capacities and benefits. Main attention is paid to the task of making visible systematic and hierarchical relationships between different techniques and instruments. Effects of synergy and mutual supplementation are examined in details.

Key words: recruitment policy, management techniques, personnel recruitment and selection

Klimenko Anton Vladimirovich

PhD student of Public Management department at Lomonosov Moscow State University

Development and management of territories with the unique scientific environment in the Russian Federation (Naukograd Koltovo)

The article is devoted to an urgent problem – the development and management of the unique scientific environment on the example of naukograds. According to the author, the current situation in Russia shows certain delay of development of complex and scientifically well-founded innovative policy of the State. The following reasons are mentioned: insufficient state support of innovative activity, absence of effective mechanisms of realization of the declared priority directions of the innovative policy, serious blanks in the legislation.

Key words: management of territories, naukograd, innovative policy, business incubator, innovations.

Merkulova Anastasia Mikhailovna

PhD student of Political History chair, Public management department at Lomonosov Moscow State University

Management of Moscow University in 1941-1947.

The process of administrative staff machinery formation of Lomonosov Moscow State University during the Great Patriotic War is analyzed in this article. Special attention in this work is paid to measures, which were directed to the restoration and reorganization of the university during professor I.S. Galkin rectorship.

Keywords: Management of an educational institution, higher education system, scientific administrative activity, management in a crisis situation.

Barbasova Svetlana Sergeevna

PhD student of Political History chair, Public management department at Lomonosov Moscow State University

The review of the state policy of the USSR in the field of the citizens' provision of pensions

The article is devoted to the state policy of the USSR in the field of the citizens' provision of pensions. The review of the basic measures carried out by the state in this sphere, leads the author to the conclusion about the necessity of reforming of pension system after disintegration of the Soviet Union and adoption of Russia to the exchange relations.

Keywords: provision of pensions, social protection, state policy.

Yermakov Vadim Andreevich

Senior lecturer of the liberal social and economical sciences chair Moscow State University of Technologies and management.

Revision of extreme institutes of management in the Russian Empire in 1904-1905

The article is devoted to the activity of the Special Conference at the Ministry of Internal Affairs on change of the Statute «Of measures preserving the state order and law» operating since 1881. Initiated in 1904 by the government, the Special Conference assumed to cancel or limit operation of some extreme institutes as their inefficiency had been proved. Revolutionary events of 1905 had urged administration to the further application of the extreme institutes in the invariable kind.

Keywords: military legal procedure, competence, Special Conference, extreme institutes.

COMPETENT OPINION: CONTEMPORARY EDUCATION

Bondarenko Marina Anatolyevna

Candidate of pedagogical science, associate professor of the Russian language chair at the Academy of Labor and Social Relations, member of Russian Writers' Union

The analysis of the contemporary speech situation as means of formation of the linguistic personality

The article is devoted to questions of formation of the linguistic personality. According to the author, under condition of consecutive usage of such reception as the analysis of a speech situation the linguistic personality of the student approaches new level of development. The independent estimation of deformations occurring in the modern language and their consequences becomes the positive factor of active formation of the conscious linguistic personality.

Key words: speech situation, linguistic personality, communicative skills, speech practice.

Shutelyova Iya Alexandrovna

Candidate of historical science, associate professor of Law and Social Science chair at Institute of historical and legal education of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

The innovative capacity of legal disciplines in the formation of ethno-cultural tolerance and of the legal consciousness competences of students of educational institutions

Bashkortostan is one of the multinational region of the Russian Federation and the territory under the influence of dynamically developing migratory processes and that demands formation of the independent, socially responsible person with the high level of legal culture. Contemporary legal education should form the competences of self-expression, the youth should design their information field by themselves and protect it from negative and destructive influences from without. All these things obliges the educational institutions to form the tolerant educational environment, which provides designing and adoption of educational strategies in training system of the teachers possessing the qualities of a free personality and "active" citizen.

Key words: formation of competences, legal consciousness, ethno-cultural tolerance, innovations.

Solovyov Nikolai Nikolayevich

PhD student of Sociocultural Activity chair at Tambov State University named after G.R. Derzhavin

Sociocultural activity as an effective means of formation of legal culture of the youth

The crisis which had struck economic and political life of the country, affected especially the spiritual culture of the people. The special role belongs to the youth legal culture education. Global practice and local experience indicates the necessity

ty of legal regulation of sociocultural life of the society in any country and in particular in crisis periods of public development. The transition to new paradigms of sociocultural activity in the society to the new ratio of roles and opportunities of the person, of public organizations, of the state to the new contents of the rights and charge in this area is possible only as result of the new cultural policy of the Russian state.

Key words: *sociocultural activity, legal culture, the youth, cultural policy.*

Abdullina Zishana Memetovna

Candidate of culturology, associate professor of Native land history, Philosophy and Politology History chair at Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

The use of innovative technologies in liberal education (on the example of the experimental lesson at the course of "culturology")

The article is devoted to the questions of modernization of modern liberal education in high school, of introduction of innovative didactic technologies and the competent-modular approach in educational process of expert training. On the example of the experimental lesson at the course of "Culturology" convincingly the author proves efficiency of usage of didactic design technology in training of experts of liberal specialization.

Key words: *culturology, innovative technologies, experimental lessons, the competent-modular approach.*

SCIENTIFIC LIFE

Congratulation on the defence!

Congratulation on the victory!

Round work tables, conferences, forums

The seminar «actual problems of difficult systems in science and education» is five years old

АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью нашего издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискус-

сионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

В «Вестнике БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» предполагается публикация научных исследований по следующим направлениям:

- Общественные науки;
- Экономика;
- Юриспруденция.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать наш журнал ярким и интересным.

Стандарт представления статьи в журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)»

1. Материалы представляются в электронном и распечатанном (1 экз.) вариантах, которые должны быть идентичны (либо только в электронном варианте для тех, кто высылает статью по e-mail: vestnikBIST@mail.ru).

2. Текст статьи набирается в текстовом редакторе Microsoft Word, шрифт Times New Roman, 14 кегль, через 1 интервал, без переносов, выравнивание по ширине. Размер бумаги – А4 (21 см x 29,7 см), ориентация – книжная. Поля: верхнее – 2,5 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 2 см.

3. Абзацный отступ устанавливается автоматически (Формат → Абзац → Первая строка – отступ 1 см.). **Внимание!** Не следует оформлять абзацный отступ с помощью многострочных пробелов и табуляции.

4. Не используйте колонтитулы. Нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-ой страницы.

5. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть раскрыты при первом появлении их в тексте.

---

6. Разделы и подразделы статьи нумеруются арабскими цифрами, выделяются полужирным шрифтом и на отдельную строку не выносятся.

7. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word (не отсекированные и не в виде рисунка). Таблицы должны располагаться в пределах рабочего поля. Форматирование номера таблицы и ее названия: шрифт обычный, размер 11 пт, выравнивание по центру. **Обратите внимание**, что в конце названия таблицы точка не ставится! Содержимое таблицы – шрифт обычный, размер 11 пт, интервал – одинарный.

8. Рисунки размещаются в рамках рабочего поля. Допускается использование рисунков в форматах JPEG и GIF. Рисунки должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Используемое в тексте сканированное изображение должно иметь разрешение не менее 300 точек на дюйм. Подпись под рисунком. Форматирование названия и номера рисунка – шрифт обычный, размер – 11 пт, выравнивание по центру, интервал – одинарный.

Обратите внимание, что в конце названия рисунка точка не ставится!

9. Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте оформляются в квадратных скобках [номер источника по списку, номера страниц], например, [1, с. 256].

10. Список литературы размещается в конце статьи. Размер шрифта 12 пт., форматирование выравниванием по ширине страницы, например: [1] Аверьянов Л.Я. Социология: что она знает и может. М., 1993. (Фамилия и инициалы автора/авторов (выделяется курсивом), название, выходные данные, включая название издательства).

11. В правом верхнем углу указываются сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы автора и занимаемая должность), например:

Иванов Иван Иванович
доктор экономических наук, профессор кафедры
«Экономика и менеджмент» Академии труда и социальных отношений,
действительный член Российской академии наук Российской Федерации

12. Ниже, через 1 интервал, прописными буквами 14 кеглем полужирным выделяется название статьи на русском и английском языках. Выравнивание – по центру. **Обратите внимание**, что в конце заголовка точка не ставится!

13. Через 1 интервал 12 кеглем курсивом приводится аннотация на русском и английском языках (по 500-700 знаков с пробелами). На следующей строке – ключевые слова (5-7 единиц).

14. Файл сохраняется в формате doc. Название файла – фамилия автора, например: Иванов.doc.

15. Объем материалов: максимальный объем статьи 15 полных страниц; минимальный – 5 полных страниц.

16. Работы аспирантов и соискателей должны сопровождаться отзывом научного руководителя и выпиской с заседания кафедры с рекомендацией.

17. Для контакта с автором к статье прикладываются почтовый адрес, контактный телефон и адрес электронной почты.

«Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)»
Серия «Общественный науки». 2009. № 4 (4).

Редакторы: А.К. Сулейманова, Н.Н. Черкесова
Компьютерная верстка: К.О. Борисов

Формат 60x84 / 8   Усл. печ. л. 18,2
Гарнитура Times   Заказ 7.
Тираж 1500 экз.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Отпечатано в типографии БИСТ (филиал) АТиСО
450054, г. Уфа, Проспект Октября, 74/2
+7 (347) 248-43-01

Отпечатано
в типографии БИСТ
Тираж 1500 экз.